

СЕМЬЯ И ШКОЛА

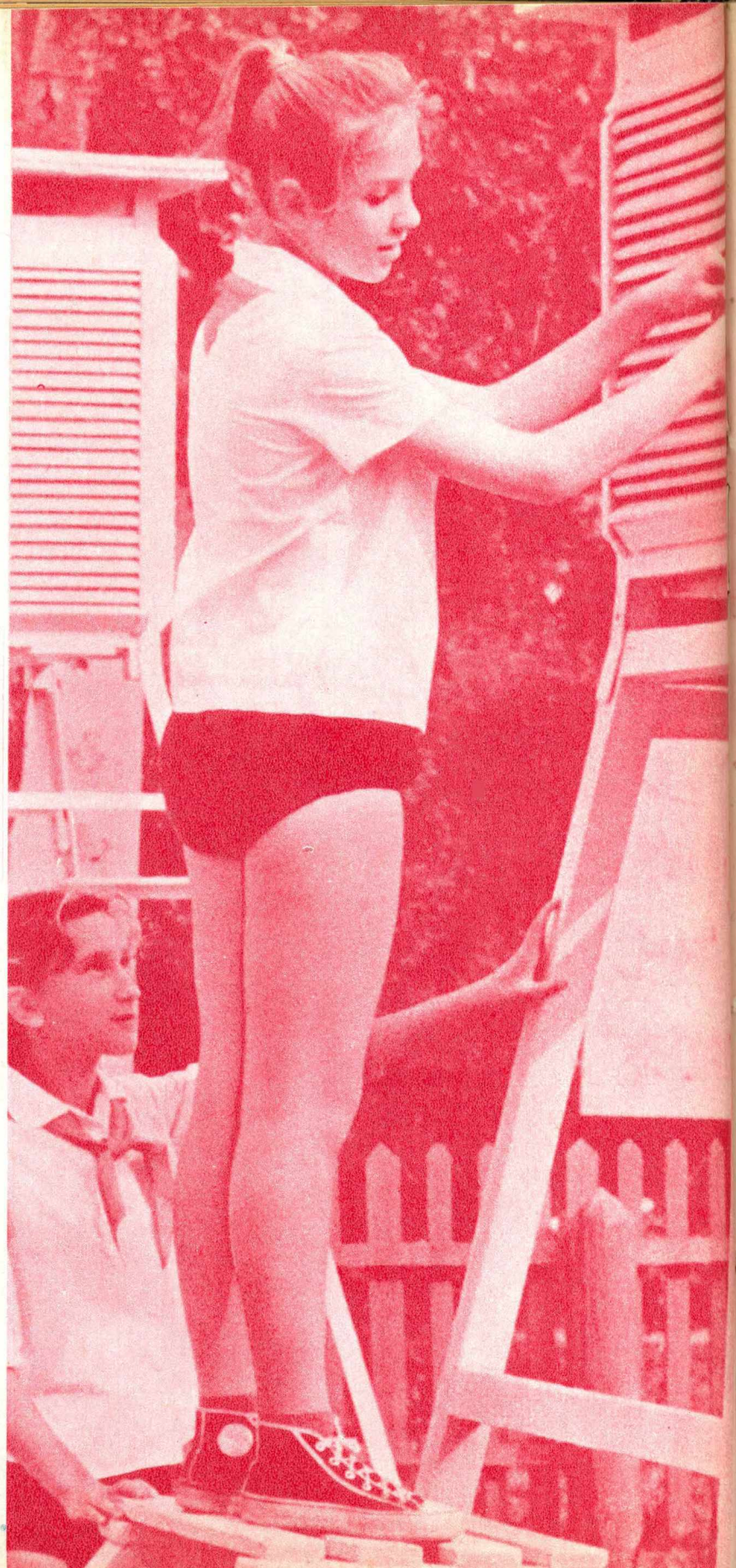
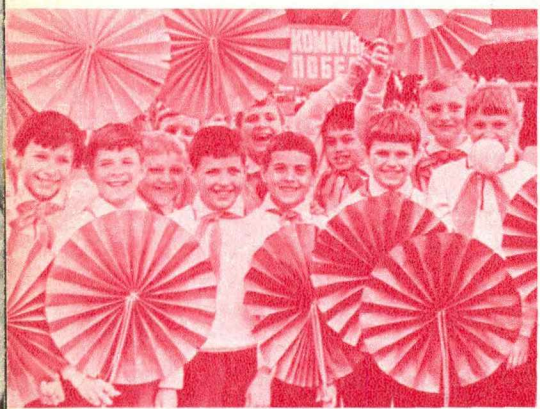
5/1972

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

*Многие поколения советских людей
получили в пионерских рядах
свое первое представление
об идеале человека —
мужественного, трудолюбивого,
беззаветно преданного Родине,
делу коммунизма*

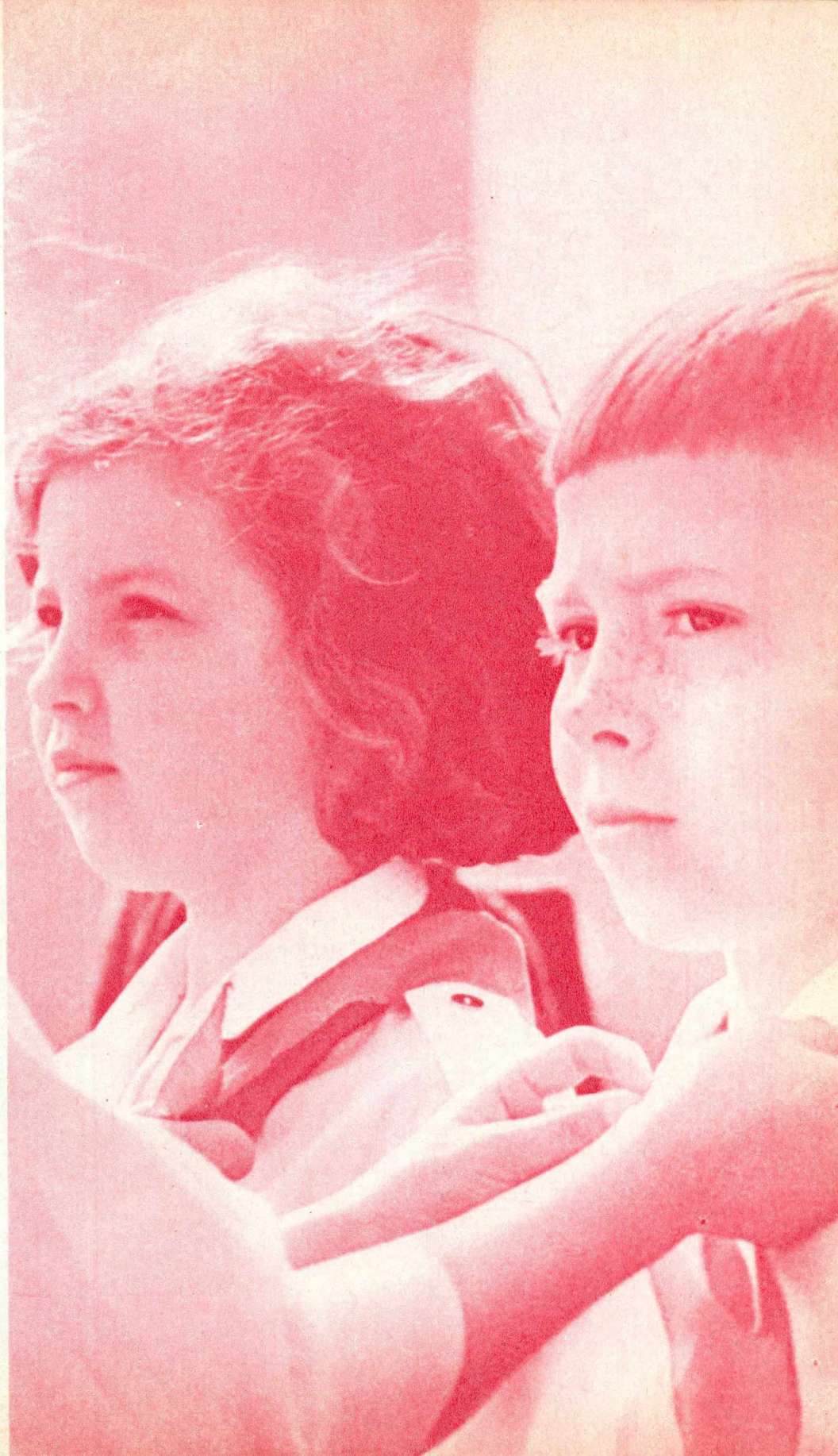
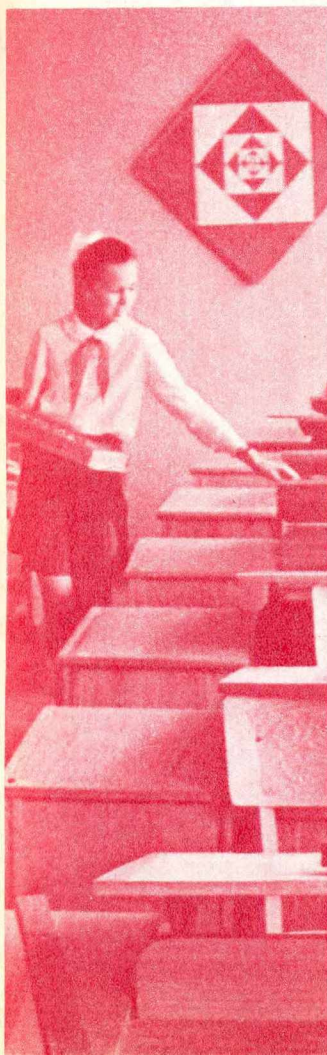

*...всем
ребятам
пример*

«Под руководством
партии
и своего
вожатого —
Ленинского
комсомола
пионерская
организация
вместе со школой,
семьей
и советской
общественностью
активно
участвует
в решении задач
идейно-
нравственного
становления
и всестороннего
развития
юных граждан».
(Из Постановления
Центрального
Комитета КПСС
«О 50-летию
Всесоюзной
пионерской
организации
им. В. И. Ленина»)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К 50-летию пионерии</i>		<i>Событие семейного значения</i>	
Детство счастливое, пионерское		Г. Терехова. Три лучших дня	29
(Беседа с А. В. Федуловой, пред- седателем Центрального Совета Всесоюзной пионерской органи- зации имени В. И. Ленина)	2	Н. Левитов. Демьянова уха	30
Л. Иванова. У нас один вожатый	4	А. Бакулов. «Все равно пианист- кой не буду...»	32
<i>Родительский опыт</i>		Е. Шереметьева. А я пойду!	34
Л. Швецова. Будни учения	8	<i>Природа</i>	
И. Кленицкая. Самые обыкно- венные вещи	9	К. Иосифов. «Живое серебро»	37
<i>Почта</i>		В. Латышев. Говорящие тропы	39
Е. Федорова. Гостям всегда рады	11	<i>У врача</i>	
В. Медведев. Наша «Угадай-ка»	11	Б. Шеврыгин. Сами не пожа- луются...	40
Н. Каргин. Своя, домашняя	11	<i>Старинные наставления</i>	42
А. Степовой. Вспомнили про рус- ское поле	11	<i>Листая журналы</i>	43
В. Мазаева. Цена невнимания	11	<i>Читательские курсы</i>	
Е. Мельникова. Что такое плохо...	12	Л. Гребенникова. Путешествие по профессиям	44
Т. Бушуева. Как бы поступила мама?	12	<i>Книги</i>	
Время для практики. (Ответ на письмо читательницы Т. Трубец- кой)	12	Г. Румянцева. И опять — движе- ние	46
Не по одежке... (Ответ на письмо читательницы И. Черновой)	13	И. Линкова. Ленинское слово	47
Эта ужасная жаба. (Ответ на письмо читательницы А. Частил- овой)	13	С. Львов. Дорогие сердцу встречи	48
Не хуже, чем в городе. (Ответ на письмо читательницы Г. Ту- машовой)	14	С. Сивоконь. В лесной стороне	50
<i>Над детскими письмами</i>		Недавно выпущено...	52
В. Филиппов. Если лежит душа к «железкам»	15	<i>Кино</i>	
<i>Из педагогического наследия</i>		Е. Стишова. Родословная под- вига	53
И. Алтынсарин. «Непременно быть полезным человеком» (С вступлением А. Сембаева и А. Ситдыкова)	16	<i>Пластинки</i>	
<i>Наши права, наши обязанности</i>		Н. Танаев. Потерянная и возвра- щенная любовь	54
А. Долгова. Сообщить или скрыть?	20	<i>Диафильмы</i>	
В. Попов. Велики ли отцовские заботы?	22	С. Печуро. Выше леса стоячего	56
<i>Создалось такое положение...</i>		<i>Детство замечательных людей</i>	
Ф. Ипполитов. Простота хуже воровства	25	В. Шатчинин. Гёте	57
<i>Истории из жизни</i>		<i>Приглашение к танцу</i>	
Т. Дурасова. Есть такая женщина	27	В. Бовт. Смеется вальс над всеми модами века...	58
		С. Глязер. На площадке, на лу- жайке	60
		<i>На 64 клетках</i>	62
		<i>Картины нравов</i>	
		В. Алексеев. Сумрак и огонь	64
		На 1-й и 4-й страницах обложки фото Б. Раскина. На 2-й странице обложки и 1-й странице вкладки фото Н. Свиридовой и Д. Воздви- женского. На 2-й странице вкладки фото С. Тапкина.	

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Ежемесячный журнал
для родителей
Академии
педагогических наук СССР
Май 1972 года
№ 5 27-й год издания

детство счастливое, пионерское

*Пятидесятилетие
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина —
большой праздник
не только детей,
но и всей
Советской страны.
В чем животворная сила
пионерского движения?
Как выросло
оно за полвека?
Какие новые проблемы
ставит перед ним
современность?
Этому и была посвящена
беседа корреспондента
«Семьи и школы»
с председателем
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Алевтины Васильевны
ФЕДУЛОВОЙ.*

— Позвольте, Алевтина Васильевна, начать разговор с несколько необычного вопроса: можно ли представить наше общество и школу без пионерского движения?

— Думаю, совершенно невозможно. Социалистическое общество нуждается в людях не только образованных, но и коммунистически убежденных, политически развитых, общественно активных. А качества эти закладываются уже в годы детства и юности. Школа не могла бы воспитывать таких людей, не опираясь на массовые организации пионеров и комсомольцев. Сами эти организации отвечают глубочайшей тяге молодого поколения к социальной активности.

Потребность в ней проявляется уже в первые сознательные годы детства. Наши ребята необычайно чутки к современности. Их волнует героическая борьба вьетнамского народа за свободу и независимость. Они гордятся замечательными успехами советских людей в покорении космоса. Их увлекают планы дальнейшего строительства и развития Родины в девятой пятилетке. И они жаждут непосредственно включиться в эту борьбу, в строительство, в освоение богатств природы. Вот почему всякая предлагаемая детям и доступная им форма участия в общем труде вызывает у них самый горячий отклик. Сбор лекарственных трав для Вьетнама. Инициатива украинских и казахстанских пионеров по посадке на острове Мангышлак «шевченковского сада». Операция «Чукотка» — помощь в строительстве Дворца пионеров для чукотских ребят. «Зеленые патрули», несущие службу охраны природы. Движение красных следопытов. «Пионерские плавки» из со-

бранного металлолома. Разведчики природных кладов. Операция «живое серебро» — помощь рыбным хозяйствам в разведении мальков. Это лишь небольшая часть разнообразных походов, операций, маршрутов, в которые пионерская организация вовлекает своих членов.

Важнейшим остается маршрут «В страну Знаний». Пионерское движение неотделимо от школы, от ее повседневной работы по вооружению подрастающего поколения основами наук. А школа находит в организации юных ленинцев силу, помогающую воспитывать у детей сознательное, подлинно общественное отношение к делу учения. Их союз содействует единству школьного учения и участия в общенародном труде, как того требовал В. И. Ленин.

— Пятьдесят лет — немалый срок. За эти годы пионерская организация прошла большой путь развития. Что вы здесь считаете наиболее существенным?

Прежде всего численный рост. В феврале 1922 года в стране было лишь 52 пионера. В 1929 году — к 1 Всесоюзному пионерскому слету — их насчитывалось уже 2 миллиона. А сегодня в нашей стране 23 миллиона пионеров!

Далее, рост массовой активности. Пионерская организация всегда была общественно активной, живо откликалась на большие события в жизни Родины. Но теперь, когда практически все дети пионерского возраста состоят в рядах юных ленинцев, этот отклик приобретает огромные масштабы. Широкий выбор маршрутов, разнообразие трудовых дел, ставка непосредственно на отряд и звено — все это помогает дойти

до каждого и вовлечь его в живое коллективное действие. Всемерно расширяем мы пионерский актив. Многочисленные «советы», «посты», «штабы», «патрули» открывают тысячам и тысячам ребят возможность проявить себя в роли зачинателей, организаторов, вожakov.

Разнообразие пионерской деятельности содействует всестороннему развитию детей. Наряду с обычными трудовыми делами все больший вес приобретают и такие, что требуют от пионеров специальных способностей, более высоких знаний и культуры: конкурсы и олимпиады, «Малые Тимирязевки» и школьные «третьяковки», ленинские комнаты и музеи боевой и трудовой славы, клубы КВН и лекторские группы. Все это помогает развитию исследовательских навыков, учит искусству убеждения, расширяет общий и политический кругозор. Работа с октябрятами пробуждает у пионеров педагогические склонности и способности. В последние годы заметно повысилась роль спорта в пионерской жизни. А движение красных следопытов и всесоюзная игра «Зарница» не только обогащают военно-патриотическое воспитание, но и открывают широкое поле для выхода бурлящей ребячьей энергии.

— *Хороший вожак — душа организации. Довольны ли вы кадрами старших вожатых?*

— У нас в стране 84 тысячи штатных старших вожатых. И 40 тысяч нештатных — преимущественно учителя небольших сельских школ. В основном это партийная и комсомольская молодежь, люди, знающие школу, любящие детей, обла-

дающие опытом пионерской работы. Мы гордимся своими ветеранами — их более 200 человек, — вожатский стаж которых перевалил за 25 лет, они и поныне успешно работают. Насущным делом для нас остается борьба с текучестью пионерских кадров и забота об их квалификации. Пока лишь третья часть старших вожатых имеет педагогическое образование, но многие из них учатся. Они становятся все более активными членами педагогических коллективов, прямыми помощниками директора в воспитательных делах. В 21 пединституте есть «пионерские факультеты», готовые преподаватели истории, обществоведения и одновременно методистов по пионерской работе. Вожатых готовят и 100 педагогических училищ.

Среди старших вожатых немало ярких людей, к ним особенно тянутся дети. Но даже лучший вожатый в одиночку немного сделает. Мы горячо благодарны тем рабочим, колхозникам, служащим, которые целыми цехами, бригадами, лабораториями — в роли «коллективных вожатых» — включаются в пионерскую жизнь, вносят в нее свой жизненный опыт, творческую выдумку. Хорошо также, когда ребячья увлеченность находит добрый отклик и умную поддержку в семье, у родителей.

— *Пионерское движение, несомненно, еще таит в себе большие, пока недостаточно используемые, воспитательные возможности. Скажите, Алевтина Васильевна, что нужно здесь сделать?*

— О вожатых я уже говорила. Борьба за стабильность среди них и забота о качестве подготовки пионерских работников остается делом первостепенной важности.

Другая проблема — усиление самостоятельного характера пионерского движения как одного из ведущих его принципов. Мало вовлечь максимум ребят в различные общественно-трудовые дела. Главное, чтобы каждый ощущал себя «хозяином» пионерской организации, чувствовал свою ответственность за нее, за личное пребывание в ней.

Предстоит значительно укрепить материальную базу для творческой — трудовой, технической, художественной, спортивной — самостоятельности детей. Об этом специально записано в Директивах XXIV съезда КПСС на девятую пятилетку.

Надо расширять и сферу влияния самой пионерской организации. Прежде всего — на октябрят. Современное учение уже с 1-го класса отводит ведущую роль развитию детей и, естественно, требует, чтобы этому помогала и вся внеклассная жизнь. Значит, надо разнообразнее и интереснее вести работу с октябрятами, гораздо шире, чем прежде, вовлекать в нее пионеров. Другая область, давно ожидающая «вторжения» пионерской организации, это — двор. Здесь мы должны занять более активную позицию, стать организаторами разумного и активного ребячьего досуга.

Партия через комсомол повседневно направляет детское коммунистическое движение. В Постановлении ЦК КПСС «О 50-летию Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина» сказано: «Коммунисты и комсомольцы, каждый советский человек обязаны активно участвовать в воспитании пионеров и школьников, рассматривать эту работу как свой гражданский долг и почетную обязанность».

у нас один вожатый

*Многое
из пионерских лет
вспоминается
с благодарностью,
многое
просто с удовольствием,
но есть в них такое,
о чем думаешь
с особенным уважением —
об умении
поднять нас,
маленьких,
до высокого
человеческого призвания.
Жизнь обогащала,
укрепляла,
ковала
наши коммунистические
убеждения,
но свое первое —
всегда готов к борьбе
за дело Ленина! —
мы произнесли
и осознали,
вступив в пионеры.*

Как правило, люди хорошо помнят свое детство. Психологи считают, что причина тут в особенной глубине борозд, оставленных первыми впечатлениями. Как правило, люди любят вспоминать свое детство. Этому, кажется, нет точных объяснений. Принято думать, будто возвращаясь в ту безмятежную пору, отдыхает отягощенная житейскими заботами мысль. Но чаще молодой запас питает не душевный привал, а наоборот — душевную работу.

Однажды я видела, как у каменной стены, вросшей в землю, возились археологи, срисовывали, измеряли ее, обнажали основание; бережно, словно золотоносный песок, ссыпали в пробирки соскоб невыветрившегося скрепления кладки. Не похоже ли наша память поступает с детством? Не с особым ли тщанием мы обдумываем цементирующую силу начальных жизненных опытов?

*

Мне интересны в детстве пионерские годы.

*

Были костры со знаменитой картошкой, дальние походы и короткие кочевки, палаточные лагеря, военные игры, спортивные состязания, кроссы. Все видится в лесной зелени, в голубизне неба и рек, в луговом разноцветьи. Настоянные на солнце земляничные поляны, влажные черничные заросли, теплая скользкая хвоя под ногами, ветровая высь волжских откосов, травянистая тишина берегов Кудьмы, Пьяны, Линды, Узолы, Ватомы, Керженца... То медвяно пахнет марево летнего утра, то откроется блестящая даль плотных снегов, санный путь... Укрытая тулупами, румяная, смешливая катит в деревню пионерская живгазета... Вдоволь надышались, набегались, вдоволь напились красотой. С благодарностью помнится всё, что учило нас бытовой сноровке, давало физическую закалку, навек влюбляло в родную природу.

Были барабанные марши по горбатым улицам старинного города, нога в ногу, голос в голос, лихо, звонко. Кто там шагает правой? — Левой! Левой! Это немало — ощутить увлекающую силу спаянного строя, себя в общих рядах.

В веселой игре, в радости товарищества мы получили все, что полагается золотой поре малолетства. Но и больше того: сознательное отношение к жизни, то, чего в обыкновенном детстве и не мыслилось. А не это ли, в конце концов, является идеалом воспитания? Ни-

как иначе, именно искусством, стоит назвать умение пионерской организации открывать в бурной стихии детства его гармонию.

*

Главное желание детства — скорее вырасти. Всю свою первую пору человек тянется вверх, тянется телом и душой, и особенно стремительно тогда, когда уже накоплены какие-то представления об окружающем мире. Подростку становится мало игры, воображение больше не может утолить его жажду настоящего действия. На рубеже этом, поняв, что его считают еще маленьким, человек может упасть духом. И сколько бы мы не твердили ему, что свою энергию он должен употребить на подготовку к будущему, в тесноте детства рост его замедляется. А то, бывает, прорвется сквозь ограничения и бросится хватать, примерять к себе внешние признаки взрослости. Трудный возраст...

Счастливым возраст! Если всё происходит, как произошло у меня, у моих сверстников: большой мир не только впустил нас в себя, но сам позвал к своим важным делам. Деятельность настоящая, нужная, — часть общей борьбы — была естественной средой, в которой просторно расти, тянуться, стремиться, где сходились, точно совпадали сегодняшние ребячьи потребности с завтрашней жизненной целью.

Очень верно отражен этот партийный принцип воспитания в стихотворении Маяковского «Товарищу подростку». Одно из последних, написанных им, оно мало известно, поэтому стоит привести его полностью.

Попами
столетия
гудят с колоколен:
«Растите, дети,
резвитесь на воле.
Пусть ходят
плети
по спинам

голи.
Растите, дети,
резвитесь на воле.
Пусть мрак безрассветен,
пусть выкрики боли —
растите, дети,
резвитесь на воле».

Словом,
детёныш,
будьте цветочком.
Благоухайте мамаше
и —

точка!
Товарищ
второй ступени,
плюнь на такое пение!

Мы сомкнутым строем
в коммуны идем
и старые,
и взрослые,
и дети.
Товарищ подросток,
не будь дитем,
а будь —
борец
и деятель!

Мы живо интересовались политической. Обычное дело — на пионерском собрании доклад о международном положении. Попадались ли нам особо искусные докладчики, или время было такое, что от этого самого международного положения зависело так много, только основной смысл событий усваивался нами превосходно. Мы чуть-чуть не застали гражданской войны, но трудности ее, ее героизм коснулись нас близко, семейно. Мы разделяли народную гордость за то, что выступили против белых и интервентов, понимали, как важна мирная передышка, знали задачи страны ближние и дальние. Преемниками эстафеты от тех, кто старый мир разрушил, теми, кто новый мир построят — вот как мы себя ощущали, не иначе. Многие можно забыть из того, что мы делали, но того, как мы себя чувствовали — борцами, деятелями! — не забыть никогда. Это уж на всю жизнь.

Войны не было, но фронты остались — фронт восстановительный, фронт индустриализации, фронт коллективизации, культурный фронт. Культурный фронт — наш. Мы — культармейцы.

Вот ведь как врезалось, буквально помню слова старого большевика: «Вы принадлежите к образованной части общества, пока ещё не многочисленной, значит, партия может на вас рассчитывать.» Удержался мудрый человек от того, чтобы прибавить к этому уважительному обращению кое-что насчет нашего собственного ученья, или я, пропустила привычное мимо ушей, но стыд за невыученные накануне уроки вдруг возник как бы изнутри. До сих пор, когда обнаруживалось незнание, стыд был внешним — перед классом, перед учителем, перед родителями и, усаживаясь за учебники, думалось единственно о том, чтобы не повторился этот внешний стыд. А тут, пожалуй, первый раз угрызение стало вопросом к себе, ревизией своего соответствия той должности, на которую тебя ставят.

...Я иду в школу, приготовив всё, что задано, даже решив задачки, дававшиеся мне особенно трудно. Иду и в такт шагам про себя скандирую: обра-зо-ван-на-я — часть —

общества! Наверное, насколько-то я за этот короткий путь выросла...

К международному положению мы имели самое близкое касательство. Пусть грозятся всякие там Керзоны, Чемберлены, Пилсудские, — каждая победа на каждом участке любого мирного фронта на зло им делает страну крепче. Вот что мы твердо знали. От этого даже самое будничное — не буднично. С макетами зубных щеток, вскинув их, как ружья, на плечо, мы агитировали за гигиену быта. Устраивали антиалкогольные демонстрации. Рядом с вывеской винного ларька прикрепили свою: «Здесь продаются детские слезы». И, наблюдая из засады, торжествовали до тех пор, пока не забеспокоился продавец, не догадался, почему обходят стороной его заведение. Однако осиливали и работу не броскую, длительную.

...В библиотеке старушка, крест-накрест обвязанная платком со смешными хвостиками за спиной и бледная горбатая девушка с толстой косой сразу начали жаловаться: фонд очень подержанный, почти треть — вон та грудa — уже не выдётся, до того все «зачитано». А эта стопка карточек — «невозвращенцы»: взяли когда-то книги и не несут. Денег на марки, чтобы послать напоминания — нет. Бланки для каталога кончились. Кончились и колотые дрова. В наробраз обращаться бесполезно. Обе библиотекарши словно доказывали, что заботы у них совсем не детские, им нужна помощь серьезная. Вот разве «невозвращенцы». Да и то... они не знают... придётся ведь иметь дело с деньгами: за утерянную книгу надо взыскивать штраф. В нас сомневались.

Быстрое и весёлое одолели дружно: обошли должников и вернули книги, научились оформлять квитанции на штрафы, принесли пилу и сумели перепилить толстенные бревна. Бревна никак не хотели гореть, тогда стали собирать повсюду растопку — щепочки, дощечки, стружку. Хранить это было негде, поэтому пять — шесть ребят выходили на поиск ежедневно и безропотно. Не устоял перед нами и грозный наробраз, ликующие притащили мы оттуда всякую документацию. И пыль с полок стирали исправно и пол мыли, и на выдаче помогали. И уже поределли наши ряды к видимому удовольствию старушки-заведующей, которая продолжала буравить всех подозрительным взглядом. Однажды вечером, когда растопка кончилась и кругляшки лежали в печке, как железные, старушка потянулась к той растрёпанной грудке, которую

все не решалась тронуть, и вот решилась... Но прежде чем засунуть в печь, она, вздыхая, переворачивает страницы. «У нас, Липочка, кроме этого «Дон Кихота» только один остался?» И тогда мы принимаемся утешать нашу заведующую: завтра непременно раздобудем растопку, а «Дон Кихота» можно спасти, как-нибудь сшить, подклеить...

«Пионер слов на ветер не бросает — жестковато напомнил вожатый, — придется учиться переплетать. Гибели книг никак нельзя допустить, это народное богатство». Так мы стали переплетчиками, весь отряд. И признанными хозяевами библиотеки. Надо было видеть с каким ликованием водружался на место возрожденный том. Сначала его рассматривают, изумляясь, как аккуратно скреплены папиросной бумагой разорванные места, какой ровный обрез и какие надежные корочки, потом сам переплетчик ставит на книге библиотечный штамп, заполняет и вклеивает карточку.

За библиотеку нас похвалил райком комсомола, а когда к нам в Нижний Новгород на свою родину приехал Максим Горький, в райкоме решили, что приветствовать его от имени пионеров должен представить нашего отряда. Ребята выбрали меня. Тут же и обсудили, что я должна сказать. Одни считали, в первую очередь про библиотеку, другие думали, что так выйдет вроде похвалы, что сначала надо, как полагается: «Дорогой Алексей Максимович, разрешите мне по поручению ваших юных земляков передать Вам пламенный пионерский привет...» Потом про то, как нам нравятся смелый Данко и песня о Соколе... Стали перечислять какие ещё знаем сочинения Горького, прибавили «Буревестника», «Мать» (мы с матерью Петра Заломова, Анной Кирилловной были лично знакомы). Моя подружка Таня вспомнила еще: «В лесу над рекой жила фея...» Поспориw, фею отвергли, а про шефство над библиотекой постановили упомянуть в самом конце, тем более, что мы туда уже давно не ходили: переехала наша библиотека, довольно далеко, в красивый дом, где, говорят, морская лестница, в читальном зале камин с зеркалом и очень строгая новая заведующая...

...Стою за кулисами городского театра, где происходит торжественная встреча Максима Горького. Мне его еле видно, он на другом конце сцены, его загораживают сидящие в президиуме. Я верчусь, стараюсь «поймать» удобный угол зрения. Вот, наконец, он сам поворачивает-

ся сюда, даже тянет голову, чтобы лучше слышать ораторов. Точно такой, как на портретах. Я смотрю на Горького и откуда-то изнутри слышу слабенький, качающийся Липочкин голос, вижу ее в отсвете пепельно-голландки, как она, поминутно отбрасывая косу, читает нам: «Вот он носится, как Демон, — гордый, черный Демон бури, — и смеется, и рыдает...» Это он написал! И когда меня вдруг подталкивают: «Иди, иди!», я через всю сцену прямо к нему: «Дорогой товарищ Буревестник!..»

*

Еще не был известен закон затрашенной радости в воспитании, но в практике пионерской работы он действовал как один из определяющих. Мы становились старше, и ответственнее становились дела, к которым нас призывали. «Кончалась» библиотека, начался ликбез. То есть начался он давно, к тому 1929 году, о котором идет речь, ликбезовскому движению исполнялось уже десять лет, но мы выросли до участия в нем только теперь. И очень гордились тем, что выросли, что понадобились в такой момент, когда ликвидация неграмотности приобретала особую остроту: индустриализация требовала грамотных кадров. Знали мы это не отвлеченно, как всегда были в курсе последних событий: у нас за Окой, на месте Гнилиц и Монастырки будут строить Автозавод. Шутка сказать, к чему мы имели теперь отношение — к техническому прогрессу!

Нам ответила целую улицу. Мы стучались в дома, узнавая, есть ли среди жильцов неграмотные. Но тут совершался акт более значительный, чем составление списков. Шло взаимное воспитание: мы слышались о том, какие обстоятельства мешали учению смолоду, с нами делились опасениями: не поздно ли? Мы, конечно, бойко ободряли сомневающихся...

Но вот, посмотрев принесенные нами листочки, наш вожатый сказал, что молодых граждан и граждан среднего возраста пригласят в школу, а о пожилых придется позаботиться нам. Кто из отряда живёт на этой улице или поблизости? Я жила поблизости.

Учить оказалось труднее, чем агитировать. Три женщины, по праздничному повязанные белоснежными платочками, смотрели на меня и улыбались. Тогда их улыбки и перемингивание между собой сбивали меня с толку. Можно представить, как была серьезна я сама, их учительница. Играют они что ли со мной? Теперь, через мно-

го, много лет, я понимаю, сколько всего скрывала-открывала их улыбочность: скрывала — неверие в свою способность одолеть премудрость, бывшую для них за семью печатями, открывала — смутную надежду и удовольствие, что вот, мол, и нас не забыли... Руки их, изработанные, истертые, натешившиеся руки, наверное, проворные, умелые, ко всему привычные, никак, ну никак не держали карандаш...

Я показала им букву «А»...

И, как считала необходимым, задала на дом написать десять этих «А» — пять заглавных и пять обыкновенных. К следующему занятию, через день, они не только не выучили урока, но и не сразу узнали «проработанную» букву «а».

— Милая, у нас голова не тем забита, — оправдывались они, видя мою растерянность. И улыбались. Они учили меня пониманию и терпению. Если бы случилось когда-нибудь рассказывать о том, через какие мне пришлось проходить жизненные школы, я бы это мое учительство-ученичество поставила в числе первых.

Бабушек моих (теперь с удивлением вспоминаю, что самой старшей из них не было пятидесяти!) технический прогресс не касался, но тем не менее в ученье они втянулись. Преодолели робкую почтительность к чистой бумаге, а из неизменных улыбок постепенно исчезла снисходительная к себе грустинка, заменяясь радостью от обнаруженной способности понять, запомнить, узнать.

Моих учениц экзаменовали в школе ликбеза. Их пальцы все еще белели от натуги, сжимая карандаш, а чтение было медленным, с запинкой, но они уже были грамотны — читали, писали. Какое было у нас счастье!

*

В том же 1929 году в Москве на Всесоюзном слете пионеры всех советских республик рапортовали о своих делах. И мы на слет приехали. Нижегородская делегация прибыла в Москву специальным поездом.

А до этого был у нас свой крайовой слет. Как-то так сумели сделать его устроители, что не для нас они все это устраивали, а вместе с нами, вроде бы на нас самих, старших пионерах, держались многочисленные хлопоты по встрече и расселению ребят из удмуртских, чувашских, вятских, ветлужских деревень. Даже, когда комсомольцы-руководители штаба слета ходили в Крайком к товарищу Жданову просить содействия, не забыли

и нас, активистов, взять с собой. В числе пунктов, по которым организаторы слета просили содействия, была просьба дать указание всем баням, чтобы бесплатно помыли с дороги всех наших гостей. Этот пункт товарищ Жданов зачеркнул, сказал, что должны справляться сами. Пусть пионеры обратятся прямо к коммунальникам, он уверен, что не откажут.

Не отказали, никто нам не отказал — ни транспортники, ни пищевики. По призыву юных ораторов принимали на рабочих собраниях решения помочь слету. Наши пионерские дела вызвали всеобщий интерес и признание.

О Всесоюзном пионерском слете книги написаны, там цифры, даты, имена, программы, итоги. Важное общественное событие хорошо сохранено для истории. Значит, мне остается одно: на минуточку сбегать в августовскую Москву 1929 года. Как тогда, в легких «спортсменках» по булыжным мостовым, совсем свободным для нас, мимо смиренно ждущих трамваев. Трамвай и пропускали, и ждали нас. Мог наш вожатый сделать знак трамвайному вожатому, и будь тут не остановка, заберем вагон, потому что в эти дни все в Москве было наше.

Может быть, как-нибудь особенно наряжали тогда Москву, — не помню. А сплошные улыбки помню отлично. Не фигурально, буквально, у каждого из нас в Москве были дом и семья. Нас разобрали по квартирам. Моя была на Усачевке, в новом квартале. И когда по утрам по зову горна мы выбегали из всех дверей во двор на зарядку, наши семьи спешили вслед с неотложными наказами, главным образом насчет панамок — очень жаркое стояло солнце. И вечером было кому рассказать, как задали нас на «Красном Октябре», как в военном лагере встретил нас сам Буденный и с ним безаветные герои все, как в Большом театре в антракте не опускали занавес, чтобы мы видели, как делаются чудеса «Садко», как...

Да что ж перечислять, когда все нам отдали. И Кремль отдали со всеми колокольнями, дворцами и с трибуной. Я стояла на этой самой высокой трибуне страны. Бумажки у меня не было, и речи я своей наизусть не учила. Не бойкость девчоночьей подчеркиваю — деловитость собрания и доверие старших к нам. Когда что-либо тебя заботит, конечно, выскажешь. А меня заботило, что отряд наш маленький, а улица наша большая. Многие хотят вступить в пионеры, да отцы их работают не там, где наши. И другие

ребята об этом говорили. Что-то тут надо сделать. Надежда Константиновна Крупская поддержала нас.

Под конец в ночное небо взлетел громовой голос Маяковского. Проектора расходясь и перекрещиваясь, лобили строчки «Песни-молнии»:

*У нас
один вожатый —
товарищ ВКП.*

А мы слушали и не знали, что это великий поэт. Мы еще не понимали, что такое великое, потому что глядели не снизу вверх, а были подняты вровень...

Так что же было? Удачный грандиозный праздник? Счастливая страница из юности? Теперь вижу: помнится это не праздником — утверждением в соратниках.

Удел детства — слушать наставления. И не обойтись без них: постоянно, инстинктивно и, должно быть, уважаемо это желание старших — передать нажитую мудрость тем, кто идет во след. Но ведь и то правда, что в потоке поучений можно утопить детское внимание, и, самые страстные, самые громкие, они станут неслышимыми. Назиданиями можно даже заесть, отвратить от себя. «В одно ухо влетит...», «Как от стенки горох» — старые престарелые жалобы. Вечная розовая мечта о том, чтобы дети распахнуто шли навстречу добрым внушениям, скоро и благодарно впитывали бы их и также незамедлительно откликались бы благообразием, послушанием, прилежанием. Чем сильнее мечта, тем длиннее проповеди...

А нам и тут повезло! — Нет, конечно, никого из нас не минули внушения, на которые не скупились дома и в школе. Но была третья среда — наша пионерская жизнь, где поучениями не надоедали, но где как раз скорее и возникала та желанная радостная распахнутость к хорошему. Не просто повышенная восприимчивость, а готовность к той внутренней, душевной работе, которая собственно и формирует личность. Мы, может быть, слишком запальчиво отталкивали старые мерки детства, самые эти постылые слова — благообразие, послушание, прилежание, заменяя их понятиями активными — стойкостью, принципиальностью, верностью долгу. Пионерская организация умеет учить этому доступно и увлеченно, опираясь на естественные стремления детства.

Юный человек по чистой природе своей борец и герой, в нем обостре-

но понимание справедливости, он не может без товарищества. Все это жаждет проявления и признания. Еще не зная цены часам и дням, он отлично чувствует свою эпоху. «Пенюгонный волнорез времени» — сказал Лев Кассиль о мальчишках. Ко всему детству можно отнести этот образ. Наша эра — коммунистическая. Пионеры и называются юными коммунистами, ювыми ленинцами. Просто, ясно, серьезно, красиво об этом говорят заповеди высшей человеческой морали, выраженные в пионерской символике. Салют — солидарность с трудящимися всех пяти континентов, интересы общей борьбы, интересы коллектива подняты выше личных интересов. Красный галстук — частица красного знамени, и ты, как знаменосец, должен охранять его своей чистотой, честностью, верностью.

И ведь не только повторяли, запоминали красивое и возвышенное, мы над этим думали! В повседневном своем ребячьем житье-бытье старались не поступиться ни одним из пионерских принципов. Наотрез отказывались от соблазнительно пахнущих куличей, хотя над нами и смеялись: «Всего лишь вкусная еда!» Ходили по городу с кружками, собирая деньги для МОПРа, и ОДД*, и свои монетки туда опускали, сэкномив их на ирисках, на полбулках с душистыми колбасными обрезками, которые составляли тогда школьный завтрак. Но вот наш же пионер заявляет, что ему самому деньги нужны, копит на детали для детекторного приемника, собирается участвовать в конкурсе и уверен, что «займет место». Конкурс тоже мероприятие общественное. Но расчет на победу уже пахнет честолюбием. Значит, конкурс — предлог, а дело-то личное?

И пошло, и пошло... Вплоть до выяснения, что сейчас важнее — поддержка томящихся в тюрьмах борцов против капитала, или то, что Ваничка покажет свою смекалку. «Покажу достижение науки» — радиолюбитель защищался тоже современными средствами. А важнее-то было — сам спор, сам поиск ответов, самостоятельная оценка поступков.

Бывали и испытания серьезные. Олина бабушка перед смертью пожелала благословить внучку иконой. «Пусть не веришь, что тебе стоит...» — уговаривали девочку домашние. Оля, тихая, застенчивая, нежная, чаще других повторявшая «мама не позволит», — такая Оля под благословение не пошла. Она

плакала, а мы молчали перед этой трудной победой. Помните:

*Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест.*

Недаром Багрицкий сближал детское противостояние с мужеством тех, кого водила молодость в сабельный поход... Готовность отстаивать свои убеждения — это и залог будущего цельного характера и нынешняя защита от всяческих дурных влияний. Мы воинственно наступали на курение и сквернословие, на любую нечестность. А раз боролись с этим, то и себе не могли позволить ни малейшего отступничества.

Каждый сам себе. Вот в чем дело! Вспоминаю наших вожатых. Как им удавалось так верно направлять нас? Ни один из них не имел педагогического образования, но, как мне сейчас представляется, все они были воспитателями талантливыми. Безусловно, талантливыми, раз владели главным: умели сообщить нам стимул роста, знали, что на высокой идейной основе прочнее всего укрепляются хорошие человеческие качества. Они вообще многое умели. Я не о всяких там затейных навыках, что и по сию пору считаю не самым необходимым для вожатого. Вожатые, которых помню так, как помню любимых школьных учителей, были мастера задавать умственную работу.

— Коля, почему нельзя читать Чарскую?

— Хочется — читай, проверь свое классовое чутье!

Улыбайтесь, улыбайтесь, но оцените и точность компаса...

Ленинские слова, сказанные в мае 1919 года: «Организация детей — это лучший способ воспитать коммунаров» — подтверждены опытом многих советских поколений. Каждый год подрастают ребята, которые, как праздника ждут приема в пионеры. Начинается их пионерское детство — умное и смелое. У нас ведь один вожатый!

Л. ИВАНОВА

* МОПР — Международное общество помощи революционерам; ОДД — общество «Друг детей».

БУДНИ УЧЕНИЯ

Это новые записи из дневника матери, который мы печатали в прошлом году (в № 1 и 8).

10 октября. В сентябре почти ничего не записывала об Андрее. Школьная жизнь вроде идет нормально. К концу первого класса мы успокоились — сын учился хорошо. Зарядку с отцом делает регулярно, домашние обязанности — вынести мусор, протереть пол, вычистить форму — выполняет аккуратно. И, честно признаюсь, мы стали не очень строго контролировать его уроки. Прибежит в шесть с «продленки», спросишь: «Все уроки сделал?» — «Все», — ответит — и на улицу. Даже тройкам в тетрадях не придавали серьезного значения — бывает, мол.

А сегодня в дневнике запись: «Зайдите в школу. Андрей плохо ведет себя на уроках». Александра Павловна старается говорить мягко: стал невнимательным на уроках, не подает дневник, очень упрямый. Диктант написал на двойку, ошибки из-за невнимательности.

Вечером с мужем решаем, что делать. Первое — усилить контроль за уроками. Даже на «продленке», оказывается, иногда ухитряется не успеть их приготовить. Второе — потребовать честно сообщать обо всех оценках и о всех замечаниях, полученных в школе. Третье — почаще встречаться с учительницей. Четвертое — ежедневно Андрей должен писать диктант или переписывать страничку текста. Ведь если мальчишка сейчас не выработает внимания при письме и проверке, потом все время будет мучиться. И на математику обратить внимание. Ее будет проверять папа, а русским займусь я.

12 октября. С Андреем поговорили хорошо. Правда, был он не очень внимателен, все вертелся. А вечером — первый бой. В домашнем задании по русскому написано всего четыре слова. Говорит: «Нам так задали». — «Но в учебнике сказано, что надо списать все упражне-

ние». Упорствует: «Нет, нам так Александра Павловна велела». В такие минуты хочется накричать, но вспоминаю слова мужа: главное — контролировать спокойно, иначе у сына появится отвращение к урокам. «Давай так договоримся, — заявляю спокойно. — Ты сейчас перепишешь это упражнение как я сказала. Завтра спросишь у учительницы. Если я права, будешь ежедневно в течение недели переписывать по странице текста. Если я не права, целую неделю по полчаса перед сном буду тебе читать. Договорились?» Андрей согласился.

13 октября. Я оказалась права. Андрей, придя из школы, сам сказал об этом. Начал переписывать текст из «Полтавы». Хочу, чтобы он научился быть внимательным, не делал ошибок и не пропускал букв. Пишет старательно. Все же — четыре ошибки на странице.

14 октября. Да, текст я подобрала явно неудачный, сложный для него. Приходится останавливаться, чтобы объяснить, что такое «поле роковое», «прах», «ядра», «бога браней благодатью»... Но стихи ему нравятся, много расспрашивает о Полтавской битве. Вспоминает «Бородино» Лермонтова. Вечером, чтобы предупредить трудности, читаю ему отрывок, который он будет переписывать завтра, объясняю отдельные слова, рассказываю о других битвах.

15 октября. Придя из школы, на вопрос, как дела, сразу признался: «Плохо, получил две тройки». И лишь позже, когда переоделся и сидел за столом (видно, долго не решался, сказать или нет), сообщил самое неприятное: «В дневнике учительница по физкультуре двойку поставила. Написала, что я плохо вел себя». Спеша оправдать себя, он рассказывал, что они все баловались, а записали только ему. Отец сдержанно прервал его: «За то, что ты сам сообщил об этой двойке, не дожидаясь, когда мы увидим ее в дневнике, наказывать тебя не будем. Когда сам говоришь правду,

это хорошо. Но ты подумай, сынок, как трудно учительнице физкультуры с вами...» И тут начался хороший разговор о поведении.

18 октября. Сегодня закончил переписывать «Полтавский бой». Из шести страниц лишь на двух не было ошибок. Но парень втянулся, привык каждый день писать. Это главное. Объявила, что завтра будем писать диктант. Он согласен.

19 октября. Обнаружила, что Андрей совсем не умеет проверять свою работу. Правила все знает, а в диктанте сделал пять ошибок. Прошу: проверь. Перечитал и говорит: «Все правильно». Требую: читай по слогам. Нашел две пропущенные буквы. О том, как писать ча, ща, жи, ши, знает с первого класса, но сделал ошибку. И найти не может. Пришлось указать ее и напомнить правило. Обрадовался, быстро исправил. Надо учить его самопроверке. Под конец спрашивает: «Ты мне оценку поставишь?» — «Зачем?» — отвечаю. — Мы с тобой не ради оценок пишем, а чтобы стать грамотными. Ты же сам себя исправляешь».

21 октября. У мужа с математикой лучше получается. Все-таки он терпеливей меня, спокойней. Даже видно. Диктанты Андрей по-прежнему пишет с ошибками. Хорошо, что перестал пропускать буквы.

22 октября. Решила изменить метод. Андрей много читает, а вот зрительной памяти никакой. Часто спрашиваю, как пишется прочитанное только что слово — обязательно ошибется. Сегодня предложила ему: «Андрей, прочитай этот рассказ, а потом вместо диктанта продиктуй тебе двадцать слов из этого рассказа. Так что смотри внимательно и старайся запомнить, как отдельные слова пишутся». Три ошибки. Не так уж плохо, а слова я выбрала трудные для него.

25 октября. Раньше сын подряд выписывал все трудные слова в записную книжку. Теперь завел настоящий словарь — алфавитный.

3 ноября. Увы, в четверти у Андрея по письму тройка. Обидно. Поздно мы взялись. Он видит, что я огорчена, и заявляет: во второй четверти ни за что не будет троек по русскому. «Хочешь, я буду по две страницы диктант писать. Ты не волнуешься только!»

11 ноября. Андрей, видно, решил сдержат слово — даже во время каникул мы написали с ним диктант. Хотя я чуть было не испортила все. У нас гостила девочка-третьеклассница, и писали они вместе. Андрей сделал гораздо больше ошибок. По привычке я попросила выписать их в словарь. Да еще упрекнула: мол, некоторые слова

не первый раз пишешь. Неправильно сделала. Стыдно ему стало перед Леночкой, заупрямился. А я настаиваю: не запишешь в словарь — гулять не пойдешь. «И не пойду». Мы решили с Леной сходиться в кино. Я старалась перевести разговор на мирный тон. Говорю: «Андрей, я же не наказываю тебя. Запиши слова — и идите с Леной в кино одни. Но надо кончить дело». Уперся: нет — и все. Рассердилась я. «Двадцать раз слово напишешь, когда мы с Леной вернемся», — говорю. Мы ушли. Догнал нас Андрей уже около кинотеатра. Что делать? Решила не ссориться. «Выписал?» — «Да». — «Давай договоримся: придете из кино, ты напишешь еще двадцать слов на безударную гласную, хорошо?» Молчит. Тут на помощь пришла Леночка. «Тетя Люся, мы напишем вместе, я тоже делаю всегда такие ошибки. Правда, Андрей, напишем?» Тот даже просил: «Обязательно! И диктант еще один напишем?» В общем, мир был восстановлен. Неправа, конечно, была я. Не следовало при девочке стыдить парня. А с другой стороны, раз сказала — надо уже до конца требовать.

14 ноября. Гляжу, идет из школы с девочкой. Она подошла к своему подъезду, Андрей за ней, о чем-то говорят, отчаянно жестикулируя. Тут вышла какая-то женщина и прогнала его. «Ты что, Андрюша, дверью ошибся?» — спрашиваю я, когда он пришел домой. «Нет, я хотел узнать, на каком этаже Ирочка живет. А она меня не пускала и какой-то тете нажаловалась». — «Ирочка в вашем классе учится?» — «Да, мама, ты разве ее не знаешь? Она самая хорошая девочка у нас, только со мной не водится. Я ей все время из окна кричу, когда вас дома нет, — оживленно заговорил Андрей. — Она в розовой шапочке ходит, ты ее видела».

И смешно, и грустно. Как всегда, он долго переодевался, но я, выглянув в окошко, сказала: «А Ирочка уже гуляет». — «Где?» — Андрей бросился к окну и через минуту уже переоделся. «Мама, я кушать не хочу, гулять пойду». Не успела я и слова сказать, как он исчез.

Дня через два слышу у дверей какую-то возню. Открываю. Две девочки (одна в розовой шапке!) пытаются позвонить к нам, а Андрей не дает.

«Что случилось?» — «Ваш Андрюша мешает нам играть». — «А они, а они... — Андреев подбородок предательски задрожал (ну, только бы не расплакался!), — они в меня кинули комком и в щеку попали».

«Ирочка, — обращаюсь я к де-

вочке в розовой шапке. — Андрей, наверно, хотел с вами вместе поиграть, а вы его не принимали, так ведь?» Она смущенно потупилась. «Вы примите его, он помогать вам будет, защищать. Он ведь девочек никогда не обижает, — пытаюсь я помочь сыну. — Ты ведь просто хотел поиграть с Ирой?» — уточняю у него. И тут мой парень оскорбляется, вспыхивает. «Ничего я не хотел. И не буду я с ними играть, задалаки», — он нажимает кнопку лифта и гордо уезжает вниз.

18 ноября. Первая пятерка в тетради по русскому языку. Стал аккуратнее писать. Вечером испекла кекс в честь первой пятерки.

20 ноября. Решила сама написать диктант с огромным количеством ошибок. 40 штук. И сказала: «Вот, Андрей, ты должен найти у меня сорок ошибок. Все слова тебе известны. Правила тоже». Искал с большим интересом. Нашел 36 ошибок. Все объяснил. Попросил, чтобы мы чаще так делали.

Л. ШВЕЦОВА

САМЫЕ ОБЫКНОВЕННЫЕ ВЕЩИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Я сама сколько раз своему сыну сыновей Рахия в пример ставила: смотри, как они к матери внимательны. Рахия Ахметовна Нургалиева у нас работает заведующей этажом. Мы же на глазах друг у друга...»

«Вот у кого хороший опыт! Она семерых вырастила. И одна. Муж у нее лет пятнадцать тому назад умер. А дети, вы бы видели, скромные, работающие, интересные все люди».

«Вы же говорите, что все равно у людей будете спрашивать, чей опыт взять. Вот мы вам верно советуем: берите ее!»

(Из разговора с работницами гостиницы «Казахстан»)

Говорит Рахия Ахметовна:

— Главное, чтобы в семье было спокойно, чтобы между собой взрослые и к детям относились доброжелательно. Детское сердце еще слабое, оно не может выносить ссор, крика, враждебности. Мы с мужем

никогда не кричали и не раздражались на детей. Да, никогда, ни разу. Я ни разу не повысила голоса на детей. А зачем кричать? Криком не возьмешь. Добром сделаешь в десять раз больше, чем криком. Пока маленькие — еще, может, слушаются крика, а что будет потом? Вырастут — криком уже не возьмешь, и будет полный разлад. И внушения не надо без конца детям делать. Я всегда десять раз подумаю прежде. Подумаю, стоит ли сказать и как сказать. Иногда надо и пропустить. В самом главном, конечно, нельзя пропускать — если ложь, нечестность. А если не главное, так не надо ребенка дергать — то не так и это не так. Такое осторожное отношение к замечаниям я переняла у одной учительницы, когда работала в родительском комитете. Она всегда говорила: «Не надо делать резкие замечания, не надо твердить — ты, мол, такой, сякой, особенно при всех. Иной раз можно и промолчать, а потом, после урока ему одному сказать».

Как поступала, если дети делали что-нибудь нехорошо?

Спокойно им объясняла, почему нехорошо. Их выслушивала, чтобы уяснить: сознательно или нечаянно так получилось. Если было надо, убеждала исправить свой промах. Дети учились нормально, но бывало, что кто-нибудь принесет плохую отметку. Я за это не ругала, а старалась выяснить причину, помочь, поддержать. Я сколько раз наблюдала, что ругань здесь не помогает, а только вызывает отвращение к учебе.

...Как-то Бахитжан, когда учился в 3-м классе, в перемену зашел в 1-й класс, стал баловаться со счетами и сломал. Я ему сказала, что он должен сам сделать счеты взамен сломанных. Он их сделал из дерева, отполировал, покрасил, и потом мы с ним вместе пошли в класс, и он при всех заменил поломанные счеты новыми. Еще был такой случай. Бахитжан с одним соседским мальчиком залезли на чужое тутовое дерево и наелись ягод. Хозяин увидел и отхлестал их по голым ногам кнутом. Мальчишки решили отомстить ему и вечером выбрали камнем стекло в его доме. Камень попал в стенку, кусочек штукатурки обвалился и упал в кроватку, а там спал маленький ребенок. Штукатурка, к счастью, не задела ребенка. Я взяла мальчиков за руки повела к этому человеку. Подвела к детской кроватке, показала, куда попал кусок штукатурки. Сказала: «Вот вы подумайте, какое могло бы случиться несчастье, если бы отвалился кусок побольше и этот малыш лежал бы чуть-чуть поближе к стенке...»

Мальчики все поняли. И я их убедил, что они должны попросить у этого человека прощение. Мне было важно, чтобы не потому просили прощения, что я велю, а потому, что поняли виновниками какой беды могли они быть.

Говорит младший сын Рахия Ахметовны Нурлан, студент юридического факультета:

— Бывало, летом накупаешься до того, что губы синие, дрожим. А мама смеется: теперь знаете, как бывает, когда слишком много удовольствия. Особенно мне запомнился один случай. Я неосторожно катался на велосипеде и сломал руку. Сестра наложила мне пину. Пришли родители — и ни одного упрека, никаких «как же ты так», «вот видишь, чем кончается» и все такое. Просто успокоили меня и повели к врачу. А то — пацан раздерет колеску, а взрослые начинают ругать. И плачет бедняга еще сильнее, сразу от боли и от обиды.

Но один раз в жизни мама взялась за скалку. Это, когда мы залезли в сарай соседа, вытащили его духовое ружье и стали стрелять дробью в воздух. И именно потому, что за скалку взялась мама, наша мама, которая ни разу в жизни не повысила на нас голос, мы поняли, что зашли слишком далеко.

Я спрашиваю:

— Рахия Ахметовна, а как вы относились к детским капризам?

Рахия Ахметовна:

— Особенно дети и не капризничали, это редко бывало. А если капризничали, мы с мужем старались не обращать внимания. Хуже нет, когда старшие становятся на один уровень с ребенком: на его каприз отвечают собственной истерикой. Это только усиливает нервную обстановку.

Между прочим это не только к детям относится. А у нас, у взрослых разве не бывает столько всяких неприятностей от взаимного крика? Была у нас на этаже молодая уборщица, Лида. Никто не хотел с ней работать, она на каждое замечание огрызалась и ничего не хотела исправлять. Я ее позвала, посадила и говорю: «Лида, как же так?» — Она молчит. Я опять спрашиваю: «У тебя родители есть?» А она как расплещется: «На меня всю жизнь кричат, всем я плохая!» Оказалось, выросла без отца, без матери, у грубых людей, ласкового слова не слышала. Поговорили мы с ней, потом я с товарищами поговорила, и стала наша Лида нормально работать.

Но я уже говорила, кажется, что поучать много не люблю, просто не умею даже. Дети лучше всего учатся у жизни, многое усваивают от жизненной необходимости. Вы спросили о трудовом воспитании. Не было его специально. Муж и я всегда много работали. Я тогда была бухгалтером, а эта специальность кропотливая, усидчивая, иногда не уложишься в нормальный день... Дети знали, раз меня нет, значит надо стараться самим устраивать быт. Все научились делать — и девочки, и мальчики. Сейчас мои сыновья и стирают, и полы моют.

Когда домашние заботы делятся на всех, то останется больше времени для досуга. Мы свой отдых всегда с детьми проводили. Особенно муж. Он и на рыбалку с ними ходил, и в горы.

Нурлан:

— Отец научил нас на коньках кататься, плавать. То голубей нам заведет, то кроликов. А когда в Джамбуле жили, он в старом сарае оборудовал столярную мастерскую, и там мы с ним мастерили. Отец очень не любил, когда мы сидели без дела — сразу что-нибудь приду-

мает. Например, сделал чертеж шкатулки с рисунком из басни «Лиса и виноград» и сказал, чтобы мы попробовали такую шкатулку сделать для мамы. Мы выпиливали, склеивали — получилось. Потом увлек нас фотографированием и чеканкой.

Рахия Ахметовна:

— Мы всегда хотели, чтобы у детей были какие-нибудь интересы. Все плохое бывает от пустоты, от безделья. Знаю, что многие удивлялись, зачем мы купили пианино, когда мебели приличной в доме нет. Ее и до сих пор, видите, нет, новой мебели, обходимся старой, скромной, но зато ребята любят музыку и сами играют.

Сыновья, когда подросли, стали в каникулы работать в геологических партиях. Не болтались летом. И потом — заработок. Без отца материально стало трудно. На деньги, которые мальчики заработали, покупала им пальто или костюмы. А у Рамжана и Бахитжана геология стала профессией. А один мой сын — летчик.

На товарищей ребятам моим везло. Я их всех знаю, все ходили к нам домой. Пускай тесно, не беда. Человеку нужно, чтобы дома было интересно, чтобы было к нему уважение. Тогда совсем неважно, если у него не отдельный стол, а краешек общего...

Нурлан:

— У нас и теперь всегда весело. По субботам все собираемся, а Рамжан, как придет, сразу за пианино и играет, и мы все поем. Потом сестра с мамой бешбармак сделают. А Володя, Майин муж, так тот перед тем, как домой идти, всегда сперва с работы к нам забежит. Он один раз привел товарища, и тот потом маме признался, что пришел посмотреть на такую удивительную Володину тещу...

В конце скажу: семья Нургалиевых — интернациональная. С Рахией Ахметовной сейчас живут Нурлан с женой, две дочери (одна — инженер, другая — студентка архитектурного факультета), внук, племянница. В семейном обиходе языки — русский и казахский, а Нурлан немного говорит и по-татарски (от татарки матери). Все, на чем держится эта дружная семья, известно, обыкновенно. Но у многих из нас хватает душевных сил довести эти обыкновенные вещи до последовательности, переходящей в совершенство?

*И. КЛЕНИЦКАЯ
специальный корреспондент
«Семьи и школы»
г. Алма-Ата — Москва*

гостям всегда рады

У нас молодая семья. Я — учительница, муж — инженер, двое сыновей — пяти и трех лет — ходят в детский сад. В выходные дни у нас всегда не меньше четырех малышей. Я часто слышу от соседей: «Как вы терпите?» Хотя сама каждый день с утра в школе среди ребят и устаю, конечно, но отказать детям никак не могу, не поднимаются рука захлопнуть дверь перед маленькими товарищами сыновей. Не скрою, без них куда удобнее, спокойнее. И тихо, и чисто, и всегда порядок. Но ведь прогонять гостей, пусть и маленьких, просто неприлично. Да и детям друг без друга скучно, а в мороз или в дождь на улицу не пойдешь. «Разве садика им мало?» — рассуждают некоторые родители. А я думаю, чем больше у ребят друзей, тем лучше. Пусть и в саду, и во дворе, и дома играют вместе.

Е. ФЕДОРОВА
село Янтиково Чувашской АССР

наша „угадай-ка“

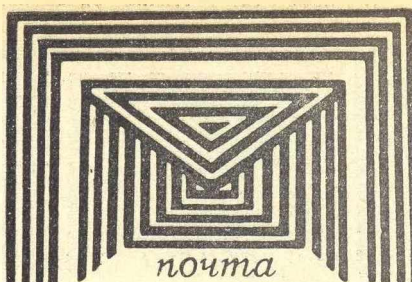
Летом мы часто с сынишкой ходим в лес. Усадемся на зеленой полянке, и я начинаю ему лесные загадки загадывать: про того, «кто зиму — белый, и лису, и мышь боится», про того, «кто шишки рвет и орешки достает». Играть в «угадай-ку» Саше нравится. Он и сам хочет придумать загадку. Только, оказывается, не так это просто. Вот мы и наблюдаем за лесными жителями, цветами, деревьями.

Зимой мы тоже в лесу бываем. Приносим с собой крошки хлеба, насыпаем на большой пенек — лесную кормушку. Саша знает, что птицам трудно отыскать корм под снегом — и нельзя оставлять их в беде.

В. МЕДВЕДЕВ,
плаватель
г. Старая Купавна
Московской области

своя, домашняя

Хорошо, если ребята пользуются библиотекой, но и своя, домашняя, тоже нужна. Как она начинается? У всех по-разному. Может она на-

чаться с той книги, которую принесет малыш с «Праздника букваря». Школа как бы делает почин, а потом уже библиотечка пополняется стараниями самих читателей и их родителей.

У нас в семье дети читали «Библиона» и «Айболита» К. Чуковского, «Нашу древнюю столицу» Н. Кончаловской, книгу Н. Веретенникова «Володя Ульянов». Потом снова обращались к этим произведениям. Рисовали картинки, писали отзывы, вели читательские дневники.

Были в библиотеке и книги «по школьной программе». Одна из них «Слово о полку Игореве» с иллюстрациями художника В. А. Фаворского. Выразительные рисунки помогали зримо представить образы героев. Эту книгу читали не только наши дети, но и их друзья по школе. Сейчас ею завладела старшая дочь — учительница русского языка и литературы в сельской школе.

Став взрослыми, избрав разные специальности, наши дети не представляют себе жизнь без книги. И каждый добрым словом вспоминает свою домашнюю библиотеку.

Н. КАРГИН,
учитель
г. Череповец

вспомнили про русское поле

Зачем называли русского мальчика Жаном? Удивляются в загсе, удивляются в школе, записывая ученика. Почему должен испытывать мальчик неловкость перед сверстниками?

Ведь раньше, как священник захочет, так и нарекут ребенка. А теперь все зависит от воли родителей. Считается, простое и личное это дело, как назвать сына или дочь. И все-таки хочется, чтобы не ушла в историю Катюша, про которую сложена прекрасная песня, чтобы те, кто будет жить на земле и осва-

ивать другие планеты, носили красивые родные имена.

Когда вырастет моя дочь, я расскажу ей, что однажды в тихий вечер мать спросила: «Ну а назовем-то как?» Задумались мы. Вспомнили про наше русское поле. Поле. Полюшка. И подумалось, ведь в этом простом имени воплощено все: наши русские просторы, наша земля, где во поле березонька стоит, наше счастье, наше прошлое и наше будущее. Близкое, родное, любимое. Вот так наша дочь стала Полюшкой.

А. СТЕПОВОЙ,
бракер лесокомбината
г. Игарка Красноярского края

цена невнимания

— Мама, это настоящие деньги? — шестилетняя дочь протянула мне лотерейные билеты.

— Настоящие, — машинально ответила я.

— А сколько можно на них купить молока? Тридцать два килограмма?

— Тридцать два. — быстро согласилась я. Мне было не до вопросов. Я была занята.

— А сдачи дадут?

— Дадут, дадут.

— А сколько?

— Сорок копеек, — назвала я первую случайную цифру. И с облегчением вздохнула, когда Надя наконец-то ушла гулять.

Я уже накрыла стол к обеду и собиралась идти за дочкой, но тут прибежал семилетний племянник Саша: «Тетя Валя! Пойдемте скорей! Там Надю не выпускают!»

— Где? Кто не выпускает?

— Там! Скорее!

И мы побежали. По дороге Саша сообщил, что они с Надей решили на «настоящие деньги» купить молока и принести еще сорок копеек сдачи. Но когда пришли в магазин, вместо молока набрали фасованных конфет. Сдачи им не дали, а из магазина не выпустили. Саше как старшему велели привести маму.

Я нашла дочь в кабинете заведующего. Она собиралась заплакать. На столе лежали кульки с конфетами и злополучные «деньги».

— Нехорошо, мамаша, — сказал мне пожилой заведующий, — чему детей учите? Кем они вырастут? Об этом вы подумали? Обманщиками!

Когда мы вышли из магазина и, понурих головы, побрели домой, Надя с упреком сказала мне:

— Деньги-то, оказывается, не настоящие,

Что я могла теперь ответить дочке? Никогда больше ни в чем не буду к ней невнимательна!

В. МАЗАЕВА
г. Ярославль

что такое плохо ...

Путь предстоял неблизкий. Я устроилась в кресле вагона и досадовала на себя, что не взяла книгу или журнал. Соседка попалась неразговорчивая, она только с аппетитом уничтожала яблоки, которые доставала из своей большой сумки. Делать нечего, придется скучать.

Сзади раздался веселый детский голосок. Обернувшись, увидела мальчика лет пяти. Он с восторгом раскачивался в проходе, опираясь на подлокотники кресел. Потом от «качелей» переключился на детей, которые сидели в нашем ряду и стал играть с ними в прятки. То с одной стороны покажется, то с другой, то неожиданно его головка просунется между кресел. Брат и сестра никак не могли угадать, откуда он выглянет. Каждый раз удивлялись, и это было причиной общего веселья и дружного хохота. Подвижность, выдумки малыша забавляли и нас, взрослых.

Я достала авторучку. Мальчик сразу заметил и подошел. Крышка столика, которая была вмонтирована в спинку кресла, была сплошь исписана автографами: даты, имена, места назначения: «Николай Петров», «Я — из Дагестана»... И зачем только люди портят вещи!

— Ты знаешь буквы? — спросила я.

— Нет, — покачал мальчик головой.

— Давай учиться. Вот кругляшок — это буква «О». Найди букву «О».

Мальш нашел.

— Когда тебе будет больно, ты нарисуй ее, и мама сразу поймет, что ты кричал. «О... О... О!» — значит тебе больно.

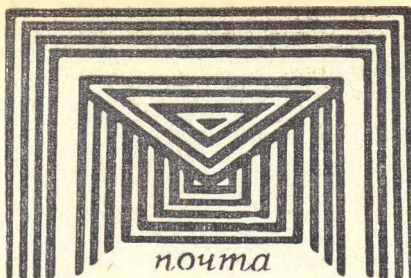
Встретившиеся печатные «М» мы сравнили с зубами стен Кремля.

— А знаешь, как рычит собака?

— Р... Р... Р, — тут же громко изобразил мальчуган, развеселив весь вагон.

— А вот и эта буква — показала я малышу в «тексте». — Если к «О» приделать палочку, то будет буква «Р». Это значит, что не надо кричать «О» от испуга, когда увидишь собаку, а тоже рычать «Р... Р... Р».

Маленький пассажир оказался способным учеником. Он так хо-

рошо усвоил букву «Р», что не успела я перейти к новой букве, как он тут же приделал ко всем «О» палочки и превратил их в «Р». Я не успела его остановить...

Каюсь, я не сочла его действия преступлением. И мы продолжали с маленьким шалуном заниматься дальше, но тут подошел отец мальчугана.

— Ты зачем писал? — строго спросил папа. — Теперь никогда ни тебя, ни меня, ни маму, не пустят в поезд.

Лицо мальчика покрыла бледность, в глазах — испуг.

— Писал или нет? — настаивал отец. — Больше мы никогда никуда не поедем. Тягостное молчание. И вдруг...

— Это не я, а она! — и малыш ткнул в мою сторону пальцем.

— Ну тогда ее никогда больше не пустят в поезд, — заметил отец. Он был доволен сыном.

Через некоторое время маленький пассажир снова беззаботно бегал по проходу. Но теперь он не казался таким привлекательным. Что толку, что он способный, если не знает, что такое хорошо и что такое плохо. Ведь чтобы спасти себя, мальчик обманул отца.

Е. МЕЛЬНИКОВА
г. Астрахань

как бы поступила мама?

Мое детство пришлось на годы войны. Помню, что всегда хотелось есть, а так как есть было нечего, мама старалась уложить меня пораньше спать. «Вот проснешься, — говорила она, — мы обязательно получим хлеб!» И действительно, получали, но только мало.

Но однажды я проснулась и увидела на столе целое богатство — полбуханки черного хлеба. Он был поджаристый, ноздреватый, а сверху лежал еще маленький довесок!

Моей радости не было границ! Я побежала к маме. Но она только покачала головой и сказала, что

хлеб не наш — соседка оставила карточки.

С того дня прошло много лет. Теперь у меня своя семья, двое детей. Я счастлива, что мои мальчишки не знают голода, наоборот, их бывает иногда трудно заставить есть. Став матерью, я часто задумывалась над тем, смогла бы я поступить так же, как моя мама тогда? Каким честным и предельно порядочным человеком нужно быть, чтобы не дать своему ребенку хотя бы этот маленький довесок. Ведь не стала бы тетя Аня взвешивать свой хлеб!

Мама была почти неграмотна. Но сколько добрых уроков дала она мне!

Помню еще, как во время войны мы варили суп. Правда, он мало чем походил на настоящий суп; мы называли его «болтушкой». Поджаренную муку разводили водой и добавляли несколько долек картошки (я называла их салом). Хотя самим очень трудно жилось, мама никогда не забывала накормить соседскую девочку, которая была целый день одна.

Сейчас мамы нет в живых. Но я продолжаю мысленно советоваться с ней. Прежде чем принять какое-то решение, всегда думаю: а как поступила бы мама?

Т. БУШУЕВА
г. Люберцы Московской области

время для практики

В нашей школе ученики седьмого, восьмого и девятого классов проходят производственную практику в трудовых лагерях. Руководство школы ставит в известность нас, родителей, о сроках практики только в конце учебного года. Просишь выделить путевку в местное, а в последний момент выясняется, что дети из-за практики не могут поехать в спортивный или пионерский лагерь.

И еще: график отпусков на работе составляют в начале года. Сколько планов, надежд связано в семье с совместным отдыхом; обидно лишать такого удовольствия детей. Нельзя ли в таком случае по просьбе родителей перенести практику на другой месяц? Хотелось бы знать, как этот вопрос решается в других школах.

Т. ТРУБЕЦКАЯ
г. Куйбышев

Вот что сообщил начальник отдела трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся Министерства просвещения РСФСР Александр Васильевич АЛЕКСЕЕВ.

— Сразу хочу уточнить, что учебным планом производственная практика для восьмиклассников не предусмотрена. Они — выпускники, сдают экзамены. А вот в седьмом и девятом классах производственная практика обязательна: пять дней (с 26 по 30 мая) для учащихся седьмого класса и двадцать четыре дня (с 31 мая по 24 июня) для девятых классов.

Эти сроки, как правило, не должны нарушаться. Оговорку мы делаем для сельских школ. Здесь приходится учитывать сезонность сельскохозяйственных работ. Поэтому сельским школам разрешено проводить практику в течение всего учебного года и в летний период.

Но и в таком случае школа должна заблаговременно составить для каждого класса график чередования учебы и практики. При этом каждый ученик обязательно получает летом двухмесячный отдых.

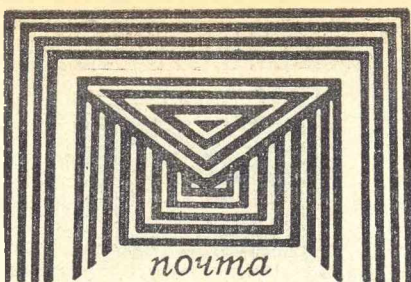
В городской школе практика должна соответствовать профилю трудового обучения. Если ученики в девятом классе изучают автодело, то и практику они должны проходить в автопарке или в автохозяйстве. Но, к сожалению, пока еще не все школы имеют такую возможность. Могло случиться, что в школе, откуда пришло письмо, отсутствуют хорошие мастерские, нет своего учебно-опытного участка. Не оказалось поблизости и подходящего предприятия, где ученики могли бы получить соответствующую трудовую подготовку. И школа вывезла ребят в трудовой лагерь (здесь обычно школьники работают на полях). Время пребывания в таком лагере должно соответствовать срокам, установленным для практики.

Претензии родителей совершенно справедливы. О сроках практики, конечно, следует заранее ставить в известность как учеников, так и родителей.

не по одежке ...

Дочка, ей три годика, ходит в младшую группу детского сада. Нам, родителям, предложили к празднику сшить для детей специальную одежду. Выглядеть она должна так: жилет, пышная юбка на резинке, белая кофточка. Но почему все дети на празднике должны быть одинаково одеты? Поможет ли, в младшей группе вполне можно обойтись без парадной формы.

И. ЧЕРНОВА
г. Казань

На письмо отвечает заместитель директора Центрального дошкольного методического кабинета Министерства просвещения РСФСР Нина Яковлевна МИХАЙЛЕНКО.

— Возможно, воспитатели хотели подчеркнуть особенность, торжественность праздника. А получилось не совсем удачно. На ребят гораздо приятнее смотреть, когда на них разные костюмы. У кого светлые волосы, тому больше подходит голубое платьице, худенькой девочке — пышная юбочка, а полной — прямая. У каждого есть дома выходное платье, по-своему красивое, и в нем можно прийти на утренник в детский сад.

На случай праздника можно и просто украсить обычный костюм: пришить белевский воротничок, завязать яркий бант. Ни воспитателям, ни родителям не стоит изощряться в выборе какого-то особого наряда. Разве уж так важно, во что и как одеты дети, главное для них — сам праздник, где все веселится, играют.

В некоторых детских садах заведено, что родители шьют детям костюмы для выступлений. Мама буквально с ног сбиваются. А для чего? Маска зайчика, цветная косынка для хоровода, снежинка на голове — этого вполне достаточно детям. И в таких случаях, они с немалым восторгом исполняют свои роли, отдаются игре, чем когда на них марлевые пачки в блесках.

Специальная парадная форма не нужна ни малышам, ни ребятам старшей группы.

эта ужасная жаба

Мой сын Сережа учится во втором классе. Учится он на 4 и 5, много читает; в общем, мальчик неплохой, только вот увлечения у него какие-то странные. Все дети как дети, играют в мячик, бегают

около дома, а его днем с огнем не найдешь. Приходит: сапоги резиновые все в грязи, полны воды, брюки по колено тоже в грязи. «Мама, посмотри, какая лягушка!» — и подает мне зеленую жабу. Или еще что-нибудь такое же принесет: жуков, тритонов. Поругаешь его за грязь, так он и говорит: я все сам вымою. А потом снова то же самое. Как с ним быть?

А. ЧАСТИЛОВА
г. Иваново

Письмо читательницы мы попросили прокомментировать Константина Николаевича БЛАГОСКОЛОНОВА — зоолога, доцента Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

— Нужно только радоваться, что у мальчика уже с первых школьных лет появился какой-то определенный интерес. Может быть, Сережа будет биологом впоследствии, а если даже и нет, то научится любить природу. Разве это плохо? Нужно помогать Сереже в его увлечении, покупать книги о животных, о природе. Он, наверное, с удовольствием будет их читать и вообще привыкнет к чтению.

То, что приходится он домой мокрый и грязный, это, конечно, не похвально, но ведь он все-таки маленький мальчишка, а главное, сам обещает все вымыть, выстирать. Это уже совсем хорошо. Здесь только и остается, что порадоваться этому и поддержать его желание. Просто надо посмотреть на Сережины дела его глазами. То, чем он занят, ему, видимо, очень интересно. Так надо ли чинить ему препятствия?

Теперь о «зеленой жабе» и отношении людей к животным. Один средневековый ученый писал о жабе, что «это животное совершенно холодное и влажное, все отравленное, ужасное, противное и вредное. Съеденная жаба вызывает смерть, дыхание и взгляд ее также вредны, от них человек бледнеет и обезображивается». Автору можно простить ту чепуху, которую он написал про жабу, ведь он жил пятьсот лет тому назад. Но, оказывается, предрассудки о жабах сохранились и до наших дней. То, говорят, от них бородавки бывают, то их обвиняют в выдаивании коров; во всяком случае, у многих с детства воспитано чувство брезгливости, неприязни к ним. Я подчеркиваю, что виной этому не какие-то недостатки самих жаб, а привитые с детства неправильные представления об этих вполне безобидных и очень чистых животных (кожа жабы выделяет яды, убивающие микроорганизмы). Летом я привез с Украины

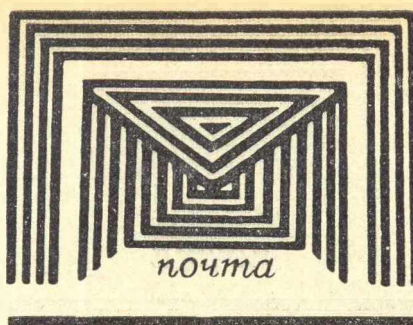
древесную зеленую лягушечку-квакшу. Она живет дома в террариуме, «поет» вечерами и стала любимицей нашей семьи, всем она кажется очень приятным существом. Вообще надо сказать, что расхожее представление о «симпатичных» и «отвратительных» животных основано чаще всего на предрассудках. Естественно, впечатление или тем более знание жизни животных начисто его отмечают.

Скажем, многие боятся или не терпят пауков. А вот мой одиннадцатилетний внук очень любит пауков, нежно берет их в руки, выпускает из комнаты на улицу. Однажды он горько плакал, когда при нем мальчишки назвали раздавили паука. Странно? Ничуть. Его отец-блог однажды, когда мальчику было два года и они вдвоем сидели в саду, наблюдая за маленьким зеленым паучком, рассказал и показал ему много интересного о жизни этого нелюбимого людьми животного. Вот и «запечатлелось» на долго, вероятно на всю жизнь, хорошее отношение к паукам. Возможно, что и первая встреча Сережи с лягушкой была интересной и доброй. Никто не сказал ему, к счастью, что она «противная и злая». Вот и возникло у него представление о лягушках и жабах, отличное от представления матери. Должен признаться, что я больше разделяю взгляд Сережи.

Сережа, наверное, будет все больше и чаще таскать домой всякую живность, будет просить купить аквариум, террариум. В пределах разумного ему стоит помогать. Понимаю, что вся эта живность может вывевать у матери неприятное чувство, но надо попробовать привыкнуть. Только став взрослым, я понял, что мои родители тоже только терпели тот зверинец, который я устраивал в комнатах в детстве. Теперь я им за это глубоко благодарен.

не хуже, чем в городе

Живем мы на Алтае, в селе Кадниково. Село — не маленькое: 1000 жителей, 260 учеников. В этом году открыли новую школу. Школа — замечательная, двухэтажная. Радоваться надо, а нам, родителям, с этой новой школой прямо беда. Ребятам понадобилось трико для физкультуры (раз зал есть, то и уроки по всем правилам должны проходить). В школе требуют, и правильно, чтобы ребята поддерживали

чистоту и порядок, переодевали обувь. Вот мы, родители, и забегали. Потому что купить всего этого негде. В магазине вообще нет ничего для детей. Форму-то обычную достать трудно, приходится за ней в Барнаул за 200 километров ездить. Но форму еще два-три года ученики носят, а трико спортивное быстрее снашивается. Да и ботинки на ребятах, сами знаете, не держатся. Каждый раз в Барнаул ездить? За ребят обидно, да и школу подводить не хочется.

И что за дефицит такой: сапоги кирзовые, сапожки резиновые, туфли, тапочки? У продавцов всегда один ответ: «Нет». В чем причина, не знаем. Но думается, что виноваты в этом торгующие организации.

Г. ТУМАШОВА,
мать троих детей

Предоставляем слово заместителю начальника Управления по торговле промышленными товарами Роспотребсоюза Моисею Петровичу ГОДИНУ.

— Прежде всего, я хотел бы пояснить, что существует несколько видов сельских магазинов, и для каждого предусмотрен определенный ассортимент товаров. Жители небольших сел непосредственно на месте пользуются магазином «Товары повседневного спроса». Само название говорит за себя. Здесь можно купить в первую очередь продукты, из вещей — рабочую одежду, кирзовые и резиновые сапоги. Есть некоторые галантерейные товары — нитки, иглы, щетки, — а также школьно-письменные принадлежности. Все это — предметы первой необходимости, и они должны быть, как говорится, под рукой. Магазин, торгующий этими вещами, есть и в Кадникове. Что касается других товаров, то согласитесь, что в маленьком сельском магазине, где стоит масло в бутылках или, скажем, керосин, нет смысла хранить дорогие шерстяные вещи или телевизор. Поэтому лучше сосредоточить эти товары в другом месте.

Но это вовсе не значит, что за любой другой вещь покупатель из деревни должен ехать в далекий город. В каждом районном центре есть универсальный магазин со специальными отделами одежды, обуви, трикотажа. Мамонтовский районный универмаг обслуживает жителей окрестных сел, в том числе и кадниковцев.

Кроме того, на центральной усадьбе Буканского совхоза есть еще магазин рабочего кооператива «Промтовары». Подобные кооперативы располагают еще возможностью доставлять товары на село через свои выездные автолавки. Например, перед началом учебного года организуют «Школьный базар», где родители могут купить школьную форму и все, что понадобится ребятам для занятий в школе.

Именно к этим специализированным магазинам и следует прежде всего предъявлять претензии. А они в данном случае, действительно, в долгу перед родителями и детьми. Здесь, как показала проверка, отсутствовали ботинки и полуботинки для мальчиков, туфли, сандалии для девочек, тапочки — и это несмотря на то, что обувь такая есть на Корчинской торговой межрайонной базе, которая снабжает Мамонтовский универмаг. Алтайский крайпотребсоюз взял под контроль работу Корчинской базы и принял меры к тому, чтобы исправить положение.

Мы много говорим о том, что растут потребности села. Они связаны с теми переменами, которые происходят в жизни. Прямой тому пример — письмо из села Кадниково. Построили современную школу — и сразу возник спрос на новые товары, без которых прежде обходились. Это — массовый спрос. И тут не только родители в одиночку должны хлопотать за своего ребенка. Было бы желательно, чтобы руководители школы, родительские комитеты проявили инициативу и заранее ставили в известность торгующие организации о нуждах школьников. (Так, после проверки письма такая заявка из села Кадниково была получена и удовлетворена).

Как сообщил редакции заместитель начальника Росторгторгсбы Министерства торговли РСФСР Николай Федорович СОКОЛОВ, Алтайской торговой базе выделено дополнительно 14 тысяч рублей на приобретение гимнастического трико. Дано указание отпустить Алтайской базе эти изделия для доставки торгующим организациям села Кадниково.

если лежит душа к „железкам“

Три года мы сидим с Лешей на одной парте, делаем вместе уроки. Но вот в школе Леша дальше оставаться не хочет, собирается после восьмого класса пойти работать. Куда и кем — не представляет. Я очень беспокоюсь за него, но не знаю, отговаривать его от этого решения или нет.

Дома у него условия хорошие. Отец и мать работают, о сыне заботятся. Квартира отдельная со всеми удобствами. Но в ученье Леша — парень ленивый. А так у него руки золотые. Он умет и радиоприемник собрать и гвоздь одним ударом забить.

Видела я на обложке вашего журнала паренька. Лешка чем-то похож на него, по возрасту такой же и так же любит возиться с винтиками и гаечками. Вот я и подумала, а что, если и Леше в профессионально-техническое училище пойти. Ведь если он специальность и среднее образование получит, то от него будет больше пользы людям, чем от неуча, который пришел на завод после восьмого класса. Только вот я сомневаюсь, примет ли Лешку в училище? Если можно, напишите, получается ли там толк из таких ребят, как Лешка? Тогда мне легче будет повлиять на него.

Лилия АНДРЕЕВА
г. Казань

Прочитал я письмо и так ясно представил себе Алексея, как будто давно его знаю. Не стану скрывать, немало перевидал я ребят, похожих на паренька из Казани. В свидетельстве — сплошные тройки, в характеристике — далеко не лестные отзывы.

Я далек от того, чтобы относиться с предубеждением к тому или ино-

му ученику, но я не имею права закрывать глаза на его недостатки, так как должен помочь ему переделать себя. Прошлое надо знать, чтобы не повторять ошибок, которые были. К примеру, пришел мальчишка разуверившийся в себе, какой-то потерянный, оттого что раньше твердили: «Ты — не способный, ты мешаешь другим». Иной раз видишь работает парень неплохо, но действует робко, все на других оглядывается. С таким надо быть мягче, чтобы он поверил в себя, где-то лишний раз похвалить, подбодрить.

Есть у меня в группе Саша. Школе хлопот доставил немало и в училище на первых порах своих привычек менять не собирался: дерзил, опаздывал на уроки. Я потому фамилию его не называю, что давно это было. Теперь Саша — отличник, и на поведение жаловаться не приходится. Директор школы, где он учился, поверить этому никак не мог. Даже пригласил его к себе, дескать, расскажи нам, «как дошел ты до жизни такой», да что за училище такое необыкновенное.

А необыкновенного ничего нет. Наверное, повлияло то, что разболтанность и дерзость безоговорочно, категорически осуждались прежде всего самими товарищами. У нас в группе такой порядок: любое опоздание, хоть на минуту — и отметка по трудовой дисциплине за месяц снижается. Ведь одна минута у рабочего человека значит очень много.

А ставят оценку твои же товарищи. Дал я им такое право.

Немаловажно еще вот что. У таких ребят, как Алексей, все в руках горит, а единственное дело, которое ему предлагают — учить уроки. Вот он и начинает тяготиться учением. Училище же дает возможность развить технические способности. Ребята могут заняться делом, которое не когда-то, а уже сейчас приносит реальную пользу. Подросток в этом деле утверждает. Меняется и его отношение к занятиям, он старается, потому что заинтересован, и сам видит, что без знаний ему не добиться успеха. Сейчас Иван Лагутин, Виктор Солотин, Сережа Абрамов — гордость училища, лучшие ученики. А ведь еле-еле окончили восьмилетку.

Некоторые могут сказать, что отличник отличнику рознь. Но мы в училище не делаем никаких скидок, и уровень подготовки ребят у нас не ниже, чем в школе. Мы готовим токарей, фрезеровщиков, монтажников радиоаппаратуры, контролеров. Три раза в неделю по шесть, а то и по восемь часов занимаются мои ребята электротехни-

кой, черчением, технологией металлов, эстетикой. Современные учебные кабинеты, сложное оборудование, которым мы располагаем, являются непременным условием подготовки квалифицированного рабочего.

Иным кажется: куда как просто — включил станок, взял заготовку и обработай ее. Я сразу предупреждаю — такого легкого пути не будет. У нас в ПТУ работали сотрудники научно-исследовательского института психологии Академии педагогических наук. Вместе с ними мы, преподаватели, занимаемся проблемным обучением. В чем его суть? Прежде всего, преподаватель ставит учащегося на занятиях в такое положение, которое требует активного размышления. Тут забуренное, но не понятое правило не поможет. А то, до чего дошел сам, собственным умом — запомнится надолго. Ученики привыкают работать головой, проявлять смекалку. Ведь современному производству нужны не просто исполнители, а специалисты — творческие, думающие.

Ну а если бы сразу из школы после восьмого класса на завод? Здесь подросток с несложившимся еще характером оказывается среди взрослых людей, и к этой новой среде многие привыкают с трудом. Завод есть завод, со своими жесткими планами, неотложной работой, у кадрового рабочего не всегда есть возможность заняться воспитанием ученика. А многие в этом еще как нуждаются! Что же касается теоретической и профессиональной подготовки, то, без сомнения, ни один из заводских методов обучения, индивидуальный или групповой, не может сравниться с училищным.

Помимо профессии выпускник училища получает еще среднее образование. Таких училищ становится все больше. Пошли по этому пути и мы. Свидетельство о среднем образовании и второй или третий разряд — вот с чем будут вступать в жизнь наши воспитанники. Напомню, что те, кто вместе со специальностью получают среднее образование, достигают вершин мастерства в два-три раза быстрее тех, кто обучался непосредственно на производстве.

Если у парня золотые руки, вот как у Алексея, если лежит у него душа к «железкам», если любит он мастерить, то пусть идет в профессионально-техническое училище. Нам такие ребята нужны.

В. ФИЛИППОВ,

Герой Социалистического Труда,
мастер производственного обучения
ГПТУ № 40
Москва

*из педагогического
наследия*

*Ибрай
АЛТЫНСАРИН*

**«НЕПРЕМЕННО
БЫТЬ
ПОЛЕЗНЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ»**

... 8 октября 1864 года в казахском поселке Тургай проходил большой праздник. Был он, как все праздники, со скачками и состязаниями акынов, обильным пиром и долгим весельем. Необычным и редкостным был лишь повод: не примирение враждовавших семей, не рождение первенца у богача — открытие школы. Невелика показалась бы нам она сегодня, и всего четырнадцать детей ступило в тот день, вслед за молодым своим учителем, на школьный порог. Но сто лет назад само слово «школа» диковинно звучало в казахских степях, где испокон единственным учителем (и то для малой части детей) был мулла. И наверное, многие из собравшихся не без недоумения смотрели на молодого учителя: зачем ему, внуку знатного бия, столь хлопотное и беспокойное занятие? Конечно, он состоит на службе и открыть школу ему было поручено от начальства. Но разве требовало от него начальство неустанно разъезжать по аулам, снова и снова уговаривать недоверчивых родителей, по крохам собирать деньги на постройку дома для школы?

Для учителя же не было, наверное, дня долгожданнее, чем этот, — и потому, что был он *первым* днем на его учительском пути, и потому, что этот путь он считал главным в своей жизни. Вот как скажет он об этом вскоре в письме одному из своих друзей: «...Как голодный волк за барана, взялся я горячо за учение детей и к крайнему моему удовольствию мальчишки эти в течение каких-нибудь трех месяцев выучились читать и даже писать... Два воспитанника занимаются разговорными переводами. Читают «Детский мир» (К. Д. Ушинского). Когда воспитанники эти начнут говорить по-русски, я смешаю с ними русских мальчишек, детей здешних поселян. Словом надеюсь, что эта молодежь в течение четырех лет будет говорить порядочно по-русски и узнает кое-что».

Мое постоянное стремление душевное клонилось к тому, чтобы непременно быть полезным человеком; а теперь мысль, что достигну этого — утешение мне во всем».

Двадцать пять лет продолжался учительский путь человека, написавшего эти слова. Не однажды за эти годы шел он вместе с учениками к порогу новой, созданной им школы. В иных и сегодня учатся ребята; на месте других — новые

здания, где в классах уже не два — три десятка — сотни детей. Но в любой казахской школе, когда рассказывают ребятам о тех, чьими подвигами и трудами гордится казахский народ, звучит и имя этого учителя — имя Ибрая Алтынсарина.

Ибрай Алтынсарин родился 20 октября (по старому стилю) 1841 года в роде Кипчак Среднего Жуза (нынешний Затобольский район Кустанайской области). Его раннее детство прошло в семье деда — бия Балгожи Жанбурчина, служившего в то время войсковым старшиной в Оренбургской Пограничной комиссии. К счастью для Ибрая, когда ему исполнилось 8 лет, при Пограничной комиссии была открыта школа для казахских детей. В этой школе Алтынсарин учился с 1850 года по 1857 год (при окончании он был отмечен как особо отличившийся), а затем работал сначала писарем у деда, и с 1860 года — толмачом-переводчиком при Оренбургском областном правлении. Все свободное время Алтынсарин посвящает самообразованию: он много занимается русским языком, стремясь овладеть им в совершенстве, знакомится с сочинениями русских классиков, внимательно следит за современной ему журнальной периодикой.

У Алтынсарина появляется немало друзей среди местной интеллигенции (одним из них был в эту пору известный востоковед В. Григорьев). Все они в один голос отмечают начитанность молодого казаха, его неуемную любознательность и особенный интерес к педагогическому делу. В 1860 году Алтынсарин получает возможность реализовать этот интерес — ему поручают открыть школу. Четыре года неустанного труда ушло на ее создание. Он преподает в ней сам, помогает другим учителям, напряженно работает над первыми национальными учебниками — «Начальным руководством к изучению русского языка» и «Киргизской хрестоматией» (такое название объясняется тем, что в эту пору казахов официально именовали киргизами или киргиз-кайсаками). Они выходят в свет в 1879 году.

Глубокое уважение, которое завоевал Алтынсарин в кругу своих соплеменников, его безграничное трудолюбие и самоотверженность находят, в конце концов, признание и у властей. В 1879 году он получа-

ет назначение на должность инспектора народных училищ Тургайской области, должность не столь высокую по служебной иерархии, но для казаха совершенно необычайную. Именно в то десятилетие, которое провел Алтынсарин на этом посту, и были заложены первые основы казахской национальной школы. Он создает сначала центральные училища в каждом из уездов Тургайской области, а затем, в 1887 году — еще 5 волостных школ. Одним из самых больших бед в развитии образования было полное отсутствие учителей-казахов; Алтынсарин добивается открытия учительской школы в городе Орске. С его именем связано и начало женского образования в Казахстане. Первая женская школа была открыта им в Иргизе, еще четыре, создание которых также было подготовлено им, начали действовать уже после его смерти. И наконец, трудами Алтынсарина было положено начало и техническому образованию на его родине. Он создает первое в своем крае ремесленное училище; организованному им сельскохозяйственному училищу Алтынсарин завещал свои земельные участки.

...Жизнь Ибрая Алтынсарина оборвалась рано, когда ему не было еще 50 лет. Он никогда не отличался крепким здоровьем, а беспокойная скитальческая жизнь, которой требовали от него его обязанности (в его письмах то и дело встречаешь «опять... скитаюсь по степям... таскаюсь по таким трупобам, где и самому дьяволу трудно было меня отыскать»), конечно же, тоже не укрепляла его. Летом 1889 года смертельная болезнь настигает его, и 17 июля он умирает.

*

Мы рассказали о внешней канве жизни Алтынсарина. Но простой перечень событий дает слишком мало для того, чтобы понять, какие реальные (и огромные) трудности пришлось преодолеть ему, в каких обстоятельствах пришлось действовать. В ту пору в Казахстане не было, по существу, никакой системы образования. Ничтожно малое число казахских детей обучалось в русских школах, еще какая-то часть — в религиозных училищах (мектебах). В мектебах детей калечили умственно и физически. Их рассаживали на голый пол, и целыми днями они, глотая пыль,

бессмысленно заучивали тексты на неизвестных им татарском или арабском языках.

Порка была главным и единственным способом «педагогического воздействия». И естественно, что преподававшие в этих школах мурлы оказались первыми противниками начинаний Алтынсарина. Они всячески страшили казахов, запугивали их тем, что в «казенных» школах детей отучат от веры и обычаев отцов. «В нашей стране мурлинская порода распространяется в больших размерах и выжить их... нет никакой возможности», — замечает Алтынсарин. И не единожды еще в его письмах встречаем мы упоминание о противодействии, которое оказывали ему мурлы, об упреках в отступничестве, которые раздавались по его адресу. Не мог он рассчитывать на поддержку и в том кругу, который, казалось, хотя бы по его происхождению мог быть ему близок, — в кругу казахской знати. Целью Алтынсарина было «дать казахам такое образование, чтобы они могли стать полными руководителями, учителями народа по части наук и искусства». У знати же, посылавшей своих детей в школы, были цели совсем иные. С горечью пишет Алтынсарин: «Отдавая своих детей на обучение, просят научить их прежде государственными законам, с тем намерением, чтобы из них вывести законников, следовательно, кляззников. Вот куда у них глаза глядят! Они употребят во зло свое маленькое образование, станут безжалостными обидчиками казахов же».

Алтынсарин был государственным чиновником «по министерству народного просвещения». Но стремление, которое было смыслом жизни Алтынсарина — дать образование народу, вывести из мрака невежества — менее всего входило в намерения царских властей. Им достаточно было иметь несколько десятков грамотных «инородцев» для исправления низшей чиновничьей службы; все прочее было не нужно, да и опасно. Казенные «фонды» на образование были нищенскими; все школы, которые удалось открыть Алтынсарину, были созданы им буквально своими руками, на собственные по крохам пожертвования. Самое большее, чего он мог ждать от властей — чтобы ему не мешали. Но и так было далеко не всегда — чаще можно было встретить невежество или самоуправство.

...Но значит ли все это, что Алтынсарин был одиноким подвижником, черпавшим силы лишь в личном мужестве? Думается, такое заключение все же было бы неверным. Поддержкой и опорой была для него, прежде всего, вера в силы своего народа. Несмотря на вековую нищету, бесправие, влияние религии, в казахском народе всегда жило стремление к свету знания, всегда сохранялась мысль о том, что образование и воспитание — важнейшая жизненная необходимость, своего рода «второе рождение» человека, превращение его в подлинную личность. И дело, которому посвятил свою жизнь Алтынсарин, не было потому лишь его личным устремлением и порывом — это была его общественная, национальная миссия, значимость которой, он, бесспорно, ощущал.

Опорой Алтынсарину были и достижения передовой русской культуры, литературы, педагогики. В овладении ими он видел один из основных путей образования и культурного роста родного народа. И потому национальная школа, основы которой были положены им, закономерно создавалась как школа, дающая русско-казахское образование.

И наконец, опорой Алтынсарину, в особенности в последние годы его жизни, был круг его соратников, молодых учителей, которых он по-отечески заботливо опекал, вникал в каждую мелочь их труда и быта, поддерживал и ободрял — и круг его учеников, успехам которых он не устал радоваться.

*

Какова же роль Алтынсарина в развитии национальной казахской педагогики? Мы уже упомянули о созданных им учебниках, но они, бесспорно, заслуживают более подробной оценки. Значимость их — не только в том, что это первые учебники на родном языке; не только в их методических достоинствах. Главная особенность их (если говорить, в частности, о «Киргизской хрестоматии») — в органическом, мастерском соединении народной традиции воспитания, испокон веков передаваемой изустно, и научной — прогрессивной русской педагогики. В хрестоматию Алтынсарина широко вошли народные сказания, песни, притчи, легенды — записанные им, переработанные или положенные в основу собственных

стихотворных и прозаических сочинений. И одновременно он опирается на опыт русской педагогики, на материалы хрестоматий Ушинского, Л. Толстого. Если учесть, к тому же, что хрестоматия Алтынсарина дала первые (и прекрасные) образцы казахского литературного языка, понятно будет ее значение.

В педагогических работах Алтынсарина выразились воззрения, во многом совпадающие с идеями передовых русских педагогов.

Воспитание детей и молодежи, подчеркивал он, должно быть разумным и свободным, основываться на идее равенства природных способностей человека, на стремлении выявить и развить в каждом человеке все лучшие задатки.

«Всех ласково греет солнце,

Всем светят лучи луны,

Особо рожденных не было и нет на этой земле», —

писал Алтынсарин, опровергая мысль об особой якобы избранности людей «благородной крови».

С двумя другими замечательными казахскими просветителями-демократами второй половины XIX века — Чоканом Валихановым и Абаем Кунанбаевым — Алтынсарина роднит непримиримость ко всякому насилию, расовой и национальной нетерпимости и высокомерию; горячая вера в освободительное значение творческого труда, научного знания, образования, просвещения масс, призыв к миру, дружбе и сотрудничеству разноязычных народов во имя общего прогресса.

В эпоху, когда обучение не только в религиозных, но и в большинстве светских, государственных школ основывалось на беспрекословном подчинении авторитету учителя, Алтынсарин подчеркивал, что основа этого авторитета — любовь к детям.

Он писал: «Учитель как воспитатель должен обладать удивительным качеством полюбить всей душой школу, всеми силами отдаваться своим обязанностям, имея дело с детьми, уметь общаться с ними не раздражительно и терпеливо. Чем бодрее дети, тем больше учитель окажет правильное влияние на учеников, тем успешнее пойдут и занятия».

...Именно таким учителем и был сам Ибрай Алтынсарин.

А. СЕМБАЕВ,
член-корреспондент АПН СССР.

А. СИТДЫКОВ,
кандидат педагогических наук

ЧИСТЫЙ РОДНИК

Три спутника встретились у одного родника.

Родник вытекал из каменистого места. Вокруг него рос густой лес, ветви и листья которого затеняли родник. Вода в роднике была чистая, холодная, как лед, и блестела, как стекло. На то место, откуда вытекала вода, кто-то положил камень с котел величиной, просверлил его и обтесал и в том месте, где текла вода, высек надпись: «Эй, путник, будь чистым, как этот родник». Когда три путешественника, напившись вдоволь воды, прочитали надпись, то один из них, по-видимому, купец, сказал:

— Умные слова здесь высечены. Ручеек от родника бежит днем и ночью, не переставая и протекая в дальние земли; и чем дальше течет, тем все больше вливается в него других ручейков. Так, протекая, превращается он в большую реку. Из этого следует такой вывод: ты, человек, тоже не переставая работай, никогда не останавливайся и не предавайся лени; если будешь поступать так, то в конце концов будешь великим и достигнешь цели. Вот о чем говорит эта надпись, как я разумею.

Второй спутник был бедным муллой; он, качая головой, сказал:

— Нет, я думаю не так. Смысл этой надписи куда значительней, чем вы предполагаете. Этот родник готов для всякого: кто изнывает от жары, тому он дает прохладу и душе — усладу; кто хочет пить, тому он утоляет жажду — и за все это ни от кого не ждет награды. А если так, то смысл этой надписи таков: если делаешь кому добро, то не возлагай на него обязанность ответить тем же. Вот о чем говорит эта надпись.

Третий путник, очень стройный, красивый юноша стоял молча. Товарищи спросили его, как он думает.

Юноша ответил:

— Я думаю иначе. Если бы вода в этом роднике стояла спокойно на одном месте, то трава и мусор, попадая в нее, замутили бы и загрязнили ее; тогда люди и животные не любили бы родник. Но так как родник течет беспрестанно днем и ночью, то он очищается, и за это его все любят. Если так, то смысл надписи такой: душу и тело храни в чистоте, как этот родник; ибо когда смотришь в него, то видишь, что в нем отражаются блеск солнца и ответы травы, если они глядят в него; поэтому душу, как этот родник, держи открытой для всех — пусть в ней будет видно все. Вот о чем, по-моему, говорит надпись.

(Из «Киргизской хрестоматии», составленной И. Алтынсариным)

ПРИГЛАШЕНИЕ В ШКОЛУ

Знаний увидев свет, дети, в школу идите!

В памяти крепко, навек прочитанное сохраните.

Дело пойдет успешно, радости будет вдвойне...

Знайτε — неграмотный бродит, словно слепой во тьме.

Дети, будем учиться! В памяти вашей пусть

Знаний запас сохранится.

Учение даст вам счастье, оно озарит, как свет,

Каждое ваше желание, яркий оставит след.

Дети, в школу идите! В памяти крепко, навек

Знания сохраните.

Стада — богатство степное — считает суровый джуг.

Богатство ученых иное — растущее, вечно живое —
вьюги не заметут.

Давайте, дети, учиться! В памяти вашей пусть

Знаний запас сохранится.

Как добрый конь не устанет, так знание не подведет.

Темному человеку счастья жизнь не дает.

Давайте, дети, учиться! В памяти вашей пусть

Знаний запас сохранится.

Ученье схоже с алмазом — сила его растет!

К грамотному человеку булат на поклон идет.

Узнать неизвестные тайны умные дети хотят.

Глупые дети вздорно целые дни галдят.

Дети, в школу идите! В памяти крепко, навек

Знания сохраните.

Мать и отец постареют. А в старости, может быть,

Придет к ним внезапно бедность... Как им ее пережить?

Тогда-то учение ваше даст им желанный покой.

Вы бедность от них отведете уверенною рукой.

Грамотный жизнь познает во всей ее красоте.

Грамотный дотянуться сможет к своей мечте.

Отцы и матери ваши хотят одного сейчас:

Знающего человека увидеть в каждом из вас.

Дети, в школу идите! В памяти крепко, навек

Знания сохраните.

*Отдел ведет
член коллегии
Министерства
внутренних дел СССР,
доктор юридических наук,
профессор
И. И. КАРПЕЦ*

сообщить или скрыть?

Как часто такой вопрос возникает в школьной среде. Назвать ли озорника, разбившего стекло? Указать ли инициаторов побега с урока? И не всегда одобришь взрослого, который во всех подобных случаях отвечает: да, назвать, указать, пожаловаться. Умные воспитатели стремятся к другому — пробудить у школьников чувство общей ответственности за случившееся и вместе с тем помочь им понять, что основной зачинщик должен найти мужество честно и самостоятельно признать свою вину. И тогда им станет ясной разница между подлинным товариществом и круговой порукой, мужеством противоборства и ябедничеством.

Поймут такую разницу подростки — и все в коллективе станет на свои места. Более того, лишь при этом условии неписаный школьный кодекс будет правильно подготавливать ребят к требованиям Уголовного кодекса. Ведь верное понимание таких категорий, как моральная стойкость, личная ответственность, долг перед коллективом, имеет непосредственное отношение и к правовому воспитанию учащихся.

Закон имеет в виду не ребячьи шалости и озорство, а преступные деяния, направленные против общества. И на вопрос: сообщать или скрыть? — он отвечает совершенно недвусмысленно.

Статья 190 Уголовного кодекса РСФСР обязывает всех граждан сообщать об известных им готовящихся или совершенных преступлениях. Другие статьи предусматривают ответственность за укрывательство преступления, устанавливают, что все граждане — очевидцы преступления или потерпевшие — не имеют права отказываться от дачи показаний и должны говорить только правду.

Мы выясняли, как учащиеся понимают это юридическое положение. Отвечая на вопрос о некоем Петре, который не сообщил о разбойном нападении, совершенном его друзьями, 61 процент старшеклассников оценил его поведение как преступление, 37 — как аморальный поступок. И только 2 сочли, что Петр поступил правильно — «не выдал друзей». Однако это не значит, что все осудившие Петра сами бы пошли сообщить о преступлении. Некоторые на прямой вопрос об этом ответили, что поступили бы, как Петр, а одна треть опрошенных написала «не знаю» или вообще уклонилась от ответа.

Пример этот показывает, как важно помочь школьникам осознать справедливость закона, убедить их в том, что исполнение его требования не будет оценено как предательство, донос или недостойный поступок. Надо научить подростка выбирать правильную правовую позицию, особенно в сложных, конфликтных ситуациях.

Здесь особенно существенна единая позиция родителей, педагогов и вообще взрослых. Отсутствие ее дезориентирует учащихся, они не знают, кого слушать, на чьей стороне правда. Мы обратились к группе старшеклассников с таким вопросом: «Вас возмущало поведение соседа, который похищал на работе различные строительные материалы. Вы решили сообщить о нем в милицию и о своем решении рассказали друзьям и близким. Что бы они вам посоветовали? Как бы в конце концов вы поступили?» Некоторые ответили, что родители не посоветовали бы им идти в милицию («Не вмешивайся — могут быть неприятности», «Не вмешивайся — многие так делают»), друзья тоже стали бы отговаривать («Лучше поговори с соседом») или уклонились бы («Как хочешь — твое дело»). Ожидая таких советов, многие ребята написали, что не стали бы сообщать о хищении («Ничего не стал бы делать», «Поговорил бы с соседом»). Был и такой ответ: «Пошел бы в милицию, если сосед плохой, вредный».

На другой вопрос: «Вы случайно были свидетелем убийства и знаете

убийцу. Посоветовали бы вам родные и близкие рассказать об этом и как бы вы поступили?» — учащиеся ответили более единодушно: им бы посоветовали сообщить, и они бы сообщили — все-таки речь идет об убийстве.

Но некоторые и в этом случае ждали от родителей и друзей совета типа «Промолчи», «Как хочешь — твое дело», «Не суй нос не в свое дело».

Характерно, что только от учителей школьники ожидали советов, наиболее отвечающих требованиям закона. Однако в практическом поведении они предпочитали ориентироваться на советы родителей и друзей.

Чем объяснить такое расхождение? Во-первых, влияние родителей даже на 14 — 16-летних подростков еще достаточно велико. Во-вторых, в этом возрасте высоко ценится мнение друзей. Да и с фактами правонарушений учащиеся сталкиваются чаще вне стен школы. Но в указанном расхождении бывают повинны и сами педагоги. Ребята подмечают порой, что учитель говорит правильно потому, что «так надо говорить», но за этим они не ощущают той силы искреннего убеждения, которая здесь особенно важна. Учащихся надо именно убедить — показать все «за» и «против», доказать, почему первых больше, чем вторых, возбудить желание быть принципиальным в своем поведении. Родителям и друзьям не приходится особенно об этом думать — ведь их советы чаще имеют не принципиальный характер, а продиктованы соображениями житейской осторожности. Родителями иногда движет естественное стремление отвести от детей возможную опасность, однако при этом им внушаются определенные антиобщественные взгляды: «наше дело сторона», «наша хата с краю».

Причем эта обывательская мораль нередко прикрывается высокими соображениями: нельзя воспитывать из ребенка доносчика и наушника, надо учить его быть верным другом и т. д. Но вспомним: речь-то идет не о ребячьей шалости, а о преступлении, то есть таком деянии, которое опасно для общества, ставит под угрозу человеческую жизнь и благополучие.

Именно потому за многие преступления закон устанавливает весьма строгие наказания, привлекает к уголовной ответственности виновного независимо от позиции потерпевшего. Желает потерпевший или нет, но избивший его хулиган, обворовавшее его лицо, напавший на него грабитель будут нести на-

казание в уголовном порядке. Этот принцип публичности уголовного преследования прямо выражен в законе. Причем, если потерпевший будет уклоняться от дачи показаний или говорить неправду, его самого могут привлечь к уголовной ответственности.

Справедливо ли такое положение? Безусловно, да. Обществу не безразлично, что среди его членов есть и остается безнаказанным человек, способный поднять руку на другого человека, ограбить, украсть, получить взятку. Правонарушитель — не просто гражданин, преступивший закон. Само преступление свидетельствует о наличии у него искаженных правовых и нравственных взглядов, антиобщественной установки. Последняя может толкнуть его на новые преступления, а значит, будут новые потерпевшие, новый, возможно, более значительный ущерб. Кроме того, его безнаказанность внушит другим мысль, что можно не бояться нарушать закон.

Вот почему судьи, прокуроры тверды в этих вопросах и строго следуют требованиям закона. Никто другой не может присваивать себе функции правосудия и самостоятельно решать: такого-то преступника надо наказывать, а такой-то хороший, его можно простить, умолчать о его преступлении. Каждый, кто не сообщает о преступлении,вольно или невольно становится на антиобщественную точку зрения.

А не будет ли такое сообщение «предательством» по отношению к другу, знакомому? Конечно, будет, если человек не вмешиваясь, подождет, пока друг совершит преступление, а уже потом о нем сообщит. Ведь друга можно убедить отказаться от преступного замысла, можно помешать ему совершить преступление, помешать довести его до конца. Статья 16 УК РСФСР устанавливает, что лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им уже содержит состав какого-то преступления. Если же друг еще не успел совершить ничего существенного, он вообще не понесет уголовного наказания.

Конечно, не совсем красиво, узнав о преступлении друга, ничего ему не сказать, а сразу пойти сообщить. Ведь возможно убедить его, чтобы он сам повiniлся в содеянном. Статья 38 УК РСФСР предусматривает — в качестве смягчающего вину обстоятельства — явку с повинной, чистосердечное раскаяние, а также активную помощь в раскрытии преступления.

Но бывает часто так, что ничего не остается, кроме как прямо и сразу сообщить в милицию или другие органы о преступлении. Ведь обстоятельства могут быть такими, при которых лично вмешаться или своевременно побеседовать оказывается невозможным.

Среди подростков можно встретить мнение, что сообщать надо лишь о тяжелых преступлениях, а об остальных — не обязательно. За этим кроется непонимание общественной опасности любого преступления. Скажем, хулиганство — это не просто нецензурная брань и не просто приставание к другим. За такие действия виновные наказываются максимально арестом на 15 суток. Уголовнонаказуемое хулиганство — это дерзкие, циничные действия: издевательство над человеком, его избивание, унижение его достоинства, серьезное нарушение общественного порядка. И не случайно уголовное наказание за злостное хулиганство повышено до 7 лет лишения свободы. Правильно сказал на собрании один рабочий: хулиганское нападение отнимает у человека несколько лет жизни.

А разве можно оставаться бесстрастным, види, скажем, горе девушки, у которой в магазине вытащили кошелек с деньгами, отложенными на пальто или туфли, наблюдая отчаяние супругов, из квартиры которых воры вынесли все, что могли? Что же касается хищений государственного имущества, то оно означает и обкрадывание каждого из нас. Вы ждете вселения в новый дом, а завершение его строительства задерживается — не хватает отделочных материалов, которые делись «неизвестно куда»...

Важно обращать внимание на конкретную общественную опасность каждого преступления, вызывать непримиримое отношение к нему.

Опасно ли сообщать о преступлениях? Закон стоит на страже того, кто выполняет свой долг. А те, кто путем угроз пытается помешать ему или потребовать от него дачи ложных показаний, наказываются, как сказано в статье 183 УК РСФСР, лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года.

Конечно, борьба с преступностью требует мужества. Но разве когда-нибудь и кто-нибудь утверждал, что у детей не надо воспитывать смелость и, наоборот, следует культивировать осторожность, доходящую до трусости? Такое «осторожное» воспитание может дорого обойтись обществу и человеку.

А. ДОЛГОВА,
кандидат юридических наук

ВЕЛИКИ ЛИ ОТЦОВСКИЕ ЗАБОТЫ?

*В самом деле,
велики ли они?
Приходится
слышать порой
от отцов,
что и рады бы они
отдавать побольше
времени и сил
детям, да некогда:
мешают
многообразные
служебные
обязанности,
общественные
дела,
хозяйственные
заботы по дому.
Или же, напротив,
звучат жалобы
такого рода:
я ему столько
сил отдаю —
и обеспечиваю всем,
и уговариваю,
и воспитываю,
а он все равно
не хочет учиться...*

Конечно же, степень и силу отцовского влияния трудно оценить числом часов, проведенных с детьми. Это немаловажно, но еще важнее — какие это часы, что связывает ребенка и взрослого, чему учит отцовский пример? И знать, как здесь реально обстоит дело, необходимо, вне сомнения, и любому учителю, стремящемуся работать в контакте с семьей, да и самим родителям. Небольшое обследование, которое мы провели не так давно в своей школе, помогло нам яснее оценить «воспитательную ситуацию» в семьях наших учеников, и в частности степень отцовского влияния.

Обследование состояло из нескольких частей. Я расскажу сначала о второй его части, которая, на первый взгляд, не касается прямо взрослых. Нас интересовало, как школьники проводят свое свободное время. В опросе участвовало около 1400 учеников 2—10 классов (почти поровну мальчиков и девочек). Ребята получили анкеты, в которых к вопросам предлагались варианты готовых ответов. (Например, на вопрос «Как ты провел последний выходной день?» можно было ответить «Ходил в кино», «Учил уроки», «Помогал маме», «Играл во дворе» и другие). Нужно было лишь поставить знак «плюс» или «минус» перед подходящими ответами. Сделали мы это для того, чтобы ребята не затруднялись в формулировке ответов (что вполне естественно, особенно в младших классах) и попросту не забыли чего-то. Анкета была анонимной, чтобы ребята не боялись, что она каким-то образом повредит им в глазах учителей.

О чем же рассказали ответы детей? В младших классах нет существенных различий в том, чем занимаются в выходной день мальчики и девочки: примерно в равной мере и те и другие отмечали такие занятия, как игры во дворе и приготовление уроков. Но чем старше становятся школьники, тем эти различия заметнее. Мальчишки гораздо в большей степени, чем девочки (в 5—7 классах — на 20 процентов, в старших — почти на 30 процентов), проводят досуг вне дома, в дружеских дворовых компаниях, они отдают больше времени разного рода играм (шахматы, шашки, домино, карты), но зато, увы, меньше читают (в среднем на 10 процентов), меньше занимаются уроками и гораздо меньше помогают по дому.

Кажется, все соответствует привычным, обыденным представлениям. Девочки — трудолюбивее, старательнее, они большие домоседки, домовницы (недаром говорят: «Доч-

ка матери первая помощница»), мальчишки же вечно рвутся на улицу — их и за уроки не усадишь и помочь по хозяйству не заставишь.

Но дело обстоит далеко не так просто. В последующей части нашей анкеты был и такой вопрос: «Помогаешь ли ты маме?» Так вот, среди мальчишек младшего и среднего возраста таких помощников оказалось даже больше, чем девочек. Зато в старших классах картина прямо противоположная: в домашних заботах юноши участвуют вдвое меньше, чем их сверстницы.

Казалось бы, чем старше ребята, чем больше их силы и самостоятельность, тем существеннее должна быть и их помощь старшим по дому. Но этого не происходит. Почему? Ответы на этот вопрос, видимо, надо искать в том, как организована жизнь семьи, каковы взаимоотношения между взрослыми и детьми и «роли» самих взрослых в семейном быту.

Неработающих родителей у нас мало (в основном — женщины-домохозяйки, около 5 процентов). Около трети и отцов и матерей — инженерно-технические работники и служащие. Почти половина отцов — высококвалифицированные и квалифицированные рабочие. Среди матерей таких меньше трети; среди них больше, чем среди отцов, мало-квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Что же касается уровня образования, то он примерно одинаков (у матерей даже чуть-чуть выше). В целом 10 процентов родителей имеют высшее образование, около 75 процентов — среднее (полное и неполное).

Четыре из пяти семей выписывают по несколько газет и журналов, две трети имеют домашние библиотеки. Как видите, образовательный уровень и культурные запросы можно считать достаточно высокими.

А как распределяются домашние обязанности между взрослыми? По собранному нами данным, около 40 процентов отцов разделяют бытовые заботы с матерями, еще 40 процентов делают это лишь изредка. Анализ ребячьих ответов на вопрос «Помогает ли папа маме?» позволил яснее увидеть, что стоит за этими цифрами.

По существу, больше трети отцов предпочитают домашние бытовые занятия передать работающей жене. Если же коснуться таких дел, как стирка и уборка, то здесь участие мужчины совсем невелико.

Что же, ведь всегда считалось, что «шитье-мытье — естественная женская обязанность». Когда-то в этом, бесспорно, был резон — на

долю мужчины выпадали гораздо более тяжелые виды домашнего труда. Но удобства городского быта, рост коммунальных услуг, в первую очередь, освободили семью именно от этих мужских забот, почти полностью сохранив женские заботы. А перераспределение обязанностей происходит пока что весьма медленно; действуют давние представления о том, что следует и пристало делать мужчине дома.

Теперь, думается, мы можем ответить на вопрос о причинах нарастающей с годами домашней нерадивости мальчишек.

Чем старше становится сын, тем значимее и убедительнее для него отцовский пример и желание быть «настоящим мужчиной». А «настоящие мужчины», как он видит, не занимаются мелкими домашними заботами — не их это дело. Беда в том, что и многие матери, на словах сетуя на «безрукость мальчишек», на деле сами ее создают, освобождая детей от бытовых забот. А стоило бы подумать: каков будет подросший белоручка на солдатской службе, в походе, каким он окажется впоследствии «главой семьи»?

Но вернемся к разговору об отцах. Признаюсь, очень хотелось убедиться, что свободное время, которого у них, несомненно, стало больше, они отдают заботам об учебных делах детей. Как-никак, такая забота становится сегодня все нужнее. Но, увы, дело обстоит не совсем так. Мальчишки и девочки всех возрастов сообщили в своих ответах, что две трети отцов никакой помощи им в учебе не оказывают. Помощь отцов оказалась равной помощи бабушек. Это четко проявилось и при анализе ответов на вопросы «Читаете ли вслух книги?», «Обсуждаете ли книги, телепередачи, кинофильмы?». Грустно это, но, по свидетельствам ребят, 70 отцов из 100 не участвуют и в этих делах в семейном кругу. И здесь на первом месте мама — ее участие подтверждают две трети отцов.

Был, наконец, в нашей анкете вопрос, который позволял судить уже не просто о домашних занятиях и обязанностях, но и о самой атмосфере семьи — об отцовском престиже: «С кем ты больше делишься своими секретами?» Здесь на первом месте, начиная с 5-го класса, оказываются друзья, за ними матери и бабушки... А отцы? На предпоследнем, опережая лишь братьев и сестер. 70 процентов ребят ответили, что с отцами они своими секретами (то есть самым

важным, сокровенным) не делятся.

Что же остается, в таком случае, нам, отцам, для того, чтобы претендовать на звание «глава семьи»? Зависит ли от материального благополучия, весомый вклад в ее бюджет? Но дети часто вообще не знают, чья доля в домашнем материальном достатке больше, да и деньги на свои расходы они получают из рук матери. Зато они знают, что мама тоже работает да вдобавок встает раньше всех и ложится позже всех — готовит обед, стирает, кормит, одевает их. Так что же все-таки остается на долю отцов? Духовное главенство? Но, как видите, и уроками, и тем, что читают и смотрят дети, что их занимает и волнует, тоже больше интересуются мамы. Не здесь ли ответ на вопрос, тревожащий многих отцов: почему это дети с нами не считаются, перестают слушаться?

Как видите, не столь уж велики отцовские заботы. А необходимость в них велика. На школу часто ссутуют, что сегодня не хватает в ней мальчишкам направляющей мужской руки. Но вот в семье, где она почти всегда есть, не очень-то, оказывается, она уверенно ведет и направляет — и оттого, наверное, мальчишки гораздо чаще «отбиваются от рук».

Конечно, то, что «недодает» семья, нередко восполняется школой, армией, производством. Но фундаментом при становлении настоящего человека-труженика и гражданина — все-таки служит то, что ребенок приобретает в детстве, та начальная школа домашнего трудолюбия, где каждодневные «уроки» ведут папа и мама. А мы, отцы, — какие мы учителя? Приличные или не очень? Пока что, пожалуй, не очень.

И наконец, даже если говорить только о «шитье-мытье» — разве подрастающим нашим детям предостой жизнь, лишенная всяких бытовых забот? Развивается сфера обслуживания, увеличивается механизация домашнего труда, но он все-таки остается трудом. И не побежит же каждый пришивать оторвавшуюся пуговицу в ателье, будь оно даже этажом ниже! Правда, если сыновья усвоят иные наши отцовские уроки, то у них останется возможность положиться на женские руки, которые все умеют и все успевают. Но стоит ли усваивать такие уроки? И к лицу ли это мужчине — рыцарю и главе семейства?

В. ПОПОВ,
заслуженный учитель
школы РСФСР,
директор 99-й уфимской школы

встречи с читателями

ЗВЁЗДНЫЙ И ДЕТИ

Звездный городок. Здесь живут и работают космонавты, ученые, инженеры и техники. В Звездном растут дети. И как в любой семье, здесь возникают свои большие и малые воспитательные проблемы.

Беззаветно любил детей Юрий Алексеевич Гагарин. Он был членом родительского совета школы. Гагаринские традиции постоянной связи летчиков-космонавтов со школой достойно продолжают ныне его товарищами. Бессменным председателем родительского совета школы на протяжении ряда лет избирается Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР А. А. Леонов.

Встречи летчиков-космонавтов с учениками средней школы им. В. М. Комарова стали уже традицией.

И вполне закономерно, что здесь, в Доме культуры Звездного, собрались вместе педагоги школы, родители и общественность городка. Их интересовали новые учебные программы школы, научные обоснования режима для ребенка и подростка, воспитание интереса к учению.

На эти вопросы мы пригласили ответить сотрудников редакции журнала «Семья и школа». Вечер получился интересным. На этом вечере родители предложили создать в Звездном родительский лекторий. Вот уже год, как он действует.

Программа лектория предусматривает пропаганду передовых методов обучения и достижений в области педагогики и психологии, обмен мнениями, обсуждение отдельных статей журнала. Каждой теме посвящается радиопередача местного радиовещания, готовятся наглядные пособия, тематические выставки специальной и художественной литературы.

Нет зрителя более восприимчивого, чем дети. Но какова ценность той информации, которую дает телевизор детям изо дня в день? Как складываются

взаимоотношения ребенка с телевизором? Об этом рассказала искусствовед И. Ф. Баранова в своей лекции «Телевидение и дети».

«Сегодняшние перемены в школе, и перемены в программах в том числе, направлены к тому, чтобы школьнику было интересно учиться, чтобы школа не отставала от уровня современных знаний», — такими словами начиналась лекция научного сотрудника Научно-исследовательского института школ Министерства просвещения РСФСР Е. И. Мишаревой «Новая учебная программа школы».

О проблемах, которые обсуждались на совместной сессии двух академий — медицинских и педагогических наук — нам рассказала А. Г. Хрипкова, вице-президент Академии педагогических наук СССР.

С большим вниманием участники лектория прослушали выступление доктора психологических наук В. В. Давыдова «Современные дети глазами психолога».

От имени слушателей благодарим сотрудников и авторов журнала «Семья и школа», которые ведут занятия лектория.

Н. ЕФИМЕНКО,
старший инспектор по агитации
и пропаганде Дома культуры

Читательские конференции и устные выпуски «Семьи и школы» состоялись в Колонном зале Дома Союзов ВЦСПС, в Центральной лектории Всесоюзного общества «Знание», в московском городском Доме учителя, во Дворцах культуры имени С. М. Кирова и имени Ф. Э. Дзержинского (Ленинград), во Дворце культуры «Октябрь» (г. Дубна), в Центральном доме Советской Армии, в Доме культуры имени 50-летия Октября (г. Загорск), в Сокольническом, Гагаринском и Волгоградском районах Москвы, в Минске, Тбилиси, в Харькове, Горьком, Куйбышеве, Ярославле, в Краматорске, Электростали.

Редакция благодарит авторов журнала, принявших участие во встречах: учителей А. Савенкову и С. Езерского, директоров школ И. Окожмову и Б. Еделькину, доктора географических наук Д. Арманду, писателя С. Львова, доктора психологических наук Н. Лейтеса, кандидатов психологических наук К. Бардина и Ф. Ипполитова, кандидата педагогических наук А. Мудрика.

создалось
такое
положение ...

простота хуже воровства

Мне 30 лет. У меня сын семи лет, живем мы с ним вдвоем. Работаю я уборщицей в школе. Получаю 60 рублей да еще 5 рублей пособия. Себе, конечно, во многом приходится отказывать, но это мне трудно (мой же сын), и несчастной я себя не считаю.

Мальчик мой, в общем, не хуже и не лучше других, но есть у него один недостаток, от которого страдаем мы оба. Это — его чрезмерная простота. Живем мы в деревне, в магазин ходим не каждый день, поэтому и продуктов приходится брать с запасом.

Ухожу утром на работу, предварительно, чтоб ел сколько потребуются, остальное пусть лежит. Он соглашается, успокаивает, что все будет в порядке. Прихожу на обед — ничего нет. Все раздал приятелям, накормил бездомных собак и кошек (молоко стоит в тарелочке на улице, колбасные кусочки — на земле) — всех обеспечил, только о матери забыл.

Игрушки, цветные карандаши, апельсины — все, что нравится ему и другим детям, уплывает на улицу в этот же день или на другой день, как только я приношу. В комнате все перевернет в поисках спичек, денег — всего, что попросят приятели. То, чего не дают или запрещают их родители, они легко получают от моего сына — считай, от меня.

Я объясняла, стыдила, ругала — бесполезно. Попробовала побить. Я бью его, а в лицо ему не могу смотреть, потому что в глазах у него такой ужас, что мне самой стало страшно.

Понимаю, семилетнему человеку не объяснишь, что все полученное

им не падает с неба и не растет на деревьях. Даже взрослый без сожаления расстается с тем, что ему легко досталось. И мой Витя, наверно, узнает цену всему, когда сам станет работать.

Но как сейчас добиться, чтобы сын не был таким безвольным, таким добреньким; как сделать его бережливым, устойчивым перед вымогателями?

Некоторые советуют — все под замок! На кухонный стол — замок, на игрушки, карандаши, книжки — замок. Но я-то чувствую: бить или запирать все не надо. А что и как надо — не знаю.

А. З-ВА
Калужская область

Да, горестное письмо...

Мальчик растет слабым. Не в смысле физическом, а по характеру. Отчего так — трудно судить. Может быть, у него по наследству такой тип нервной системы (слабые, впечатлительные, чувствительные дети обычно легче поддаются внушению и влиянию более крепких по характеру ребят, более «настырных» и уверенных в себе). Может быть, попал он в подчинение всего лишь одному мальчишке — вожаку детской компании. Вожак его эксплуатирует, а остальные, видя это, тоже не отстают: «принеси то, принеси это, а то не будем с тобой играть». Приказ, насмешечка, если заколебался, — и он готов выполнить любое требование. А когда потом, перемигиваясь, его похвалят — он готов и еще раз сбежать, еще принести!

Что ж, картина эта известна. Слабый, внушаемый ребенок, заискивающий перед товарищами, не могущий жить без них, без компании, без одобрения, фальшь которого он не научился различать.

А потом, видя открытый гнев и горечь в глазах матери, он точно так же сгибается перед этим влиянием и готов обещать что угодно сделать — только бы его простили. Слабый, внушаемый, несамостоятельный...

Как же здесь быть? Дело даже не в том, что для матери разорительно присутствие такого «грабителя» в доме. Можно, в самом деле, навесить повсюду замки и запоры, создать внешние, механические преграды — опоры для слабозвоного. Но сама-то беда — слабость — останется, мало ли кто еще начнет на ней играть и какая получится игра? Конечно же, справедливо говорится (да и сама мать его говорит): жизнь научит, подрастет — поумнеет. Но когда она еще научит... Да

и не слишком ли тяжелы, не слишком ли горьки могут оказаться эти уроки?

А сейчас, как быть сейчас? Что ж, педагогика в таких ситуациях советует прямо: если не хватает воли, характера, самостоятельности, ответственности — нужно это воспитывать, долго, терпеливо. Какими путями такого воспитания? Тоже известно: прежде всего трудовое воспитание. Непременные «дежурства» дома по строгому распорядку; пусть всего полчаса каждый день понадобится, но чтобы каждый день были обязанности по дому (полить цветы, принести дров, сбросить снег с крыльца и т. п.). Да сверх того — ежедневно какие-нибудь текущие поручения, заранее не предусмотренные. Среди них особенно важны задания, требующие контакта с людьми: сходить куда-то за чем-то, что-то спросить у знакомых или у незнакомых и многое другое в том же роде...

Здесь прямой переход к воспитанию воли и самостоятельности уже на специальных поручениях. Такие поручения надо придумывать по возможности каждый день и очень внимательно следить, чтобы они требовали от ребенка именно таких свойств, какие надо в нем укреплять: инициативы, самостоятельности, ответственности, но... сначала «в малых дозах». Приучили мальчишку застенчивого и робкого подходить без смущения и опаски к незнакомым людям и спрашивать что-то простое, вроде «который час» или «как пройти туда-то», — придумайте теперь такое поручение, чтобы пришлось парнишке спрашивать уже подряд у нескольких людей, разыскивать кого-то, не отступаясь, пока не узнает точно, где ж тот человек.

Очень важно здесь уметь и подтолкнуть ребенка, и высмеять за неумелость-беспомощность, но зато и непременно как-то поощрить, одобрить за успех и настойчивость. (Приходится часто про это напоминать — слишком часто нетерпеливые матери и отцы торопятся прямо требовать от детей поведения, противоречащего их характеру! А подумаем — легко ли это: держаться вопреки собственному характеру, да еще если ты слаб, и мал, и зависим от взрослых во всем).

Все это вместе взятое и принято называть «воспитание воли, воспитание характера, воспитание в труде». Конечно же, здесь обозначена самая короткая схема — есть много тонкостей и подходов в этом типе воспитания, о которых надо матери и самой подумать, и поговорить с опытным педагогом или просто с

родителями, хорошо «поднявшими» нескольких детей.

И, как ни суди, придется и оглянуться: ладно ли это — все для сына, ничего для себя? Как же так он, ко всем жалостливый, о самом близком ему человеке не вспоминает? Не оттого ли, что после всех слез и обвинений и даже битья снова нет ни в чем отказа; не пора ли на деле ему показать, что стоит для небольшого домашнего достатка его доброта?

Однако есть во всей этой невеселой истории другая сторона, другие действующие лица, которые в глаза как-то сначала не бросаются. На первый взгляд, письмо рисует беду одинокой матери, слабодушного ребенка. И только?

Ну а вот эти друзья-товарищи — тоже дети, всего лишь дети — они полностью благополучны, ни в какой педагогической помощи не нуждаются? Вот эти мальчики, которые понукают слабого: «поди вынеси то да се — и ты будешь играть за наших, а не за фашистов! А если боишься, то и сиди один дома, а к нам не лезь!» Вот эти ребята, какую они тут играют роль? Знают ли в их семьях про всю эту ситуацию?..

Матери и в голову не приходит такое простое дело — сходить к родителям этих «друзей», предложить подумать вместе над всей этой историей.

Может, просто сковывает понятная застенчивость, может, неловко ей к чужим людям идти со своей бедой? А ведь беда-то у всех здесь одинаковая, это еще обдумать надо, чьи дети больше нуждаются в педагогической помощи: простодушный мальчишка, готовый во имя товарищества таскать продукты приятелям, или, может быть, вот эти самые догадливые приятели? Кто опасней болен, кого лечить в первую очередь? За кого пуще надо тревожиться?

Маловероятно, чтобы их родители знали про все и одобряли бы своих детей. Скорее, не вникают особенно в проблемы ребячьей жизни: мало ли что, мол, у мальчишек между собой бывает, пусть сами разберутся. А приглядеться надо бы без промедления. Помощь и неотложные меры надобны отнюдь не одной лишь матери и ее сыну, а и приятелям его. И значит, все-таки не мешает открыто и прямо обратиться к взрослым людям, имеющим отношение ко всей этой как будто пустяковой истории: давайте посоветуемся! Может, и мальчишек пригласим на общий наш совет?..

Ф. ИППОЛИТОВ,
кандидат психологических наук

говорят дети

Эрих, 3 года

— *Что-то пахнет зеленой краской...*

— *Папа, я тебе покажу полосочку, где радуга живет.*

Леня, 5 лет

Смотрит на полную луну.

— *Мама, у этой луны, наверное, новая батарейка! Так ярко светит!*

Женя, 2 года

Бежит в восторге к маме:

— *Мама, что я знаю! У меня подмышка есть!*

Иринка, 4 года

— *Ирина, ты, наверное, каждый день купаешься?*

— *Нет, каждый чередень.*

Оля, 2 с половиной года

В зоопарке увидела волка. Смотрит на него, спрашивает строго:

— *А где Красная Шапочка?*

Сережа, 4 года

Собирается гулять. Мама говорит:

— Сапожки обувать не надо, грязи уже нет.

Уходит. Через несколько минут возвращается и восторженно сообщает:

— *Мама, давай скорее сапоги, я грязь нашел!*

Роберт, 3 года

Телевизионные впечатления.

После передачи о животных:

— *Я, когда вырасту, буду пингвин и ка-ак нырну в песок!*

После концерта:

— *Дядя так здорово на балабайке играл!*

Времени около девяти, а он у телевизора. Слышит слова песни: «И спать пора, и никак не уснуть...»

— *Мама, слышишь, что тетя поет?*

— И правильно, спать пора.

— *Но она же поет: и никак не уснуть!*

Записали наши читатели: Ф. Моргулева (г. Калининград), В. Воронкин (Донецкая область), В. Утехин (Краснодарский край), И. Томкевич (Ленинград), В. Коган (г. Барнаул), Л. Пухова (г. Новокузнецк), Н. Черneckая (г. Мурманск).

ЕСТЬ ТАКАЯ ЖЕНЩИНА

истории
из жизни

Ленинград. В заснеженной Сосновой Поляне трещат морозы. На улице тридцать градусов, и в комнате Потаповой свежо. Мы с хозяйкой согреваемся чаем.

Раиса Семеновна прислушивается к тому, как хлопает входная дверь. Вот-вот должен прийти из школы Вася. Задерживается. Нет, ничего. Иногда даже из художественной школы приходит позднее, чем нужно. Всегда основательная причина. Недавно вернулся в десять: девочку провожал. Маленькая? Нет, говорит, из седьмого класса, но боялась в темноте... Стрельна — это недалеко от Сосновой Поляны. В прошлом году ездил в кружок при Центральном Дворце пионеров имени Жданова. И только самостоятельно.

В комнате развешаны композиции на разные темы.

— Вот эта, — Раиса Семеновна показывает мне один динамичный набросок, — «Лыжники на старте». Сказали, что работу взяли в учебно-методический фонд школы... Да, говорят, что способный. Конечно, радуется... Но вот когда учительница по легке сказала мне: «Вы, наверное, не знаете, какой у вас хороший сын», — было еще приятней.

Мать и сын живут вдвоем. Их дом не из новых. Лет пятнадцать назад получила Потапова эту комнату в деревянном доме полубарач-

ного типа. Тогда радовалась: уж очень горьким был для нее тот год, комната давала выход из безвыходного положения.

...Приоткрывается дверь. Просовывается вихрастая голова. Круглые глаза с любопытством отмечают присутствие постороннего человека, улавливают какой-то знак матери, и Вася скрывается. Через несколько минут через ту же щель поступает сообщение: «Последний блин готов».

— Ну, отлично, будем обедать.

Мне интересно наблюдать, как общается мать с сыном, слушать спокойный тон разговора, приятно отмечать уверенную манеру мальчика держаться.

Потом в разговоре Раиса Семеновна сформулировала свои принципы воспитания, которые она считает необходимыми. От нее я услышала: «Научите своих детей верить в себя». Была бы она человеком удачливой судьбы, не было бы ничего удивительного. Но милостивая женщина, которая сидела передо мной, может быть, больше других знала на собственном опыте, как это трудно не терять веры в себя.

*

Несчастье с Раей Потаповой произошло на стройке. Она была на площадке четвертого этажа, когда крановщик крикнул из своей каби-

ны, чтобы она прицепила тросы к ящикам. Девушка только собралась выполнить его просьбу, как трос задел защитные козырьки, и они с седьмого этажа рухнули на Раю. Вгорячах ли, а может, все-таки не хотела верить в беду, она поднялась. У нее еще хватило сил добраться до Гавани. Там в травматологическом пункте стало совсем плохо, но она держалась храбро и старалась не скиснуть раньше времени. Медики выписали ей бюллетень сразу на восемь дней. Только вот рентгеновских снимков головы не сделали и потому не заметили, что девушка ушла домой с переломами височной и теменной костей и с трещиной в затылочной кости. Только попав в больницу, узнала Рая про тяжесть своего положения. Уже и температура была критическая, и головные боли нестерпимые, и тошнота.

Об этом врачи спрашивали ее настойчиво, определяя размеры травмы. Но женщина недавно вышедшая замуж и думавшая, что понимает характер вопросов, отвечала, что нет, не тошнит. Ей было неловко причинять людям затруднения и хлопоты. И уж совсем неприличным казалось терять себя — плакать и жаловаться.

Так уж было принято у них дома, в многодетной семье.

Поведение больной ставило в тупик врачей. Посмотришь на снимки — хуже некуда. Объективные данные таковы, что больной бы в эту минуту быть без сознания. А спросишь про самочувствие — ответит с полным самообладанием, что ничего, и улыбнется.

Даже профессор, приглашенный на консультацию, вошел в палату и сразу: «Извините, не туда попал» — прикрыл дверь. Увидел, живые глаза улыбаются из-под пушистых бровей, и думал, ошибся. С острым воспалением мозговой оболочки не улыбаются.

Ее болезнь была непрерывной борьбой с болью, с усталостью и с собой, когда казалось, что легче уступить этой боли, закрыть глаза и провалиться в темноту. Но для входящих в палату у нее было хорошее настроение.

Впрочем, обмануть, конечно, никого было нельзя. Критическое состояние продолжалось больше месяца. «Давайте вызовем ваших родителей», — сказали Рае.

— А кто кого должен утешать?.. Нет, я умирать не собираюсь.

Она выжила и выписалась из больницы. Медицина совершила чудо. Но кто знает, удалось бы это чудо или нет, если бы не сама больная...

Дома Раиса узнала о предатель-

стве мужа. Он трезво взвесил возможности (жене плохо, что потом, вообще неизвестно) и сделал другой выбор.

Может быть, новость тому виной, может, и без нее было бы то же самое, но только она опять слегла. Начался менингит. Выкарабкалась и на этот раз. И очутилась перед проблемой: как распутать узлы взаимоотношений. Потаповой было тогда двадцать четыре, новой избраннице мужа — семнадцать лет. Живет в общежитии и ждет ребенка.

Уж, конечно, не Рае в ее положении думать о том, куда эта девочка принесет своего ребенка и как будет жить дальше. Но почему-то думалось именно о ней. Рая подала заявление о разводе, а мужу сказала: «Можешь привести Иру сюда, я уезжаю». Ругали многие: с ума сошла, сама больная — инвалид. И алиментов не принять. И комнату ему за его черное предательство оставить!

В этих рассуждениях было много здравого и насчет комнаты, и насчет средств к жизни. Профессии у Раи еще не было, что в будущем, неясно. Но, обдумав положение, она еще раз сделала вывод, что поступить можно только так. Раз и навсегда она решила для себя, что никакая обида не вынудит ее сделать другому плохо. Не оценит? Пусть. Каждый поступает в соответствии со своей природой.

*

Но это была не просто чистая идея добра, в которой она отвела себе роль страдальцы, неудачницы, смилившейся со своей участью. Она не считала, что отныне ее удел — размышления о невеселой судьбе. Работать на стройке нельзя — ну, что ж, надо учиться другому. Трудно, это правда, но можно. Раиса Семеновна пошла учиться в чертежно-конструкторское училище Министерства социального обеспечения. Учили отлично, знания давали хорошие. Девизом для всех было — здоровья нет, так пусть ценят за знания. Надежда и уверенность в себе — не будь их, не кончить бы ей училища! И все равно, бывало, в разгар занятий приходилось вызывать к ней «скорую». Ее болезни отразились на сердце.

Проработав после училища три года техником в научно-исследовательском институте метрологии, Потапова была назначена на должность инженера-конструктора.

Я не отметила одного важного обстоятельства. Раиса Семеновна пошла учиться в то время, когда у нее уже был пятилетний сын.

Она была замужем во второй раз. У мужа было хорошее открытое лицо, покладистый характер. Его мать добилась от сына абсолютного послушания, чем немало гордилась. Как ни странно, семьи не вышло из-за этого самого послушания.

Молодая невестка правилась свежескрови. И веселым характером, и уживчивостью, и любовью своей к мужу. Одно не нравилось: привязанность сына приходилось делить с чужой женщиной. А это хоть и неизбежно, но плохо. Любящее материнское сердце откладывало для родного дитяти то, что повкуснее. Мама подкармливала украдкой, а сын морщился, но не смел возразить. Матери он не возражал с детских лет.

Материнское сердце сжималось от негодования, когда спорили молодые. Спорить с Костей! Да что эта женщина счастья своего не ценит? И она решила проучить невестку. Однажды связала в узлы и вынесла в коридор все Раины вещи. И не только Раины, но и маленького Васи. Придя вечером домой с сыном из яслей, Раиса Семеновна нашла запертую дверь и узлы в прихожей.

— Ведь это твой ребенок, — пробовавший урезонить Костю сосед. — Как ты можешь!..

— А что я могу сделать, если мать не хочет жить с ней! — оправдывался послушный сын.

Переночевав у соседей, Рая уехала наутро в Сосновку Поляну.

Часто Потапова размышляет над тем, что сломало характер и жизнь Константина. Все матери требуют от своих детей послушания. И сама она тоже. Все мы знаем, что хорошо для наших детей и что плохо. И никакой матери не покажется чрезмерным послушание ее ребенка. А не хотим ли мы порой подчинить ребенка своей воле, отнять у него право на веру в собственные силы? Как найти ту грань, за которой начинается воспитание бесхарактерности?

Сильная воля — это звучит похвалой, это превозносят. А не опасна ли сильная воля в общении с ребенком? Каждый день мы чего-то требуем от ребенка, настаиваем, просим, убеждаем. Спорим иногда о важном, иногда о пустяках, но всегда с сознанием абсолютной справедливости своих требований. Добиваясь послушания, облегченно вздыхаем: сегодня, слава богу, победили!

*

Как-то в школьном сочинении Вася написал: «Моя мама строгая, правдивая, очень любит порядок и

не любит, чтобы обманывали». Раиса Семеновна вдумывалась в эти определения. Вот ведь что на первом месте: строгая. Хорошо ли это?

Совсем малышом он был — она не убрала за ним ни одной игрушки. Пусть сам. Иной раз такими умоляющими глазами смотрит, так уж не хочется. Но она ответит взглядом. Да, она всегда хотела, чтобы сам.

По утрам перед школой, когда она готовит завтрак, Вася прибегает в комнату. Это тоже давний порядок, от которого не может быть отступлений.

Она в основном знает, чего хочет добиться от сына. Прежде всего чувства самостоятельности. Ведь если не дать ему попробовать, разве он станет верить в себя. Да, она строгая. Строго последовательная в своих действиях. Потому и признает право за сыном принимать самостоятельные решения.

Сама Раиса Семеновна, бесспорно, человек сильной воли, но в семье нисколько не давит ни исключительность ее судьбы, ни твердость ее характера.

Раиса Семеновна собирает по крупицам то, что делает ее общение с сыном приятным и интересным. Прочитает что-либо, делится с Васей: «Смотри, сколько здесь любопытного!» Она умеет отобрать в своих впечатлениях приятное и радостное, чтобы потом пережить это вместе с сыном. У нее это выходит естественно, потому что все хорошее, доброе находит у нее отклик. Она не забудет рассказать вечером Васе про чей-то достойный поступок и остановит: «Не надо пересуживать», если он заведет разговор про соседей.

Мажорная нота звучит в жизни Потаповой, но уж не настолько она бездумна, что уж и сложностей не видит, и все горькое задрапировано в розовые покровы. Да, работает она отлично (и портрет висит на Доске почета) и сыном своим счастлива. Но устает — инвалидность второй группы, от этого никуда не денешься. Иной раз бывает просто плохо, недели нужны, чтобы прийти в себя. Иногда она настойчиво говорит сыну: «Если что случится со мной, учись самостоятельно». Не так, чтобы почувствовал Вася тревогу, а делая упор на второй части.

Она размышляет о том, что делает человека сильным. Знания — это первое. Уверенность в своих силах. Умение не пугаться сложностей. Внимание к людям. Ей бы хотелось воспитать все это в Васе.

Т. ДУРАСОВА
Ленинград

Ну вот и пришел наконец-то этот день! Никаких уроков, никаких учебников, никаких отмен. Впереди три—целых три!—месяца отдыха!

Уже отзвенел последний в этом году школьный звонок. Уже ушла домой наша учительница с большим букетом сирени — это мы ей преподнесли. А нам почему-то совсем не хочется расходиться по домам.

Мы вчетвером сидим на скамеечке в нашем школьном саду. Этот сад еще совсем молод — мы недавно его сажали, — и сквозь негустую крону деревьев пробиваются лучи жаркого, уже летнего солнца. На земле лежат горкой наши изрядно потрепанные за год портфели. Мы расстаемся на целое лето, и нам немножко грустно. Девочки рассказывают о планах на лето. Одна едет в пионерский лагерь — туда же, куда ездила в прошлом году от папиного завода, — и ее уже волнует, пойдет ли их отряд в поход на озеро. Другая завтра уезжает в деревню к бабушке — в глушь, но зато столько там грибов и ягод! Третьей повезло больше нас всех — она отправляется с родителями на море. Она видит, что мы очень завидуем ей, и обещает привезти нам много-много красивых камешков...

— А ты?

— Я?

Действительно, куда поеду я? Пока я этого не знаю, но вечером мама и папа объявят мне об этом. Они уже давно все обдумали и решили, я несколько раз пробовала заводить с ними разговор о поездке, но мама и папа только загадочно улыбаются и советовали: «Потерпи!»

Кажется, мы уже обо всем переговорили, а расходиться все равно не хочется. Я вспоминаю, что дома меня, наверное, давно уже ждет мама, и я говорю девочкам:

— Пошли ко мне!

Мама, улыбаясь, открывает нам дверь.

— А я знала, девочки, что вы вместе придете. (Интересно, откуда она это знала?) — У меня уже и пироги готовы. Ведь сегодня у вас большой праздник — вы все на год старше стали. Семиклассницы!

Мы сидим за столом и поедаем розовые, теплые и удивительно вкусные мамины пироги. И нам уже совсем не грустно: мы забываем о разлуке, мы в ожидании того нового, интересного, что сулит нам лето...

событие семейного значения

три лучших дня

А вечером наконец мое многодневное терпение вознаграждается. Возвращается с работы папа, и я узнаю, что с завтрашнего дня он в отпуске и мама — тоже, что уже куплены билеты на поезд и уложены вещи в чемодан — мы едем в Кашин. Я никогда еще не была в Кашине, но мне кажется, я знаю его улочки, дома, что я уже бродила когда-то по берегу Кашинки, по земляному валу, окружавшему некогда древнюю крепость. Мои мама и папа родились, выросли и познакомились в этом городе. Так что я тоже считаю себя кашинской. Мы уже давно-давно, несколько лет собирались в Кашин, но все никак не получалось: то я училась, то маме отпуск не давали летом.

Утром следующего дня мы уезжали...

Десять знаменательных дней за десять школьных лет я помню во всех подробностях и сейчас. Я помню каждую поездку — и в Кашин, и в Ясную Поляну, и в Таллин, и в Ленинград. Иногда эти поездки занимали всего два-три дня, но из трех летних месяцев именно эти два-три дня запомнились ярче всего...

...Сегодня я отпросилась с работы пораньше. Торопилась, волновалась, а сын еще не вернулся из школы. И что он там делает до такой поры? А потом я вспоминаю, что ему, как и нам когда-то, очень не хочется расставаться с товарищами.

Потом раздается звонок у входной двери. Я спешу открыть. На пороге — мальчишки.

— Здравствуйте, семиклассники! Проходите. Я как раз большой торт для вас припасла.

И всё — как много-много лет

назад. Мальчишки уплетают торт и, перебивая друг друга, рассказывают о летних планах.

А мы с Мишкой, как всегда, поедем... Куда? Пока это для него тайна. Вечером он все узнает. Целую неделю я только и занималась тем, что устраивала эту поездку. Все-таки удалось выпросить три дня отпуска — больше, к сожалению, не дали. Ну, ничего, три дня тоже много.

Мальчишки расходятся — их тоже ждут дома. Мы прощаемся до осени.

Вечером возвращается с работы муж. По его лицу я сразу вижу: ему тоже дали три дня отпуска и он поедет с нами.

Мишка ждет: куда же мы отправимся завтра?

— В Кашин!

— В твой город?

— В мой, — говорю я, хотя Мишка знает, что я родилась в Москве.

А потом мы переживаем три совершенно необыкновенных дня.

Всю дорогу Мишка не отходит от окна поезда. Мне тоже очень интересно глядеть по сторонам. Давно-давно я ехала по этой же дороге, но сейчас ничего не узнаю. Неужели и Кашин уже сейчас не такой, как во времена моего детства?

Мы живем в маленькой двухэтажной гостинице. Бродим по городу, купаемся в Кашинке. Мужчины даже пробуют удить рыбу — безуспешно, хотя у местных ребятшек рыба почему-то исправно клюет. Гуляем по старому парку. Забегаем перекусить в какую-то маленькую столовую и снова отправляемся в путь — как мы говорим, «куда приведут ноги». Я вполне заменяю экскурсовода — ведь это мой город! Он, конечно, изменился, но я не могу его не узнать. Вот здесь, на этом месте, стоял дом, где рос мальчишкой Мишкин дедушка. А бабушка жила вон там, на другой улице. Они бежали в одну школу, но познакомились позже, а на свидания ходили в городской парк...

С этих дней Кашин становится Мишкиным городом. Здесь его родина, отсюда начинается его биография.

Потом мы возвращаемся домой, в Москву. Через несколько дней Мишка уедет в лагерь. Но я несколько не сомневаюсь — знаю это по себе! — что три дня в Кашине будут самыми интересными днями его летних каникул.

Г. ТЕРЕХОВА

Профессор Н. ЛЕВИТОВ

ДЕМЬЯНОВА УХА

ности, но и найти истинную, разумную меру ее удовлетворения. Иначе вы рискуете ввергнуть ребенка в состояние пресыщения.

МОЖЕТ ЛИ НАДОЕСТЬ ДРУЖБА?

Родители недоумевают, почему их дочка («такая цветущая, полная!») стала вялой, пассивной, хвори на нее напали. Не надо быть врачом, чтобы, увидев девочку, сообразить: ее «цветущий вид» очень обманчив. Родители просто перекармливали свою единственную дочку, радуясь, что она полнеет не по дням, а по часам. Мать как-то призналась классной руководительнице: «Я всегда хотела, чтобы моя Света была упитанной девочкой». Но состояние пресыщения вызвало общее понижение жизненного тонуса, заторможенность, безучастность, вялость.

Все помнят крыловскую «Демьянову уху». Казалось бы, хозяин достоин похвалы за гостеприимство! Но гость почувствовал такое пресыщение, что «с той поры к Демьяну ни ногой». Наши дети, к сожалению, не могут действовать, как герой этой басни. А иногда они входят во вкус...

Никем не может оспариваться потребность малышей в игрушках. Естественно, что родители и родственники дарят игрушки к случаю и не к случаю. Но нередко ребенок так бывает «завален» игрушками, что не в состоянии в них разобраться и ими играть. Двухлетняя девочка сидит на ковре. В обеих ее ручках игрушки, кругом игрушки, а во взгляде полнейшая растерянность. Она и радуется игрушкам, и не знает, что с ними делать.

Нередко мы удивляемся, почему слова убеждения и назидания не действуют на детей. «Я сто раз внушал тебе, — говорит отец сыну, — чтобы ты покончил с своей расхлябанностью, взял себя в руки, а ты на мои слова не обращаешь внимания».

Но человеческое внимание таково, что оно не может долго сосредоточиться на чем-либо, что однообразно повторяется. И если отец действительно «сто раз внушал», то у сына совершенно естественно возникло состояние пресыщенности словами отца, они ему прискучили и потеряли остроту. А как быть со знаменитым «повторение — мать учения»? Повторять, конечно, надо, но не однообразно же! И в меру!

Замечено давно, что сильные наказания, если они слишком часто применяются, меньше действуют, чем слабые, но применяющиеся реже, осмотрительней. Реплика учительницы: «Я его часто выгоняю из класса, а ему хоть бы что — он привык к этому».

Кажется, все сходится на том, что не стоит «перекармливать» детей кино и телевидением, но, что касается книг, то единодушия здесь нет. Между тем, и здесь, стремясь к тому, чтобы ваш сын и ваша дочь были начитанными, вы должны быть очень осторожными, чтобы не вызвать у детей вместо интереса к чтению скуку и пресыщенность.

Если ребенок читает вдумчиво, удовлетворяя свою любознательность, если чтение дает ему все новое и новое и идет по какой-то системе, оно не вызывает у него пресыщения. Но если потребность в чтении еще не сложилась, если к чтению надо еще приохотить, то делать это можно лишь с известной постепенностью. Не интересующийся чтением ребенок читает с известным напряжением, чтение ему скоро наскучивает. Поэтому давать читать надо особо интересное и не перегружать его чтением, пока он не вошел во вкус.

Мы воспитываем детей как коллективистов, умеющих и желающих жить в коллективе, проникаться коллективными интересами. Такое воспитание идет навстречу глубокой потребности детей в товарищах, которую они чувствуют с ранних лет.

Но и здесь надо знать чувство меры. Судите по себе: ведь вам хочется иногда побыть в одиночестве или в небольшом кругу близких друзей. Так же и ребенок.

Пресыщенность коллективом возможна в тех случаях, когда жизнь коллектива однообразна, когда перед ним не поставлены интересные задачи. Как-то А. С. Макаренко увидел, что у его колонистов появилась некоторая вялость и инертность. Он мыслительно думал, чем это объяснить. Наконец он понял. «Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива... Мы почти два года стоим на месте: те же поля, те же цветники, та же столовая и тот же ежегодный круг». Нужна была новая и большая задача, чтобы преодолеть это состояние скуки и пресыщенности. Такой задачей стало освоение дикого заброшенного Куража.

Почему детям нередко надоедают собрания? Да потому, что этих собраний бывает слишком много, или они чересчур продолжительны, или плохо организованы.

РАЗНЫЕ БЫВАЮТ ПОТРЕБНОСТИ

Нормальное физическое и духовное развитие ребенка невозможно без удовлетворения его разнообразных потребностей. Речь идет не только о том, что надо поддерживать жизнеспособность организма, заботиться о нормальном питании или надлежащих гигиенических условиях. Конечно, важно прислушиваться, присматриваться к биологическим нуждам ребенка. Но не менее велики и разнообразны духовные потребности его — в товарищах, в коллективе, в приобщении к культуре.

Сразу же напрашивается вопрос, а всякая ли потребность, так сказать, закономерна, всякая ли должна быть удовлетворена?

Дети, как и взрослые, иногда чувствуют потребность в том, что им вовсе не так уж необходимо, а иногда даже и вредно. В науке такие потребности называются воображаемыми или «как бы потребностями». Ленивому ученику иногда «не сидится» на уроке, его «тянет» во двор, на улицу — туда, где, как выразился один мальчик, «можно свободно, а не за партой, дышать». Воображаемые потребности — не что иное, как дурные привычки, происходящие от недостаточной требовательности воспитателей к ребенку и самого ребенка к себе.

С другой стороны, если своевременно не удовлетворять здоровые потребности ребенка, у него может возникнуть состояние неполноценности, подавленности, пассивности. Шестиклассника так перегружали разными занятиями, что у него не оставалось времени для отдыха, для игры, он очень мало гулял. Такое пренебрежение к здоровой потребности человека в досуге кончилось плохо — серьезным нервным заболеванием.

И, наконец, нельзя не сказать о том, что важно из просто определить жизненную важность потре-

А дружба? Когда одного ученика спросили, почему он изменил своему другу и сблизился с другим товарищем, он ответил: «Мы исчерпали друг друга, стали скучать, продолжение дружбы было бы натяжкой». Видимо, у этих друзей не было интересной и перспективной, объединяющей их деятельности, в которой их отношения находили бы питательную почву. У них произошла та же «остановка», как в одно время у колонистов Макаренко, и потому дружба наскучила.

избежим двух крайностей

Вопрос о том, как предупреждать пресыщение и как его преодолевать, сложный. В каждом случае он решается индивидуально. Но все-таки что-то общее есть.

Давно известно, насколько новизна и изменения в предметах привлекают и поддерживают интерес. Поэтому даже наставления и выговоры не прискачут детям, если они делаются, не побоимся этого слова, «с выдумкой». Макаренко подолгу разговаривал со своими питомцами, немало в этих разговорах было требовательности, строгости, а иногда и суровости. Но никогда колонисты этими разговорами не пресыщались. Они слушали живую и яркую речь педагога, кровно заинтересованного в их жизненной судьбе.

Домашняя обстановка относится к числу таких вещей, которыми дети пресыщаются довольно часто. Однообразие, мелкие заботы и тревоги, неизбежная будничность приедается. Подросток рвется на улицу не просто потому, что там товарищи и друзья (было бы прекрасно, если бы дело было только в этом), но и потому, что дома скучно, монотонно. Очевидно, следует задумываться над тем, чтобы вносить в домашний быт больше разнообразия, свежести, время от времени даже намеренно отходя от сложившихся общих привычек и традиций.

Всегда надо ставить себе вопрос: а может ли это «переварить» ребенок? Это относится и к игрушкам, о которых мы говорили в начале, и к любым развлечениям вообще. Помните: чем младше ребенок, тем вреднее для него «перекармливание» сильными впечатлениями. Ведь его нервная система еще слаба. Но и дети школьного возраста должны по возможности получать только такие впечатления, которые

они в состоянии освоить. Лучше меньше, да лучше!

Избегайте двух крайностей: однообразия, монотонности и слишком большого разнообразия впечатлений. В первом случае пресыщение сопровождается скукой, во втором — утомлением. (Хотя, естественно, и скука и утомление вызываются не только пресыщенностью).

от состояния — к черте характера

Семиклассник Юрий, очень избалованный в семье, пресытился многими жизненными «благами», которые для него потеряли привлекательность. Он уже не желает лето проводить на даче, которая ему надоела, оставил, по его словам, «нудные» занятия музыкой. Записывался в разные школьные кружки и все они ему надоедали. Потакание родителей его капризам породило это состояние, которое потом закрепились.

Почему у оканчивающей школу Тамары столько совсем не юношеского скептицизма, иронии, неудовлетворенности? Она воспитывалась в семье, где было слишком много шума — нервные споры, непрерывное звучание радио, частые гости. В школе Тамара была перегружена общественными поручениями, в то время как учение ей давалось нелегко. В результате она так устала от нагрузок и «жизненных впечатлений», что создалось нездоровое индифферентное отношение к жизни.

Подобные случаи могут показаться скорее исключениями. Однако есть много случаев менее резких, но показывающих, как состояние пресыщенности может оставить след в характере ребенка, порождая, например, капризность. Это знакомо, к сожалению, многим.

Не буду говорить о том, как много значит педагогический такт воспитателя. И одно из проявлений этого такта — знание меры, умение найти водораздел между необходимым и избыточным удовлетворением детских потребностей, между насыщением ребенка интересами и разнообразными впечатлениями и перегрузкой ими.

И наконец — необходимое условие для успеха в преодолении состояния пресыщенности у детей — отсутствие у самих родителей этого состояния, вызываемого заботами о детях. И если уж оно возникает, то оно должно быть незаметно детям!

**„всё равно
пианисткой
не буду...“**

*На письма читателей
отвечает А. БАКУЛОВ,
преподаватель
Центральной
музыкальной школы
при Московской
государственной
консерватории
им. П. И. Чайковского*

«Уважаемый товарищ Бакулов! В статье, напечатанной в № 8 журнала «Семья и школа» за 1971 год, Вы говорили о детях, только начинающих заниматься музыкой. А как быть, если мой сын, проручившись успешно 5 лет, теперь, когда осталось учиться 2 года, решительно отказывается посещать занятия?»

Такое вот письмо я получил от одной мамы из Темиртау. Не случайно я начал именно с этих строк: для большинства родителей, приславших письма в редакцию, это целая проблема, предмет споров и домашних неурядиц. Обеспокоенные, они подробно описывают, как пошел их ребенок в музыкальную школу, с какой охотой он занимался, как был горд и доволен, успешно сыграв на зачете, получая отличные и хорошие оценки... И вдруг, проручившись 5 или 6 лет, заявляет: «Больше не пойду, все равно я не буду музыкантом». Родители в недоумении, пытаются заставить, но перед ними уже не восьмилетний малыш, а 12—13-летний подросток, который пытается избавиться от надоевших ему заня-

тий не с помощью слез, но вполне логичных доводов, проявляя при этом большую изобретательность.

Отец одного мальчика из Киева пишет, что сын его ссылается на большую занятость в школе, на желание заниматься в математическом кружке, расписание которого по времени совпадает с музыкальными занятиями.

Девочка Марина из города Туапсе — заявила своей маме: «Из-за музыки я не могу заниматься английским языком в кружке. Все равно пианисткой я не буду, а язык мне пригодится».

Видимую обоснованность этих доводов трудно не принять, и родители хоть и настаивают, но уже менее уверенно. Дети чувствуют это и, усаживаясь за инструмент, всякий раз стараются подчеркнуть, что хорошо бы еще раз повторить урок истории, что классный руководитель настоятельно советовал заниматься в математическом кружке, что все ребята их звена сегодня договорились идти на каток и т. д.

Родители нервничают, «терзаются» и спрашивают, как вернуть подростка к музыке, почему он вдруг охладил к занятиям?

Но особенно удивляться здесь нечему. Растут дети, все больше появляется у них своих, ими самими выбранных занятий. С каждым годом все шире становится их мир, разнообразнее увлечения. Все хочется узнать, во всем попробовать свои силы. Возможностей для этого более чем достаточно: разнообразные кружки, спортивные секции, интересные книги, их собственные «ребячьи» дела, от которых тоже нельзя отмахнуться. Но где же взять время?! Занятия в обычной школе вне конкуренции, а музыкальные кажутся уже помехой, представляются чем-то навязанным в раннем детстве. И для этого возраста — 12—14 лет — совершенно естественно нежелание какой бы то ни было специализации. Отсюда и вывод: «Все равно я не буду музыкантом». (Кстати, это не довод. А «для себя» музицировать не стоит разве?)

Я сам в возрасте 12 лет, однажды вернувшись с занятий, заявил, что больше играть не буду, хотя дела мои двигались более чем успешно.

«Так что же делать?» — спросите вы. С одной стороны — интересы ребят, от которых нельзя отмахнуться, с другой — жаль бросать начатое дело, тем более, если остался год-два...

«Вот я и терзаюсь», — пишет мама одного мальчика, — не знаю, как поступить, — заставить кончить музыкальную школу или не стоит;

быть может, дать сыну возможность свободное время отдавать любимому делу?» На это я могу ответить только одно — заставить. (Не очень нравится мне это слово, но раз уже мама употребила его в письме сама...) Возможно, вам придется нелегко, потребуется выдержка, воля и непреклонность. Посудите сами: какое увлечение вашего ребенка может повлиять на вопрос, окончить школу или нет? Математика, английский язык, спорт — если все это серьезно, то подросток всегда найдет время. Более того, он научится распределять свое время, критически относиться к своим увлечениям, излишнее разнообразие которых приводит к самым плачевным результатам.

Расскажу о том, что получилось с девочкой, мама которой написала мне подробное и очень тревожное письмо. Я останавливаясь на нем, поскольку подобные случаи, к сожалению, нередки. Наташе 12 лет, но она уже успела позаниматься музыкой, английским языком, походить в бассейн и в математический кружок, все бросить и вновь вернуться к музыке и снова оставить, потому что на первом же уроке ей задали разобрать 3 страницы нотного текста. Мама Наташи переживает, ей очень хочется, чтобы девочка получила музыкальное образование. «Я все испробовала и вижу, что бессильна. Что же мне делать?» — пишет она. Наташа и слышать не хочет о занятиях музыкой, девочка даже «злитесь», когда в разговоре упоминается пианино. Каждый день Наташу буквально умоляют поиграть что-нибудь из старого репертуара хотя бы 10 минут, но она сводит это «музицирование» к трем минутам, к двум и даже к одной (!).

Что я могу посоветовать этой маме, которая, как это ни печально, сама во всем виновата, идя на поводу прихотей своего ребенка? И дело здесь не только в музыкальных занятиях: и бассейн, и математический кружок, и английский язык — все бросалось, как только требовалось усилие и элементарная работоспособность, а одного «схватывания на лету» было недостаточно. В 12 лет еще можно переломить, дальше сложнее. А вы рискуете вырастить человека, совершенно не умеющего ни одно дело доводить до конца.

Итак, я всячески подчеркиваю необходимость закончить музыкальную школу, тем более, если остался год или два. Очень возможно, что в 16—17 лет для кого-нибудь из сегодняшних упрямцев занятия музыкой станут непреодолимой внутренней необходимостью.

Не упрекнут ли они вас тогда в том, что вы не настояли в свое время на правильном решении?

Я намеренно оставил в стороне те случаи, когда перегрузка грозит здоровью детей. Такие случаи, к сожалению, нередки. И решать здесь должен прежде всего врач.

Теперь ответу на ряд других вопросов.

Часто спрашивают, с каких лет можно отдавать ребенка учиться музыке и куда? При каждой детской музыкальной школе есть подготовительная группа, где дети разучивают песенки и рисуют картинки на заданные музыкальные темы. В 7 лет ребенок может поступить в 1-й класс детской музыкальной школы.

Если ребенок проявляет интерес к музыкальному инструменту в более раннем возрасте и не просто забавляется, шлепая руками по клавиатуре, а пытается подобрать какую-нибудь свою мелодию, — не мешайте ему. Серьезно заниматься с таким малышом еще рано, но разрешать «поиграть» — можно. При этом желательно, чтобы ребенок всякий раз спрашивал разрешение и, прежде чем подойти к инструменту... мыл руки. Это разовьет у него серьезное отношение к делу. Упражняться подобным образом 3—4-летний ребенок должен только по своему желанию, напоминать ему об этом не следует. Следите, чтобы «музицирование» не затягивалось.

Сейчас фирма «Мелодия» выпускает довольно много сказок, записанных на пластинки. Они, как правило, идут с хорошим музыкальным сопровождением. Маленькие дети любят слушать русские народные песни и романсы. Но, как я уже говорил, до 6 лет всем этим пользоваться можно, только руководствуясь «инициативой» самого ребенка.

В заключение я ответу на вопрос т. Сушковой из г. Жданова. Она пишет о незаурядных способностях своей дочери и спрашивает, где ребенок может продолжать занятия музыкой, поскольку к 11 годам уже закончит детскую музыкальную школу? В нашей стране более 20 консерваторий. При каждой из них есть специальная средняя музыкальная школа. Обратитесь в ближайшую из них (или наиболее удобную для вас). Если девочка успешно пройдет контрольное испытание, то все ваши проблемы разрешатся. В таких школах дети одновременно получают и общее среднее образование. При школе есть интернат, и девочка спокойно сможет продолжать свое образование.

Лена всегда невыносимо копалась. Тася и Лариска в минуту влезали в пальто, напяливали шапки и стояли, пока Лена не спеша натягивала сапоги, закутывала шею мохеровым шарфом, надевала шапку, пальто, варежки... Они выходили из школы чуть не последними.

И сегодня, когда родилась идея смогаться еще разок на «Кавказскую пленницу», Лена ничуть не торопилась. Ей что? Лариске тоже просто — сочинит для своей мамы какую-нибудь «ненаучную фантастику» — и все.

У Таси положение куда сложнее. Маме не дозвониться — коммутатор (если б она сама позвонила!), а папа будет выпрашивать-допрашивать: «Какая картина? С кем идешь? Когда вернешься? Разогрела ли обед? Все ли доела? Посуду вымыла?» — и потом вдруг решит: «Незачем. Была бы содержатель-

пошла в чулках: мамуля даже танки не соизволила выдать».

Лариска лежала на раскладушке среди умопомрачительного блеска. Модерная мебель, пол, люстра, сервант и горка, напиханные хрусталами, сияли изю всей мочи.

— Садись ко мне, — расслышала Тася Ларкин охрипший голос, — и обрадовавшись, что можно не прикасаться к этому блеску, присела на край раскладушки. И стало жаль Ларку. Но тогда (это было еще в пятом классе, Ларка только перешла в их школу) Тася не знала, что за малую парашину или пятнышко на полу мамуля прорабатывает Лариску. Хотя каждое воскресенье Ларка «собственноножно» драит этот пол щеткой и суконкой и получает за труд полтинник на кино.

По правде, мамуля эта, как мачехи в сказках, за двойки, за

бушка у Лариски тихая, всегда в своей комнате и совсем старенькая, а работает. Ткачиха.

— Билетик-то на тебя брать? Или еще разрешение тебе требуется?

— Братъ, конечно! — Тася ответила возмущенно, хотя возмущаться было нечем. — Зашвырну портфель, пожую чего-нибудь, возьму деньги, — лихо подбадривала она себя. — Начало же в три десять. Пока, — и свернула в свой переулок.

— Приветик! Не опоздай! Противно, что Ларка дразнит. Даже спросила как-то:

— Боишься отца?

Тася ответила тогда:

— Чего это мне бояться?

А в самом-то деле, чего бояться? Просто до смерти надоело: из-за ерунды он кричит, пилит, пилит без конца и маме достается. Хоть

А Я ПОЙДУ!

Рассказ

Е. ШЕРЕМЕТЬЕВА

Художник Б. Лавров

ная картина, а то какую-то ерунду второй раз. Займись лучше химией». Если ведущая-разведущая наука, так всем быть химиками? Еще он может посоветовать поиграть на рояле — это для «эстетического развития». Почему он так любит запрящать? Вообще — командовать?

— Ты, конечно, домой зайдешь, «режим питания», — обычным дразнильским тоном говорит Лариска, — а я к тебе, Ленка.

К Лене когда угодно приходи, никому не мешаешь, никто на тебя кисло не посмотрит. К Лариске, даже если она болеет, все отказываются идти. Приходится Тасе — в одном доме живут. Первый раз чудненькая «мамуля» (Ларка боится ее как огня) открыла дверь, посмотрела на Тасины ноги и сделала такое лицо, будто ее затошнило: «До чего надоест грязь убирать! Ну проходи». Тася сняла сапоги и

вранье — по щекам. Но Ларка так наловчилась врать, что не поймешь, где у нее правда, а где эта самая «ненаучная фантастика». Про отца говорит: «Угнетенная колония». Тася видела его только раз, когда Ларка болела фурункулезом. Занимались в кухне (своего стола у Ларки нет, на кухонный кладется старая клеенка, чтоб не пострадала его белоснежность), карандаш скатился на пол и Лариска сказала: «Черт побери!» Обе сразу вспомнили «Бриллиантовую руку» и засмеялись. Вовсе не громко засмеялись, но в дверь всунулся взъерошенный папа и жалостно так зашептал:

— Тихонько, тихонько! У нас сегодня очень голова болит.

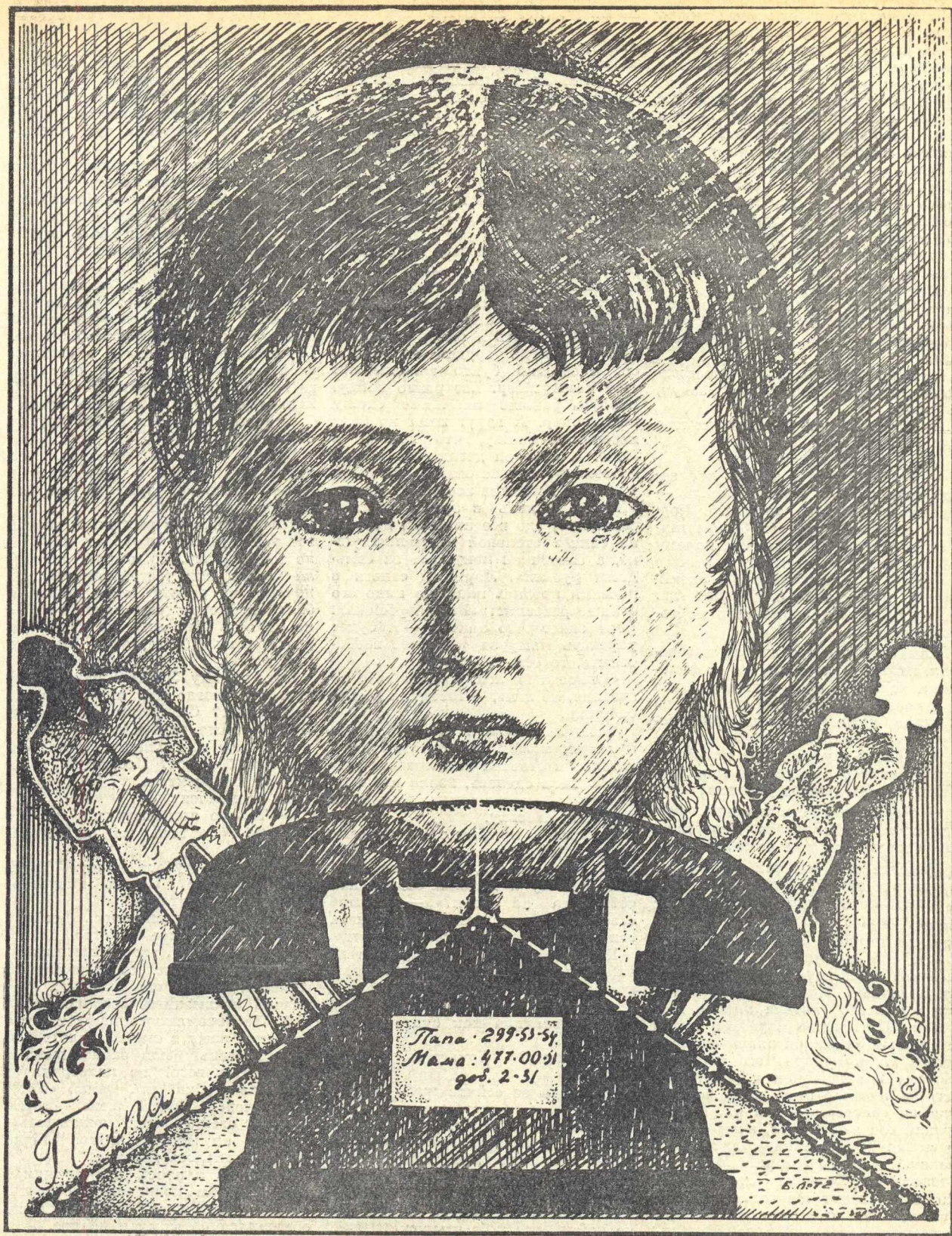
Тася чуть не спросила: «У вас одна голова на двоих?», — да Ларку жалко, она отца любит все-таки. Конечно, не так, как бабушку. Ба-

бы повезло, дозвониться бы к ней. Есть, конечно, хочется, а уж для себя одной греть обед, — нудь, скукота.

Надоели эти три замка — новейшее папино усовершенствование! «Нам приходится оставлять дочь одну в квартире». Сколько вечеров с ними промучился и маму извел. А лучше бы полку в шкафу починил: чуть тронешь — весь Толстой валится. Или в кино сходили бы — нет! Ключи чертовы — в кармане не лезут, в портфеле пугаются... Каждый раз соображай: какой в какую дырку, и отпирать по порядку, samozахлопывающийся последним.

Дверь наконец открыта. Сразу в горле и под ложечкой заскребло. Так же бывало тихо и при бабушке, а не так. Теперь и поговорить не с кем — маме некогда, а папа только про отметки...

Тася прошла в большую (теперь папину и мамину) комнату, включила радио — пусть хоть какой-то человеческий голос, — поставила суп на плиту.

Теперь звонить маме. Короткие гудки, конечно! Не потому бабуля уехала в Шишкино, что бабе Мане тяжело одной: баба Маня хоть и старшая, а куда здоровее бабули. (Набирать подряд, не переставая — авось попадешь). Не потому она уехала, это было и сразу понятно. А ночью сегодня проснулась от разговора, папа что-то ворчал, не разговаривала со сна, и вдруг мама медленно сказала:

— Выжили. Из ее, из папиной еще квартиры выжили. Стыдно. Безобразно. Тасю нам вырастила она.

И заплакала. Папа торжественным голосом, точь-в-точь завуч, спросил:

— Не потому ли моя дочь ко мне так равнодушна?

Мама почти закричала:

— Равнодушна! — потом уже говорила тише и очень плакала. — Девчонке одиноко, тоскливо. Корим, одеваем и дергаем беспрестанно: то не так, этого нельзя, почему за контрольную четыре? Я ничего не успеваю, замучилась с хозяйством, поговорить с ней некогда. А ты ни о ком кроме себя не заботишься.

Папа ужас как обиделся и говорил, говорил, что мама его не понимает, не ценит, а он только о семье и думает, что без нее он никуда никогда, даже футбол по телевизору смотрит, не пьет, курить бросил. А ей, видно, нужен ферт какой-нибудь, кавалер для танцев или пьяница. Наконец мама сказала:

— Перестань. Ты, конечно, всегда прав, а я виновата. Перестань, сил больше нет, мне вставать рано.

Никогда еще она так сердито не спорила с папой. Пахнет? Ой, суп! Хорошо, не убежал. Котлету можно и холодную съесть.

Тася металась из кухни к телефону, ела прямо из кастрюльки, сначала обожглась супом, а доедала холодный. Крутила диск и тут же торопливо глотала хлеб с котлетой. Пискливые короткие гудки с каждым разом казались насмешливее. А я пойду. Чего плохого? Почему все девчонки и ребята ходят на дневное кино и на экскурсии по воскресеньям, а я... На будущий год в комсомол, а все с «разрешения»? Бабулька отпускала и ей он ничего не говорил. Мама позволила бы. Хоть бы сама позвонила, ведь звонит же часто, а когда так нужно!.. А может, ей не провраться, я кручу без передышки?

Подожду. Без двадцати три уже. До кино, если даже бегом, десять минут, не меньше. Без пяти надо выйти. Почему у Лены так спокойно дома, никто никого не пилит. Лене говорят: «Решай сама: успеешь уроки приготовить — иди. Ты не маленькая». А на «Кавказскую пленницу» ходили с Лениными мамой, папой, бабушкой и дедушкой и все так смеялись и говорили: «Премилая, презабавная картина». Попробовать к папе — вдруг разрешит?

Тася набрала номер, отцовский голос произнес: «Вас слушают», и она быстро положила трубку — не разрешит. Все равно пойду. Уже без тринадцати. Еще раз позвонить маме. Она опять и опять набирала номер — всегда трудно дозвониться, а сегодня будто заколдовали этот коммутатор. Все равно пойду. Вернусь раньше их. Маме скажу потихоньку. А вдруг папа на беду позвонит? Скажу, что ходила к Лене. А если он догадается к ним позвонить? Лучше скажу, что была у Ларки. Пилежка все равно будет: «Нечего ходить в это мешанское семейство, где все напоказ, девчонка спит в столовой на раскладушке, а сапоги ей покупают за семьдесят рублей». Ларкины сапоги в печенки ввелись папе, но кино его больше разозлит: «Без разрешения! Черт знает что такое!» — и будет упрекать маму за «женское воспитание», то есть бабулькино.

«Никогда не лги. Что бы тебе ни грозило, не лги», — говорила всегда бабушка.

Часы показывали без шести минут три, мамин коммутатор издевательски отвечал пискливыми гудками. Тася оделась, взяла кошелек с рублем, оставленным мамой на покупки, авоську.

Запирая мудреные отцовские замки, Тася повторяла себе: «Мне ведь маму жалко, ей же попадет. Нет, почему я должна сидеть как собачонка на цепи?», — и, чтоб освободиться от ощущения вины, вспоминала только плохое об отце.

Под Новый год мама пришла из парикмахерской такая хорошенькая, веселая, а он как закричит:

— Что за мерзкая челка?

Мама сначала как будто не поняла:

— Почему? Чуть-чуть, сбоку только...

— Убери ее сейчас же, — сказал папа. — Мне будет стыдно перед сослуживцами за мою жену.

Всегда у него это «моя» — «моя жена, моя дочь, моя теща». Мама стояла в передней такая несчастная, потрогала челку:

— Как же я убери? Лучше уж не пойду, раз тебе стыдно.

— Все будут с женами, а я?.. Что подумают?.. И за нами заедут Сизовы.

Мама плакала, папа долбил: «Убери», и неизвестно чем бы дело кончилось. Бабулька обыкновенно уходила из комнаты, когда папа точил маму, а тут вмешалась:

— Я думаю, Геннадий, более стыдно, если вашу жену увидят заплаканной на встрече Нового года. А прическа изящная и Анночке идет. Непривычно, и вам что-то показалось. Приглядитесь.

«Трудный характер, — говорила бабулька, когда Тася злилась на отца. — Подумай, чего только не пережил: рос без матери, потом война, гибель отца, фронт, ранение. Сколько боли душевной и физической, сколько жестокого, страшного вынес. Вот и сложился трудный характер. Ему и самому не легко».

Ему не легко, так зачем других обижать?

Весной бабушка сказала, что уйдет на пенсию и уедет к бабе Мане. Наверное, думала, что без нее он уюмонится.

«Выжили...» Он выжил! А теперь все равно дня не проходит, чтоб он не точил маму. То я грубо ответила (а сам как разговаривает?), то почему на работу мама пошла в белой кофточке (ему какое дело — не он ведь стирает), то картошка разварилась (повертелся бы сам как мама). «Трудный характер!»

Нет, почему Ленины папа и дедушка никогда не кричат и не командуют? Собирались в гости и Ленина мама спросила:

— Какое мне платье надеть: синее или бежевое? Посоветуй, дорогой муж-повелитель.

Он засмеялся:

— Только этой нагрузки мне не хватает! «Во всех ты, душенька, нарядах...»

А у нас — «убери челку». Трудный характер? Просто диктатор! Настоящий диктатор.

Тасе не вспоминалось сейчас горькое отцовское детство, одиночество и фронт, не вспоминалось, как отец отказался от заграничной поездки, когда она заболела крупозной пневмонией, беспокоился о ней. Не вспоминалось даже то, что он ходит зиму в старом пальто, хотя на осень была запланирована покупка нового, но подвернулась хорошая шубка для мамы. «Уступаю очередь моей жене, — гордо решил отец, — могу подождать». Ни это, ни многое другое сейчас не вспоминалось девочке.

Волнуясь и злясь, она придумывала как бы поскладнее соврать, чтоб не догадался диктатор и не обрушился на маму и на нее.

природа

природа

„Живое серебро“

В 1970 году в журнале «Пионер» появился очерк К. Иосифова о делах «голубых патрулей» подмосковного города Видное и призыв Министра рыбного хозяйства СССР А. А. Ишкова ко всем ребятам начать операцию «Живое серебро» по охране наших рыбных богатств. Общество охраны природы, комсомол, школы откликнулись на этот призыв и уже прошлым летом в операции «Живое серебро» принимало участие 2897 отрядов «голубых патрулей». А это — более 53 тысяч школьников.

Отряды эти приняли меры по 330 нарушениям правил рыболовства и спасли от гибели около полутора миллиарда молодёжи промысловых рыб, в том числе 70 миллионов штук ценных пород.

Вот уже лет пятнадцать ребята 1-й видненской школы, руководимые учителем Георгием Васильевичем Шаровым, охраняют водоемы, и для каждого находится дело.

Мальши участвуют в операции «Малышечка». После того, как вешние воды спадут, во многих местах остаются озёрца, отшнуровавшиеся от реки полоской суши. Мальки, оставшиеся там, обречены на верную гибель. «Малышечки» переправляют их всеми доступными средствами в реку.

Проводя операцию «Мегафон», ребята плывут или идут вдоль берегов. Увидев рыбацкий костер или туристскую палатку, они объявляют в мегафон о том, какими орудиями здесь можно ловить рыбу, а какими нельзя. Ведь среди нарушителей немало людей, которые просто не знают правил лова.

Ребята постарше плывут по реке или по озеру и тралят дно кошками. Зацепит кошка сеть или перемет — ребята вытаскивают их из борта, а потом сдают инспекторам рыбоохраны. Здесь, конечно, обязателен настоящий инспектор.

С малолетними браконьерами вступают в переговоры сами, не дожидаясь «взрослой» подмоги.

Сейчас они каждый год выезжают в одно и то же место — в Орлову луку на озеро Селигер. И когда видновцы там, браконьеры не заглядывают туда.

А перед этим видновские ребята сплавали на лодках по реке Лух, что течет по Ивановской области и впадает в Клязьму. По пути они разбирали бревенчатые язы, или заколы, которыми местные жители перегородивали реку чуть ли не в пятидесяти местах. Они уничтожили за поход более тысячи сетей и верш. И добились, что на реку назначили нового инспектора. Плавали они так и по Клязьме, и по Верхней Волге, и по Оке.

А вот как развернулась операция «Живое серебро» в кубанских плавнях. Приазовские плавни — это огромные лиманы с зеркалом вод в десятки квадратных километров, это заросли камыша, лабиринты каналов и проток — их тут зовут «гирлами» и «ериками».

Ребята рассказали мне, что города, заводы, рисовые поля, расположенные выше по реке, забирают много воды, и вообще здесь вода сильно испаряется, и в плавнях летом падает уровень воды. Тогда рыбе угрожает гибель. Вот и соорудили шлюзы: поддерживать уровень воды.

Ребята сами, конечно, не управляют шлюзами, но они сигнализируют инспекторам рыбоохраны о колебаниях воды.

А еще ребята смотрят, не отшнуровался ли от большой воды какой-нибудь водоемчик? Если окажется, что между ним и большой водой образовалась перемычка, то они либо прокапывают канаву для стока, либо вылавливают мальков в чаны и ведра и на колхозной машине перевозят их в другой водоем.

Ну, а если и этого недостаточно, на помощь «голубым патрулям» присылают экскаватор. Когда гирло Безымянное в пять километров длиною отшнуровалось, экскаватор прорыл канаву и рыба ушла в большую воду.

Много хлопот «голубым патрулям» причиняют так называемые

сгонно-нагонные ветры. Если долгое время дует южный ветер, а потом его сменяет западный или северо-западный, то уровень воды в море поднимается иногда даже метра на два.

Волны заносят морскую рыбу на огороды, в пресноводные ерики, в лужи. А потом возникает сгонный ветер, вода спадает — и рыба оказывается на мели. Много дела тогда у патрулей, они обследуют все уголки и спасают рыбу. А если сами не могут справиться, то зовут на помощь взрослых.

Ребята и зимой продолжают следить за состоянием водоема. Зачем? Лиманы зимой замерзают. В холодную зиму 1969 года на море образовался ледяной покров семидесятисантиметровой толщины, а на лиманах — метровой. И лишь тот, кто ничего не знает о жизни рыб, полагает, что рыбе подо льдом живется вольготно и спокойно.

Когда водоем покрыт сплошным льдом, рыба гибнет от недостатка кислорода, или, как говорят рыбаки, — от «замора». К тому же и браконьеры не прекращают свое грязное дело зимой. Изголодавшуюся по воздуху рыбу легко ловить запрещенными снастями у прорубей и лунок!

Зимой на Азовском море часты бури и ураганные ветры. Когда на смену южному ветру приходит ураганный северный нагонный ветер, то во льду образуются широкие трещины, в них устремляется вода и выносит рыбу на поверхность льда. Если в этот момент ударит мороз — а морозы здесь бывают и в тридцать градусов! — то верхняя вода замерзнет, и образуется то, что кубанские рыбаки называют «однослойным рыбьим пирогом», — два слоя льда, а посредине начинка из воды и рыбы.

Очень опасен для рыбы такой пирог. При сгонном ветре не вся рыба уходит вместе с водой под лед, верхние слои «пирога» придавливают оставшуюся рыбу. При сильных морозах пирог этот превращается в массу льда, в которую рыбины вкраплены, как изюминки в булке.

На помощь рыбе приходит и стар и млад. Во льду пробивают проруби и сгоняют рыбу под лед. Рыбу

вылавливают сачками и сетями и переправляют в большую воду.

Разные реки, разные условия, и по-разному помогают ребята природе. Все мне нравилось, вот только одно меня смущало: как же владельцы хищнических снастей? Вряд ли они так уж равнодушно относились к их изъятию?

Георгий Васильевич, из Видного, смотрит на это так:

— А что они могут сделать нам? Нас же много. Браконьер может оказать сопротивление инспектору, если тот один. Но браконьер бесшелен перед десятком быстрonoгих хлопцев. Он прекрасно понимает: погонишься за одним, а в это время трое других направят на тебя фотоаппараты. Погонишься за этими тремя, то тут уж смеха не оберешься. Да и фотоаппараты для браконьеров страшнее ружья. Ружье-то ведь, скорее всего, не выстрелит в человека. Фотография же может фигурировать и на суде, и в газете появиться может. Но, конечно, на рожон не лезем. И в серьезных операциях всегда участвует взрослый. И с нами считаются. Даже на предприятиях, которые загрязняют воды своими ядовитыми отходами.

И тут мне вспоминаются рассказы мальчиков и девочек из поселка Рыбачий, что находится на Куршской косе — узкой песчаной полосе, которая отделяет Куршский залив от Балтики. Они как-то высказали мне довольно тонкое наблюдение: «А ведь взрослые чаще всего стыдятся нас, ребят, больше, чем друг друга...» Речь, конечно, шла не об оголтелых браконьерах, а, так сказать, случайных нарушителях, браконьерах одного дня — туристах, решивших побаловаться удочкой, горожанам, приехавшим на косу, чтобы провести выходной день, курортниках, школьников.

Однако думаю: все же лучше, пожалуй, предоставить взрослых взрослым: пусть сами разбираются в своих сложных и не всегда красивых делах. И вовсе не потому, что встречи с матерыми браконьерами могут кончиться печально для ребят. И не потому, что вообще не стоит подрывать авторитет взрослых. Есть тут опасность дру-

гого порядка — если ребята привыкнут одергивать взрослых, призывать их к порядку, принимать позу штатного блюстителя порядка, то, волей-неволей, они привыкнут смотреть на всех свысока. Трудно тут соблюсти чувство меры!

Видимо, всякие милицейские и инспекторские функции следует основательно разбавлять другими делами. К тому же, чем разнообразнее и универсальнее деятельность «голубых патрулей», тем больше участников привлечет операция.

К счастью, в операции «Живое серебро» заложено множество интересных для ребят возможностей.

Тысячи ребячьих туристских отрядов плывут по рекам и озерам, либо бредут по их берегам. В отличие от взрослых туристов, все отряды выполняют определенные задания, порой очень непростые. Одни — изучают фарватер речушки, другие — ее обитателей, третьи — растительность ее берегов.

Но как мало туристских отрядов, которые брали бы задание по охране реки на всем протяжении своего маршрута! А ведь именно они — самые результативные.

Вот, например, в уральской поселке Шемаха — он расположен недалеко от города Нязепетровска, — как и во многих других местах, существует местное школьное лесничество: за ребятами закреплен довольно большой участок леса, и они проводят там все необходимые работы.

На заработанные деньги они отправляются в плаванья. Останавливаются в местах, излюбленных туристами и рыбаками. И всюду ведут «санитарную работу»: закапывают консервные банки, склянки, оставленные туристами, сжигают обрывки газет, тушат тлеющие костры. Они призывают к порядку малолетних браконьеров, а ведь их не меньше, чем взрослых. Отбирают у них хищнические снасти, ядовитые шарики, которыми те травят рыбу. Взрослого инспектора с ними нет, и поэтому они не вступают в пререкания со взрослыми браконьерами. Но предупреждать их предупреждают.

Конечно, от подобной работы выигрывает природа. Но еще больше пользы получают сами ребята.

За одним хорошим делом тянется другое. Ребята не стали бы так заботиться о реке, если бы работа в школьном лесничестве не привила бы им любовь к природе и чувство ответственности за ее состояние.

А ведь за этим — и любовь к родине, и к людям, и чувство ответственности за их благо.

И если какой-нибудь взрослый любитель легкой добычи пригласит сынишку: «Едем трусить вентеря!», то сын, скорее всего, откажется и отца станет отговаривать. Не очень-то приятно краснеть перед ребятами, когда те вызовут его на совет дружины и спросят: «Разве ты не знал, что вентеря — хищническое орудие лова? И почему не объяснил отцу?»

Мне приходилось беседовать со многими взрослыми и незрелыми участниками операции «Живое себребро» и членами отрядов «малой милиции». Если суммировать их мысли и свои наблюдения, то напрашивается такой житейский вывод.

Допустим, вы стали замечать, что у вашего сына энергия бьет через край, он ищет приключений, ему не терпится доказать другим, и в первую очередь себе самому, что он тоже мужчина, а не размазня, что он храбр, вынослив, умеет постоять за себя и за друга, то не отговаривайте его от участия в «Живом себребре». Может статься, что там он найдет то, чего не хватает ему в размеренной обыденной жизни.

Местные работники рыбоохраны, ихтиологи, биологи, учителя охотно привлекут ребят к исследовательской работе. Язык рыб, способность их ориентироваться в потоке воды, ощущать магнитные поля и запахи, их чудо-компасы — вот вопросы, которые могли бы заинтересовать пытливых испытателей природы. И ребята могли бы проводить опыты, имеющие большое «взрослое» значение.

Кстати, ответы на эти вопросы могли бы дать нам средство для спасения рыб от многих рыбных напастей.

Константин ИОСИФОВ

говорящие тропы

Чем ближе к лету, тем чаще разговоры о летних походах. Кто любит ходить по определенным маршрутам, кто просто так, куда глаза глядят. Иногда глаза глядят и с любопытством, да видят мало. Что за лес вокруг? Как называется эта травка? Какие звери живут здесь? И что за птицы поют? Конечно, и без ответов на эти вопросы хорош лес, но понятней становится он, когда его знаешь поближе.

Да, но где же в лесу, в поле найти такого экскурсовода? Признаться, я раньше тоже не представлял этого, пока не попал на волшебную тропу. На окраине леса, на опушке стоял столбик с какой-то доской. Глаз, ожидающий увидеть нечто вроде «не оскверняй лес» или «лес — источник здоровья», вдруг споткнулся — на табличке было что-то непривычное. «Учебная тропа» — с трудом разобрал я, поскольку дело происходило в Эстонии, и дальше с интересом увидел, куда же она меня приведет, и сколько времени нужно по ней идти, и какие цветы будут вокруг меня, и на пение какой птички нужно обращать внимание. Были даже и задания по ориентированию, предлагалось проверить свою наблюдательность.

Ведь в любом лесу, на любом языке можно сделать описание таких троп, и польза будет огромная, а уж сколько людей спасибо скажут!

Позже я узнал, что «мою» тропу обследовали и так подробно рассказали о ней студенты-природоведы Тартуского университета.

Тропы разные по протяженности маршрута, по трудности, по обилию природных «редкостей».

Схематические планы учебных троп устанавливаются в наиболее посещаемых местах за городом. На планах указывается все, заслужи-

вающее особого внимания: растения и животные, живописные поляны, скрытые за складками ландшафта или за лесом. Могут быть выставлены рисунки растений, птиц, насекомых. Если тропа проходит по сельской местности, есть возможность ознакомиться с сельскохозяйственным производством. Планы меняются каждый сезон.

На этих тропах «учатся» не только школьники, но и все, кому интересно узнавать для себя о природе. Они рассчитаны на один день пути.

Есть и другие тропы — туристские, ведущие дальше. Они прокладываются в самых живописных и интересных местах. Маршруты обозначаются системой меток: на стволах деревьев — красками, на безлесных участках — столбиками или кучками камней. Кроме того, в различных местах устанавливаются указатели, на которых обозначены схемы троп, их протяженность, места укрытий и отдыха, ручьи и родники, есть необходимые сведения о лесе.

Мне показалось, что и так уже все хорошо. Но вот я узнал, что устроители троп хотят добиться еще большего. Это касается классификации троп по трудности, дальности, по интересам путешественников.

Пологие участки будут доступны детям и людям пожилого возраста, опытным туристам будут предложены маршруты повышенной трудности. Отдельные участки можно будет посещать на велосипедах, даже предполагаются маршруты для любителей конного спорта.

Создатели этих троп позаботились не только о человеке, но и о природе. Ведь сейчас так много отдыхающих за городом, что они даже причиняют вред природе — в вытоптанном лесу растительность чахнет.

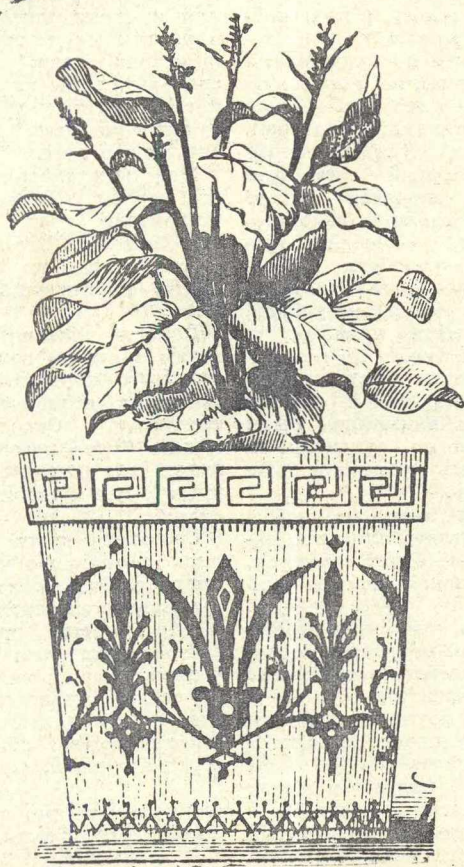
Учебные, туристские тропы — это счастливая находка тех, кто постоянно помнит об ответственности перед природой.

В. ЛАТЫШЕВ,
госинспектор по охране природы
Министерства сельского хозяйства
СССР

у врача
**сами
не
пожалуются...**

«Как выяснилось, и невесомые запахи имеют «вес» в развитии ребенка. Все они по-своему влияют на ребенка, на его настроение, работоспособность, на жизнедеятельность органов и систем, на его здоровье...

Из пяти основных органов чувств (зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания) способность чувствовать запахи представляется многим роскошью, а не необходимостью. На самом деле anosmia (отсутствие обоняния, когда ребенок не слышит или не чувствует запахов окружающего мира) — несчастье для ребенка.

Известно около 100 тысяч различных запахов. Ребенок уже с момента рождения способен ощущать запахи, и для него вовсе не безразлично, какие именно запахи его окружают. Приятные вызывают у него положительные эмоции, радость. Так, например, запах грудного молока вызывает у него сосательный рефлекс, и у него «текут слюнки». Весь пищеварительный аппарат как бы готовится к приему и перевариванию пищи.

Приятные запахи способны действовать как хорошие лекарства: когда кровяное давление повышено, они его понижают; они вызывают аппетит; нормализуют деятельность нервной системы, функции многих органов и систем; улучшают зрение в сумерках и цветоощущение; могут многое воскресить в памяти, в том числе радостные события.

И наоборот, неприятные запахи могут угнетать ребенка, снижать аппетит, обострять чувствительность нервной системы, раздражать ребенка, могут вести к подавленности, тошноте, рвоте, обмороку.

Отнимите у ребенка обонятельные ощущения — и он не будет тем, что он есть. Он, не ощущая запахов, может есть дурно пахнущие вещества, испорченные продукты, не заметит утечки газа. Он не в состоянии отличить по запаху содержимое бутылок, скажем с уксусом, бензином и водой.

Если ребенок не чувствует запахов, у него снижается аппетит, и истинная причина этого остается незамеченной. Ни прогулки на «свежем воздухе», ни отдых во время каникул не вызывают аппетита. Снижается аппетит — нарушается питание — возникают «аварийные ситуации» в организме ребенка. Особенно если он школьник, к которому предъявляются большие требования, чем к другим детям.

Исследование детей, отстающих в умственном развитии, показывает,

что у многих из них нарушено или полностью отсутствует обоняние. Отставание их объяснимо — ведь одна из функций выключена и появляется «слепое пятно».

Положение еще более усугубляется, если своевременно, как можно раньше, не устраняется причина, нарушающая обоняние. Ведь сами дети, как правило, не жалуются на плохое обоняние (так же, как, впрочем, и на плохой слух), а окружающие узнают об этом нередко лишь тогда, когда время для эффективной помощи уже упущено. Иногда это выясняется после окончания школы, когда возникает вопрос о выборе профессии: плохо различающего запахи не берут для работы в химию, авиацию. Он мало пригоден и для работы в пищевой промышленности. Ему трудно быть гигиенистом, фармацевтом или врачом.

И в то же время «профессиональный нос» может творить чудеса! Он не только отличает запах фиалки от запаха рыбы, а в состоянии отличить запах одной фиалки от другой.

Ребенок способен воспринимать и различать запахи благодаря тому, что в слизистой оболочке носа разветвляются окончания обонятельного нерва, связанные с мозговым центром обоняния.

Чаще всего обонянию угрожают полипы носа, хронический насморк, искривление носовой перегородки, заращение носа, разрастание ткани в носу. Грипп, скарлатина, корь, свинка, тифы — еще более страшные враги. Обонятельный нерв может быть парализован и некоторыми лекарствами: стрептомицином, мономицином, неомицином. Бывает и врожденное отсутствие обоняния, наследственное, при недостаточности витаминов, болезнях сердца.

Как можно повысить чувствительность носа?

Если болезнь не запущена, ее можно лечить консервативными методами; если она хроническая — нужна операция.

Обоняние может улучшаться после кратковременных, незначительных по нагрузке физических упражнений. Например, помогает хождение на месте в течение 1—5 минут, несколько легких приседаний, сжимание и разжимание динамометра или твердого мяча. Но одних физических упражнений бывает недостаточно. Нужна тренировка носа слабыми пахучими веществами: мылом (ядровым), воском, мумие (смолой) и др. Нужна пища, содержащая в большом количестве витамин А: морковь, сливочное масло, рыбий жир, яичный желток.

Если болезнь запущена, лечить ее консервативными методами уже поздно. Обоняние, так же, как зрение и слух, может быть восстановлено на операционном столе. Конечно, одновременно при этом ставится цель улучшения носового дыхания.

Операции эти сами по себе не сложны. Правда, они ювелирны, поскольку производятся под операционным микроскопом, с помощью микроинструментов. Суть операции заключается в том, чтобы удалить все препятствия в носу, мешающие прохождению мельчайших частиц пахучих веществ вместе с воздухом к окончаниям обонятельного нерва. Во время операции освобождается просвет так называемой обонятельной щели носа, которая является «воротами органа обоняния» и через которую проходят молекулы пахучих веществ.

Как предупредить заболевание? По аналогии с тем, как защищают глаза новорожденного от яркого света, точно так же нужно предохранять орган обоняния, нос, от чрезмерно сильных раздражителей, резких, неприятно пахнущих веществ.

Надо приучать детей правильно сморкаться, чтобы избежать кровоизлияний в носу (ухудшающих, кстати, не только обоняние, но и слух). Сморкаться надо при полуконном рте, поочередно зажимая то одну, то другую ноздрю; делать это надо не очень энергично. Лучше же не сморкаться, а просто вытирать нос платком, так как сморкание само по себе раздражает нос и вызывает приток выделений в еще большем количестве.

Следует опасаться закапывания по ошибке каких-либо «других» капель в нос — квасцов, кислот, раствора каустической соды. Сильнодействующие средства такого типа могут вызвать полный паралич обонятельного нерва и необратимое выключение обоняния. Эти данные приведены не для устрашения. Я оперирую фактами, имевшими место в жизни. Хорошо, что они, эти факты, единичны. Однако они встречаются и по сей день.

Следите, чтобы маленькие дети не всовывали себе или другим детям в нос различные предметы: бумагу, пуговицы и т. п.

И никаких щелчков по носу!

Б. ШЕВРЫГИН.
доктор медицинских наук,
заведующий клиникой
детской отоларингологии
Центрального
ордена Ленина института
усовершенствования врачей

старинные наставления

перекрашенный шакал

В окрестностях одного города жил шакал. Как-то, бродя с исхудавшей от голода шеей, он не дождался спасительной темноты и вступил в город, чтобы поискать обедков. Но городские собаки заметили его, безжалостно искушали, и с сердцем, дрожащим от их страшного лая, он вбежал в первый попавшийся двор, который, как оказалось, принадлежал красильщику. Шакал в панике прыгнул в большой котел с перебродившим соком индиго, а собаки, покрутившись вокруг, убежали. Тогда, прочно окрасившись темно-синим соком, шакал кое-как выкарабкался из котла и убрался восвояси. Увидев его, звери перепугались: «Что это за незнакомое существо синего цвета?!» Шакал заметил, что они жмурят глаза от страха, и сказал, надувшись от гордости: «Почему вы убегаете от меня, помазанного на царство? Останьтесь и живите счастливо, огражденные силой моих лап». Услышав благосклонную речь, стаи львов, тигров, пантер, обезьян и всех остальных зверей склонились перед ним и сказали: «О, темно-синий повелитель! Укажи, что нам делать». Тогда он поручил тигру охрану лоша, леопарду — шкатулку с бете́лем, льву — дол-

жность привратника, а слону приказал держать зонт. Всех шакалов-сородичей он прогнал с глаз, чтобы не быть случайно узнанным, и стал наслаждаться радостью царствования. Звери приносили добычу и клали у его ног, а он милостиво делил ее между всеми.

Так проходило время, пока весной он не услышал воющую вдалеке стаю шакалов. Волоски вздыбились на его теле, глаза наполнились слезами радости, он поднялся и завыл пронзительным голосом. Тут звери поняли, кто перед ними, и, стыдясь своей прежней покорности, разорвали его темно-синюю шкуру.

Не стремись удаляться от своей природы и занимайся делом, тебе сродственным.

злые спутники

Заготавливая материал для своих поделок, один ремесленник ежедневно ходил в лес рубить деревья, а жена приносила ему еду. Как-то раз расположились они пообедать, как вдруг из чащи прямо на них вышел тигр. Ремесленник, сохранив присутствие духа, счел за лучшее не выказывать страха. Он встал, поклонился властительно джунглей и сказал: «Не откажись разделить с нами обед. Вкуси пищу, приготовленную женой твоего брата». Тот ответил: «Я ем сырое мясо и отворачиваюсь от вареной пищи. Однако, мне не хочется оскорблять твоего гостеприимства». Ремесленник поднес гостю блюда из пшеничной и рисовой муки, сдобренные сахаром, маслом и приправленные виноградным соком, а благодарный тигр даровал ему безопасность и разрешил беспрепятственно работать в джунглях. Когда они расставались, ремесленник сказал: «Брат, приходи сюда каждый день, но только один. Не приводи с собой никого другого». Так и повелось. Каждый день тигр стал приходить к своему другу и, насыщаясь его угощениями, перестал даже заниматься охотой. Тогда живущие его добычей шакал и ворон, охваченные голодом, приступили к нему с расспросами: «Господин! Куда это ты ходишь каждый день и

возвращаешься в радостном настроении?» Сначала тигр уклонился от ответа, но они с великой почтительностью продолжали просить его довериться им, и наконец он рассказал обо всем. «Мы давно голодны. Вот бы полакомиться этим ремесленником!» — воскликнули шакал и ворон. «Вы что, не слышали? Я пожаловал ему безопасностью, — остановил их тигр. — И чтобы вам стало понятно, что он достоин этого, я возьму вас завтра познакомиться с моим новым приятелем». На другой день они отправились вместе. Увидев тигра с такими злыми спутниками, ремесленник быстро схватил жену за руку, кинулся к высокому дереву, и в мгновение ока они были уже у вершины. «Дорогой друг! — крикнул тигр, подойдя поближе. — Разве ты не узнал меня, своего названного брата?» Тогда ремесленник ответил ему с дерева: «Я прекрасно узнал тебя, но даже благородный владыка становится опасен, если его окружают злые советчики».

Заводя дружбу, присматривайся не только к своему новому приятелю, но и к его окружению.

шум и тишина

В старину, когда в Ирландии было много отшельников, три монаха, отвратившись от суеты мирской и пустой болтовни, решили покинуть свет, чтобы обрести покой, тишину и уединение. Они выстроили лачугу на безлюдном острове и в благой тишине предавались посту, созерцанию и размышлениям. За целый год они не произнесли ни слова. Когда же год завершился, один из них молвил:

— Разве наша жизнь не исполнена добра?

В конце второго года второй монах ответил:

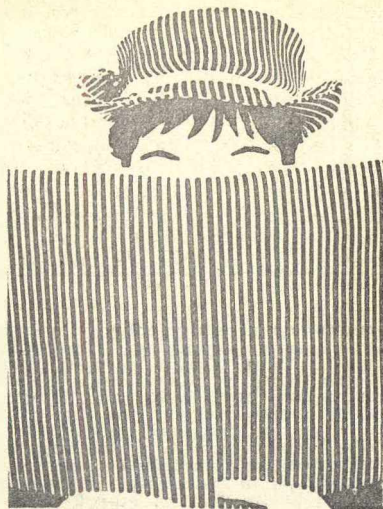
— Воистину, брат, исполнена.

А когда третий год был на исходе, третий поднялся, опоясался и молвил:

— Я ухожу, чтобы обрести тишину. Тут для меня слишком много речей.

Что для одного — шум, для другого — тишина, и что для одного — скука, для другого — веселье.

диплом... ученику

Нет, ученик остается учеником, но он может не только учиться, но только познавать новое, непрерывным потоком идущее к нему. Каждый старшекласник на основе уже имеющихся у него знаний и опыта имеет возможность выполнять самостоятельную работу. Приборы для физического и химического кабинетов, пособия по ботанике, биологии и другим школьным наукам — все это могут сделать ребята самостоятельно. А те, кто способен теоретически мыслить, сумеют разработать каную-нибудь проблему, доступную для них.

Известен случай, когда ученик девятого класса, разбирая прибор для улавливания угарного газа, не только повторил старый вариант, но и придумал новый, намного лучший прибор, теперь уже принятый промышленностью. О специальных дипломах за подобную работу стоит подумать.

Основная трудность здесь — определение темы работы, постановка задачи, решить которую ученик в силах. Так надо дать им эти темы!

Работа над подобными темами уже давно практикуется в виде ежегодных самостоятельных заданий в школах Одесской области. В течение шести-семи месяцев каждый школьник самостоятельно трудится над темой, предложенной ему учителем или выбранной им по желанию. Такая форма работы преследует не только учебные, но и воспитательные цели.

Замечено, что учащиеся в большинстве случаев справляются с самостоятельными работами подобного типа гораздо успешней и с большей охотой, чем с повседневными школьными заданиями. Самостоятельные темы могут даваться и в области гуманитарных

дисциплин. Каждый вправе выбрать ту из них, которая его больше всего привлекает. И в этом случае факультативные занятия приобретают практический смысл: самостоятельные темы выбираются в любимых предметах. («Народное образование», № 1, 1972 год)

подросток, трактор, спорт

Работа тракториста на первый взгляд может показаться нетрудной, не требующей особой физической подготовки. Двигатель стучит, машина идет, сиди и дергай рычаги! На самом деле все не так просто. У человека, управляющего трактором, есть постоянные злые враги — шум и вибрация. Это они ослабляют слух тракториста (тем более необходимый ему, что по звуку он определяет исправность двигателя), снижают выносливость, нарушают координацию движений.

Часто профессия механизатора привлекает подростков. Есть ли у молодого организма силы, способные противостоять разрушительному действию шума и вибрации?

Работники Института гигиены детей и подростков и Института физкультуры исследовали две группы подростков, поступивших в сельские профессионально-технические училища. В первой группе все они до поступления в училище и во время учебы занимались спортом. Во второй никто спортом не занимался.

Оказалось, что спортсмены гораздо лучше приспособлены к работе тракториста, легче переносят шум и вибрацию, и ним нервная система этих подростков не так чувствительна, слух и зрение менее подвержены изменениям, а о физическом превосходстве и говорить нечего, здесь оно проявляется особенно явно.

Если ваш сын решил стать трактористом, пусть знает, что у него есть надежный союзник — спорт, начинать занятия которым стоит задолго до поступления в профессионально-техническое училище.

(«Теория и практика физической культуры», № 1, 1972 год)

из песни слова не выкинешь

На первый взгляд кажется, что пение связано лишь с эстетикой, с музыкальным образованием. Однако, как показывает в статье «Из песни слова не выкинешь» Н. П. Бадаева, пение в школе немало значит не только для общения учащихся и музыки, но и для развития их речевой культуры: слово в песне так же важно, как и музыка, на уроках пения ребенок учится литературному произношению.

В тексте, положенном на музыку, ярче выявляются и поэтому легче усваиваются особенности русского литературного произношения. В пении, в отличие от

обычного разговора, темп замедлен, и это создает протяжное произношение: каждый звук выделяется отчетливо, звучит полно и ясно. Удлиненная певческая речь, насыщенная эмоциями, дает учащимся возможность четче услышать особенности звучания каждого звука, способствует сознательному произношению слов в разговоре. Занятия пением помогают отработать правильную артикуляцию звуков речи (хорошей дикции). Наконец, они помогают преодолеть вулгарно-просторечное и диалектное (местное) произношение.

А усвоенное в пении нетрудно перенести на разговорную речь. Важно выбрать такие песни, в которых была бы не только хорошая музыка, но и хороший текст — иначе говоря, песня должна удовлетворять требованиям не только музыкальным и литературным, но и орфоэпическим (связанным с правилами произношения). Короче, в песне должна быть гармония текста и музыки, слова и мелодии, слово должно быть оправдано музыкой. Яркий пример тому — известная песня Вано Мурадели на слова А. Соболева «Бухенвальдский набат». Высокому, гражданственному тексту тут полностью соответствует торжественно-героическая музыка.

В песне, выбираемой для исполнения в школе, важна насыщенность текста такими словами, в которых ярко выявляются нормы произношения как общелитературные, так и специфически певческие. Песня развивает также художественную образность речи школьника.

(«Русская речь», № 1, 1972 год)

детский сад на воздухе

Сотрудники педагогического института Болгарской Академии наук считают, что дети все свое время должны проводить на воздухе, даже если на улице мороз в 15—17 градусов. Ученые пришли к такому выводу, сравнивая в течение года детей из нескольких детских садов. В одних работа была поставлена так, что дети практически все время проводили на воздухе. В других, где работали по старинке, они почти не покидали в течение дня помещения. Третьи как бы занимали промежуточное положение.

Оказалось, что по всем данным дети первых детских садов намного отличаются от других детей. У них крепче здоровье, они лучше физически развиты, сон у них более спокойный и продолжительный. Дело еще и в том, что длительное пребывание на воздухе сочетается с большой физической активностью.

По мнению ученых, надо резко увеличить время пребывания детей на воздухе. Каждый детский сад должен быть оборудован всем необходимым для проведения водных и воздушных процедур. Над террасами и верандами необходимо поставить приспособления для занятий и сна на воздухе.

(«Гигиена и санитария», № 1, 1972 год)

путешествие по профессиям

Вероятно, самым поразительным примером влияния, которое книга оказала на весь жизненный путь человека, может служить история увлечения Генриха Шлимана поэмами Гомера «Илиада» и «Одиссея». В детстве, увлекшись героями древней Греции, он поклялся разыскать старинную Трою. Тогда, в середине прошлого века, эта детская мечта не могла вызвать ничего, кроме снисходительной улыбки. Все равно, что кто-нибудь постарался бы разыскать тридцатое царство. Но вера Шлимана в правдивость великого Гомера оказалась выше научной трезвости его современников. Через тридцать с лишним лет Шлиман смог выполнить свое обещание — с поэмами Гомера в руках, используя описание местности, данное там, подхватывая малейший намек на вид и расположение древнего города, ученый действительно сумел раскопать Трою, в самом существовании которой тогда сомневались столь многие... Шлиману удалось найти не только развалины Трои, он обнаружил и богатейший склад с оружием, драгоценностями, изделиями из золота и слоновой кости. Все было потрясено, весь мир обошел портрет жены ученого в диадеме из древнего клада, один Шлиман принимал все находки как должное: говорилось же у Гомера, что царь Приам зарыл все свои сокровища перед гибелью Трои...

В нашей критике принято упрекать писателей и поэтов за то, что они якобы воспевают только представителей романтических профессий в своих книгах и не показывают поэзии труда массовых специальностей. Это, наверно, не слишком справедливо. Есть профессии, которым в литературе повезло удивительно. Например, профессия врача. Ей посвящены такие блестящие книги, как «Записки юного врача» М. Булгакова, «Цитадель» А. Кронина и т. д. Или, например, профессия учителя. Одна «Педагогическая поэма» А. Макаренко чего стоит... Но вот совсем скромные профессии парикмахера или продавца — какие же увлекательные страницы посвящены им в книге И. Грековой «Дамский мастер» или Ганса Фаллады «Маленький человек, что же дальше?». А если вспомнить работу Денизы в романе Золя «Дамское счастье»? Или описание труда бухгалтера у К. Чапека. Вот что рассказывает один из персонажей: «Нога я работал в бухгалтерии и составлял, бывало, полугодовой отчет, подчас случалось, что цифры не сходились. Однажды в наличности не хватило трех геллеров. Конечно, я мог просто положить в кассу эти три геллера, но это была бы неправильная игра... Надо найти, в каком счете допущена ошибка, а счетов у нас было четырнадцать тысяч... Тогда я, бывало, оставался на службе хоть на всю ночь. Положу перед собой кучу бухгалтерских книг и берусь за дело. И для меня колонки цифр становились не цифрами, они преобразались просто необыкновенно. То мне казалось, что я карабкаюсь по этим колонкам вверх, словно

Основной мотив работ, посвященных выбору профессии, примерно сводится к следующему: профессий на свете видимо-невидимо, а найти надо среди них одну-единственную, соответствующую именно твоему призванию, а то счастья не будет. Поневоле грустно станет. Как не пропустить эту профессию — единственную и неповторимую? Но, и счастью, жизненный опыт доказывает другое — важно направление способностей человека, а диаметр профессий, в которых эти способности можно применить, будет довольно большим. Однако способности надо выявлять. А как это сделать? Огромное количество и молодых людей, и их родителей задумывается над этим важнейшим вопросом. И вот, откликаясь на это требование современности, наши издательства выпускают много книг, посвященных проблеме призвания и выбора профессии. «Слушай нас, время» — так называется сборник, вышедший в издательстве «Молодая гвардия». В нем собраны материалы дискуссии, поднятой на страницах газеты «Комсомольская правда» и посвященной теме «Способности каждого и место в жизни». В том же издательстве вышла книга Л. И. Аркадина «Индикатор таланта», где автор остроумно объясняет, что такое призвание с точки зрения кибернетики и как молодой человек может наиболее точно определить свои способности. Всем, кто занимается социологическими исследованиями о выборе профессии, хорошо известно, что чаще всего профессия выбирается по совету родителей или друзей. В одной из глав Аркадин как раз и говорит о том, как много могут сделать родители для выявления способностей своих детей.

Немало книг посвящено описанию самых различных профессий, в которых разнообразные способности человеческие находят свое применение. Это могут быть и рассказы авторов о своей собственной профессии — вроде книги Ю. А. Александровского «Человек побеждает безумие» (Записки психиатра), или книги Е. В. Рыжикова «Из кабины такси», или заметок учителя С. Н. Езерского «Сорок пять минут». А иногда это книги журналистов, на время «влезших в шкуру» людей других специальностей. Когда А. Гудимов работал над своими статьями в «Экономической газете», впоследствии собранными в книгу «Тайна чужой профессии», он вряд ли ставил своей задачей пропагандировать специальности продавца или шофера грузовых машин — его, скорее, интересовали экономические стороны их работы; но книга эта может хорошо позна-

комить со всеми хорошими и отрицательными сторонами профессий службы быта. Книга выгодно отличается этим от нескольких рекламных работ, авторы которых считают своим долгом говорить только о романтических сторонах профессий.

Вы уже чувствуете, что изданий, посвященных описанию различных профессий, бесчисленное множество. Но вот стоит назвать еще 2—3 книги, они помогут вам разобраться в огромном количестве других. Это, конечно, библиографические указатели. Один из них, выпущенный Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина, так и озаглавлен — «Мое призвание». Свыше 150 книг и статей на данную тему перечислены в этой небольшой книжке, и про каждую из них сжато, но увлекательно рассказывается в коротенькой аннотации. Вот основные разделы указателя: «Призвание — что это такое? — Его величество — рабочий класс. — Кормильцы планеты. — Служба хорошего настроения. — На страже здоровья. — Наш учитель. — Люди науки. — Путь в искусство. — И по призыву, и по призванию». (Этот последний раздел посвящен военным профессиям). Или вот библиографическое пособие «Путешествие по профессиям» — своеобразный путеводитель по рабочим специальностям, включающий в себя книги и статьи об основных отраслях тяжелой промышленности (энергетика, металлургия, машиностроение, химическая промышленность), о строительстве, транспорте и связи. Как видите, просторов эти два небольших пособия, можно получить представление о сотнях разных профессий и о книгах, им посвященных.

Конечно, книга, как и советы родителей, приятелей, педагогов, может помочь выбрать свой путь в жизни, а это, вероятно, все-таки главное. Недаром К. Д. Ушинский говорил: «Если вы удачно выберете труд и вложите в него свою душу, то счастье само вас отыщет». Но книга может сделать гораздо больше, чем только помочь выбрать профессию или овладеть работой, соответствующей призванию, — в ее власти избавить и от разочарований в полученной специальности. Часто ведь бывает так: то, что издано назалось в том или ином труде романтическим и привлекательным, при ближайшем рассмотрении оборачивается трудностями, на первый взгляд даже непреодолимыми. Или, скажем, профессия выбрана не по призванию, а потому, что так сложились жизненные обстоятельства. Так что же — стремиться сменить работу во что бы то ни стало или попытаться найти в ней нечто привлекательное, делающее труд ос-

путешествие по профессиям

мысленным и любимым? Занятный случай такого рода, когда люди вдруг увлекаются чужой профессией и достигают в ней совершенства, описан в рассказе К. Чапена «Игла». В общем, это что-то вроде детектива. В свежей булке, купленной в булочной, покупательница обнаружила иглу. Кто и с какой целью покушался на жизнь клиентов? В полиции решили выяснить это и отправили иглу в институт судебной экспертизы — нужно было знать, попала ли игла в булку до или после выпечки хлеба. И вот ученые начали готовить тесто, печь булки и смотреть, как, предположим, действует на иглу процесс брожения опары или как выглядят иглы после пребывания в сыром тесте или в горячей печи... Постепенно они страшно увлекаются новым для них пекарским делом. «Сначала булки получались не ахти какие: тесто было с каналом, а булки совсем не аппетитные. Но чем дальше, тем дело получалось все лучше. В конце концов эти ученые даже стали посыпать булки маном, солью и тмином и раскатывали тесто так ловко, что любо-дорого поглядеть. И они с гордостью говорили, что таких отличных выпеченных и вкусных хрустящих булок, как у них в институте, не найдешь во всей Праге!»

Да, людям свойственно увлекаться работой и находить в этом самое глубокое удовлетворение, особенно если человек чувствует, что он настоящей овладевает всеми тайнами профессии, если он знает, что может достичь вершин мастерства. И вот в этом книги как раз могут стать самыми первыми и верными помощниками. Ведь нет бумажно ни одной профессии, которой не было бы посвящено большего или меньшего количества работ, раскрывающих ее секреты. Все специализированные издательства, такие, как «Транспорт», «Связь», «Энергия», «Колос», выпускают огромное количество литературы, обращенной не только к специалистам с высшим образованием, но и к рядовым рабочим и колхозникам. Вот названия нескольких серий, вышедших в подобных издательствах: «Научно-популярная серия рабочего-станочника», «Библиотечка шлифовщика», «Библиотечка элентромонтера», «Пособия для связистов массовых профессий», «Библиотечка овощевода», «Ветеринарная библиотечка животновода»... И, как всегда, библиографические пособия дают возможность быстро и безошибочно разыскать самые необходимые среди них. Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина, Государственная публичная научно-техническая библиотека СССР и многие другие издаю це-

лые серии библиографических указателей, в которых перечисляется литература, необходимая представителям бесчисленного количества профессий. Так, например, в серии «В помощь рабочим радиотехнической промышленности» вышли указатели «Монтажнику радио- и телефонной аппаратуры», «Регулировщику аппаратуры», в серии «В помощь рабочим строительной промышленности» появились пособия, в которых рассказывается, что читать маляру, каменщику, штукатуру, слесарю-сантехнику и т. д. Очень популярна и серия библиографических пособий «В помощь рабочим сквозных профессий» («Зуборезчику», «Слесарю-монтажнику», «Заточнику» — вот названия некоторых выпусков этой серии). Конечно, дипломированные специалисты тоже не обойдены вниманием. Им предназначены такие указатели, как работа В. В. Антоненко и др. «Механика для инженеров», З. Дударевой «Воспитателю молодого поколения» и др.

Библиотекари всегда охотно помогут разыскать нужную литературу по специальности, но хорошо и самому ориентироваться в фондах и каталогах библиотек, особенно если в них организован открытый доступ. Книжки, посвященные выбору профессии, собираются на полках за раздатчиком 331.65, справочники в помощь поступающим в высшие и средние специальные учебные заведения находятся в отделе 37; книги, посвященные отдельным профессиям, нужно искать в отделах соответствующих отраслей знания. (Скажем, работы по медицине — в 61-м отделе, по сельскому хозяйству — в 63-м, по строительству — в отделе 6С и т. д.). Все библиографические указатели стоят на полках в отделе 016, а в систематическом каталоге, кроме обязательной карточки в отделе 016, библиотекарь непременно напишет дополнительную в отдел соответствующей специальности. Так что, просматривая отдел систематического каталога по интересующей нас отрасли знания, мы обязательно столкнемся и с библиографическими пособиями. Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что ничто не экономит нам так время розыска книг и в то же время не используется нами так редко, как рекомендательная библиография и литература по специальности. Вероятно, каждому из нас стоило бы задуматься, все ли у нас благополучно в этом деле. И, конечно, без книг по специальности трудно обойтись не только на работе, но и дома. Это один из самых необходимых разделов наших домашних библиотек.

Л. ГРЕБЕННИКОВА

на крутую скалу, то я спускался по ним, как по лестнице, в глубокую шахту. Иногда я чувствовал себя охотником, который проридается сквозь чащу цифр, чтобы изловить пугливого и редкого зверя — эти самые три геллера. И мне казалось, что я сыщик и, стоя за углом, подстерегаю преступника. Мимо проходят тысячи фигур, но я жду своей минуты, чтобы схватить за шиворот жулика — этого злодея — бухгалтерскую ошибку!.. И до того мне в такие минуты становилось хорошо от этого ощущения движения и силы, такое я чувствовал вокруг себя волнующее приволье, словно и в самом деле переживал необыкновенное приключение. Целыми ночами я мог охотиться за тремя геллерами и когда находил их, то даже не думал, что это всего лишь жалкие гроши. Это была добыча, и я шел спать, торжествующий и счастливый, и чуть не валился в сапогах на постель. Вот и все».

И еще пример поэтизации труда человека «рядовой» профессии. Вот что говорил Назым Хикмет, выступая в Московском библиотечном техникуме: «Если б я родился девочкой, а не мальчиком, я бы обязательно выбрал профессию врача, медсестры или библиотекари. Не удивительно: ведь эти профессии очень схожи между собой. Все они требуют большой любви. Когда я смотрю, как работают библиотекари, мне кажется, что они ухаживают за книгами, как за маленькими детьми. Обращаясь к читателям, вы не просто отдаете книги — вы отдаете с книгой кусочек своей души... Все мы писатели, ничего не значим, пока наши книги не читают. И только в вашей власти сделать так, чтобы наши книги не остались безвестными и нашли дорогу к людям».

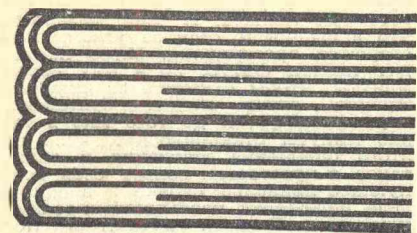

В интересной работе «Книга в нашем доме» В. Осипов приводит любопытные примеры подбора книг по специальности в домашних библиотек. «Не велика библиотека у Ираиды Абрамовны Тивалихиной — агронома ростовской районной конторы «Сортсменшоп». Литература по специальности — важнейший отдел библиотечки. В нем книги, которые всегда надо иметь под рукой. В их числе «Определитель растений Ростовской области», «Справочник агронома-овощевода», «Химические средства борьбы с сорняками», «Организация овощеводства в колхозах», «Вредители и болезни сельскохозяйственных культур», много книг по механизации сельского хозяйства, по семеноводству овощей и т. д.

«Эти книги, — рассказывает Ираида Абрамовна, — незаменимы в работе. Кроме того, они помогают мне вести занятия с бригадами овощеводческих бригад. Эту литературу охотно читают рабочие совхоза».

И еще один пример из книги В. Осипова. «Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, лауреат Ленинской премии Ф. Углов говорит о прямой связи между домашней библиотечкой и квалификацией медика: «Если вы зайдете в квартиру врача и увидите, что у него нет шкафов с книгами, у вас невольно может возникнуть сомнение в его эрудиции, — пишет Ф. Углов. — И это правильно: за каждой справкой, которая требуется в повседневной жизни, бегать в библиотеку нельзя».

И ОПЯТЬ — ДВИЖЕНИЕ

Книги о пионерии

Пионерия существует 50 лет. У нее есть история, есть традиции, есть и литература.

Почти полвека пишутся книги о пионерах. Художественные и документальные.

В самом начале, когда только создавались первые пионерские отряды, появились и первые книги. Но и потом, значительно позже, возвращались многие писатели к этому удивительному времени.

...Напряженная, кипучая жизнь, наполненная вдохновенным, созидательным трудом, была совсем близко, за стенами школы. Эта жизнь манила к себе, звала. Ребята хотели быть вместе со взрослыми, вместе строить новое.

И вот в Москве, в каком-то Гороховском переулке, в школе, державшей первенство по количеству разбитых окон, ребята сами создают пионерский отряд. Отряд имени Буденного!

Об этом пишет Н. Богданов в повести «Когда я был вожатым». Повесть по праву считается вершиной «пионерского цикла» Н. Богданова.

Живо, увлеченно, с присущим ему юмором рассказывает писатель о жизни пионерского отряда.

Вот экизируют ребята своего будущего вожатого. Кто такой? Почему пошел в вожатые? Экизируют строго, пристрастно, потому что им это небезразлично. Им нужен самый лучший.

Вот строят фантастические планы, цель которых — достать барабан и горн. Ведь без них и отряд не отряд.

Вот отправляются в свой первый поход, создают пионерский лагерь,

где всё делают сами: строят шалаши, добывают пищу.

Потом помогают совхозу и артели «Красный огородник». Выращивают овощи, убирают хлеб. Берут под охрану совхозный сад.

Вместе воспитывают брошенного беспризорниками малыша.

И все это делается весело, интересно, с выдумкой.

А рядом с ребятами — взрослые. Вожатый и партприкрепленный М. М. Авдеев, дядя Миша. Они умеют и научить, и вовремя подсказать, и ободрить, и пошутить, если кто-то загрустил.

Именно они, эти взрослые, направляют в нужное русло ребячью энергию. Именно они помогают ребятам постичь радость совместного труда. Именно они лепят из разных, не похожих друг на друга ребят крепкий, спаянный пионерский отряд — один из тех, которые становились впоследствии ядром пионерской организации...

Когда мысленно перебираешь книги о пионерии 20-х годов, на память приходит знакомое многим имя — Лев Николаевич Подвойский.

Его отец, Н. Подвойский, был первым помощником В. И. Ленина по военным делам. Л. Подвойский стал одним из первых пионеров. Потом — вожатым.

Говорят, впечатления детства самые сильные. Что же сохранила память этого человека, о чем рассказывал он сегодняшним пионерам?

Перед нами книга Л. Подвойского «Пионерские были». Книга документальная. Отдельные, беглые, на первый взгляд, зарисовки. Большие и малые события пионерской жизни. Но в них отразилось время.

1922 год. Прием в пионеры. «Хмурое осеннее утро. Северный ветер гонит хлопья мокрого снега. Прохожие ежась и поднимают воротники. А мы трое гордо шагаем в пальто нараспашку. Язычками горячего пламени алеют наши пионерские галстуки».

А завтра — боевое крещение. Сынки лавочников и спекулянтов нападают на пионеров, пытаются сорвать красные галстуки. Это не обычная мальчишеская драка, это уже классовая борьба. И как бойцы берегут знамя, не отдают его в руки врага, так и пионеры защищают свой галстук.

1923 год. В пионерский отряд приезжает почетный пионер — М. И. Калинин. Интересует жизнь отряда: как учатся, не обижают ли девочек, чем занимаются на сборах? Советует вести летопись родного города. Не только для себя, но и для следующих поколений.

1929 год. Всесоюзный слет пионеров. Шесть тысяч делегатов съеха-

лось со всех концов страны. В Кремле проходит пионерская конференция. Председатели конференции — пионеры. Выступают тоже пионеры. Они обсуждают важные государственные вопросы.

«— Пионеров теперь два миллиона, а неорганизованных ребят — двадцать восемь миллионов. На одного пионера — четырнадцать непионеров. Надо увеличить пионерские ряды — это раз, — словно забывая гвозди, молотил, размахивая большой рукой, выступающий. В руке он зажал алую бескозырную с надписью «Москва» — форму делегатов столицы. — Половина ребят не учится в школе. Надо, чтобы все дети учились, — это два. Мы должны помочь выполнить пятилетку — это три. Драться с кулаками за колхозы, увеличить урожай — четыре...»

На трибуну поднялся маленький белокрысы паренек с хохолком, как у петушана.

— Второгодничество дорого обходится государству! — во весь голос воскликнул паренек с хохолком. — Пора сказать так: «Второгодники! Довольно вам питаться фабриками и заводами! Это не хлеб с маслом...»

На этой конференции выступил перед пионерами Г. М. Кржижановский. Как с равными говорил он с ребятами о первой пятилетке. Рисовал заманчивые картины недалекого будущего.

Многое изменилось с тех пор... Отгремела война. Другой стала жизнь. Другими стали мы, взрослые, да и нынешние пионеры — тоже другие.

Характер современного подростка, а значит, и пионера, его разносторонние жизненные связи — в центре внимания писателей Ю. Томина, Р. Погодина, Н. Печерского, В. Крапивина и многих-многих других.

Задумчивы, мечтательны мальчишки Крапивина.

Критически, почти как взрослые, размышляют о жизни, о людях герои Р. Погодина.

Далеко в тайге вместе со взрослыми строят поселок для тех, кто будет добывать золото на Виле, «масштабные ребята» Н. Печерского. Деловитые, самостоятельные мальчишки и девчонки. Масштабные, гуманные, объективные — так они сами себя называют.

Нашли интересное, настоящее дело и веселые, озорные, неугомонные герои повести Ю. Томина «Борька, я и невидимка». У них будет хотя и маленький, но самый настоящий завод. Пионерский завод.

Так или иначе, все разнообразие жизни пионерии наших дней находит отражение в книгах...

Несомненно отличие сегодняшних пионеров от тех, первых. Но также несомненно их родство. То же чувст-

во долга, та же жажда справедливости и больших, настоящих дел...

Меняется, идет вперед жизнь. А вместе с ней и пионерия.

Есть такая книга — «Фрунзенская коммуна». В ней это поступательное движение.

«Фрунзенская коммуна» — книга документальная, но читаешь ее как самую увлекательную повесть. Читаешь, и не покидает ощущение, что попал в общество будущего.

Если можно представить себе вечное движение — это коммуна.

Коммуна — это постоянный поиск, постоянное стремление к идеалу. А потом — новый идеал. И опять — движение.

Коммуна — это вдохновение, увлечение, счастье...

Вот что говорят сами коммунарки: «В коммуне можно стать человеком».

«Я сделал в жизни гораздо меньше, чем мог. Лишь после того, как я пришел в коммуну, появились цели, радость».

«...Когда человек узнает коммуну поближе, в душе его что-то происходит... Оказывается, самостоятельность вовсе не в том, что я — один, вечно один. Самостоятельность — это когда нас много и каждый может сам придумывать, как бы всем жилось получше, и сам делает эту хорошую жизнь. От моей самостоятельности кому-то должно быть хорошо, и тогда и мне будет хорошо».

Эта детская организация, где все основано на самоуправлении и самовоспитании, существует уже более 10 лет при Фрунзенском Доме пионеров и школьников в Ленинграде.

В книге — описание истории этой организации.

Названо несколько книг. Естественно, это далеко не полный перечень.

Есть книги А. Гайдара и Л. Касиля, Ю. Сотника и В. Машкина, М. Бреженера и В. Железникова, М. Слуцкича и А. Мошкова...

Книги, рассказывающие о жизни пионеров в мирное время и о подвигах пионеров в годы Великой Отечественной войны.

Есть даже целые публицистические серии: «Пионер — значит первый» (своего рода пионерская «ЖЗЛ»), «Юные герои», «Пионерские вояки», «Законы юных пионеров», «Знай и умей».

Литература о пионерии чрезвычайно разнообразна. Книги эти — такая же составная часть жизни ребят, как пионерские сборы, как пионерские праздники.

Книги — это очень важное, необходимое пионерское дело.

Г. РУМЯНЦЕВА,

старший библиотекарь

Государственной республиканской
детской библиотеки РСФСР

ЛЕНИНСКОЕ СЛОВО

С. Сутоцкий. СЛОВО — ПОЛКОВОДЕЦ.

Оформление
Б. Кыштымова. М., «Детская
литература», 1971.

«Слово — полководец человеческой силы...» — эта знаменитая строка Маяковского стала названием новой книги. Новой детской книги о Ленине.

Автор ее, Сергей Сутоцкий, пишет в предисловии: «Книга «Слово — полководец» — своеобразная биография литературных произведений Владимира Ильича Ленина — большевистского идейного оружия главного калибра. Это — повествование о ленинском печатном слове: листовках и книгах Владимира Ильича, о газетах, которые он издавал в подполье, за границей. Читатель книги «Слово — полководец» узнает, в какой исторической обстановке появлялись ленинские работы, с каким трудом большевикам удавалось их печатать и распространять, как эти работы Ленина готовили и подготовили победу Великой Октябрьской социалистической революции».

Книга Сергея Сутоцкого — необычная книга. И хотя появилась она совсем недавно, среди обширной ленинской литературы для детей она займет — да, пожалуй, уже заняла — свое особое, очень важное место.

Почему?

Ребяткам легко представить, как смелый всадник на лихом коне ведет за собой бесстрашный эскадрон, как боевой командир поднимает в атаку цепь бойцов.

Ребятки сердца бьются в такт смелости, в такт мужеству и благородству. Но проходит время, дети становятся старше, и литература должна показать им, как живут, борются и побеждают идеи, как возникает та глубокая и неодолимая сила, которая ведет тысячи людей на подвиг, которая окрыляет смелого всадника и поднимает в атаку боевого командира.

Книга С. Сутоцкого — не просто биография ленинских трудов. Это в определенном смысле биография целой эпохи, биография революции.

Что могут сделать четыре листочка бумаги, исписанные от руки печатными буквами?

Если не знать заранее, что за листочки, если не знать заранее, кем написаны...

Если просто представить себе большой, дымный, шумный завод конца прошлого века, потом — шире — стучащий под денабрыскими ветрами, среди замерзших вод, переполненный жандармами и сыщиками холодный Петербург, потом — еще шире — покрытые снегом глухие, бескрайние российские поля, серые холмики изб, разбросанные по неоглядным просторам миллионы людей, которые даже читать не умеют...

Что могут сделать, четыре маленьких потаенных листочка бумаги, исписанных от руки печатными буквами?

Но именно в четырех экземплярах, именно так — от руки — была выпущена в 1894 году первая ленинская листовка, обращенная к рабочим Семяниновского завода, что за Невской заставой в Петербурге.

Первые листовки — первые шаги. Пока от них зависит судьба нескольких десятков, ну — нескольких сотен человек. Хотели хозяева увеличить плату за квартиру, вместо одного рубля брать два. Появилась листовка, объяснила, в чем обман, как бороться, рабочие выступили дружно, сообща и — невиданное дело! — хозяева испугались, пошли на попятную, отменили свое решение. Плати, как прежде — рубль.

И вот уже слух о такой рабочей победе, о силе белых листочков с призывными словами разносится с одного завода на другой, перелетает из города в город. И вот уже управляющий Тульским латунным заводом бурчит недовольно, сивозь зубы, чтоб выбрали рабочие и прислали к нему своих делегатов.

— Для переговоров, — говорит он нехотя, — в связи с вашей прокламацией...

Дальше — больше. Все крепче верят большевистскому слову рабочие, все больше боятся его царские власти.

А когда стала выходить ленинская газета «Искра», никто, ни друзья, ни враги, не могли уже сомневаться, что слово — воистину полководец.

«Дело до того дошло, что в 1902 году в Петербурге состоялся специальный съезд пограничных жандармов. Сам Зубатов, тогдашний начальник особого отдела департамента полиции, руководил съездом. Он попытался, почему все больше газет и брошюр проникает в Россию?» А жандармы молчали. Что им было сказать, если нелегальная литература издательства «Искра» шла в Россию то из литовского города Вильно, то из Одессы, пробиралась к русским рабочим через Египет, Персию, Стокгольм, Марсель, Тулон.

Это было не просто чтение. Это были слова, необходимые для того,

чтобы действовать, выбирать свой путь, слова, рождающие мысль и пробуждающие сознание.

Ленин писал для рабочих свои книги и статьи, а рабочие писали Ленину письма:

«Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал «С чего начать?», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего достигнуто... Хочется нам письмом в эту самую «Искру» Вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть. Вы, небось, смеетесь и скажете, что всего в газете не напишешь, это так, а все-таки в этот раз я прочитал то, что еще никогда не было написано. Теперь просто учи, как в бой идти, как в бою воевать».

Революционеры, приговоренные к ссылке, собирая в дальнюю дорогу свой скудный багаж, где каждая вещь была на учете, каждая на счету, брали с собой ленинские статьи и книги, те, что вышли легально, те, что можно было провезти мимо жандармских глаз.

Когда одну из первых ленинских статей прочитал Максим Горький, он даже не знал настоящего имени автора и в глаза, как говорится, человека не видел, но уже полюбил его и горячо желал с ним встретиться. Лев Толстой, интересовавшийся нелегальной политической литературой, сказал про одну из самых первых работ молодого Ульянова: «Это очень нужно».

Голос Ленина звучал как голос самого пролетариата. В ленинских словах рабочие узнавали себя, свою жизнь, свои мечты и надежды.

Пройдет совсем немного времени, год-другой, юные читатели С. Сутоцкого сами возьмут в руки ленинские книги. Страсть и глубокая мудрость, горячий темперамент борца, непреодолимая убежденность правды — все это встанет перед нашими детьми со страниц ленинских произведений. И, может быть, книга Сергея Сутоцкого «Слово — полководец» продолжит первую тропинку в огромный мир ленинского литературного наследия.

А если вашим детям 14—15—16 лет, то вместе с книгой Сутоцкого предложите им «Сборник произведений В. И. Ленина», выпущенный в 1970 году Политиздатом. Этот сборник составлен для учащихся средних школ и средних специальных учебных заведений. Он поможет бережно и умело приобщить ребят к сокровищам ленинского слова.

Дети будут взрослеть, и вместе с ними по жизни, помогая и ободряя, будут идти книги Владимира Ильича Ленина, ленинское слово — полководец минувших и будущих сражений за человеческое счастье.

И. ЛИНКОВА

дорогие сердцу встречи

Яков Хелемский. НА ТЕМНОЙ ЕЛИ ЗВОНКАЯ СВИРЕЛЬ. М., «Детская литература», 1971.

Яков Хелемский написал книгу удивительную. Когда она попала ко мне, я, отложив все неотложные дела, прочитал ее два раза кряду. Первый раз, увлеченный сюжетом, я читал ее спеша, глотая, невольно забегая вперед, — читал начерно. Едва дочитав, начал снова, медленно вчитываясь, твердо зная, что еще вернуться к ней, предвнушая, куда я непременно возьму ее с собой. Но об этом чуть дальше...

Сюжет книги не придуман. Он прожит. За ним — годы, судьба, история.

В мае тысяча девятьсот сорок первого года поэт и журналист Хелемский получил редакционное задание «Комсомольской правды», где он работал, поехать в Тарханы, на родину Лермонтова, написать о том, как готовятся встретить столетнюю годовщину гибели поэта его молодые земляки. Приехал в Тарханы, поклонился дому Лермонтова, побывал на комсомольском собрании, где обсуждались предстоящая лермонтовская конференция и праздник поэзии. Потом вернулся в редакцию, пообещав своим новым знакомым снова приехать сюда. Конференция и праздник поэзии назначены были на двадцать девятое июня. Побывать на них не пришлось...

Началась война — Хелемский стал фронтовым газетчиком, писал о боях, о советских людях на войне. Но эти бои шли, но эти люди воевали на земле, где все напоминало о великой русской литературе, о ее славе, о ее святынях. Бои шли то под Ясной Поляной, то под Спасским Лутовиновым, то под Пушкинскими горами. Хелемский видел эти места оскверненными врагом, изувеченными, разграбленными, заминированными, видел их отбитыми у врага, спасенными, политыми кровью освободителей, ставшими вдвойне святыней... Поэт, ставший фронтовым газетчиком, не мог не думать об этом. Да и как было не думать!

«Всего лишь три дня назад я побывал в полку, располагавшемся где-нибудь, а в районе Спасского-Лутовинова, — вспоминает Хелемский об одном из дней на Брянском фрон-

те. — Это могло показаться неправдоподобным, но отныне нашим редакционным тылом становилась Ясная Поляна, а передний край проходил сразу же за тургеневским имением.

Бывает же такое!

Но ведь и до этого фронтовые скитания не раз приводили меня в памятные места. Оказалось, что почти любая походная двухверстка совпадает с литературной картой России.

Если вдуматься, Подмосковье, тульские леса, орловские равнины вошли в наше сознание задолго до того, как мы соприкоснулись с этими проселками, реками, деревьями, стогами. Вошли потому, что до нас красоту этих мест восприняли и воспели непревзойденные мастера.

Здесь, где нам пришлось теперь воевать, на каждом шагу можно было обнаружить следы, оставленные этими людьми. Следы, которые нельзя было ни выжечь, ни вытоптать, проступали сквозь пепел и бурьян не только в знаменитых заповедниках, но и в самых скромных, затерянных, почти безымянных углах, обозначая щедрые месторождения отечественной поэзии... Может быть, именно тогда, у Ясной, у орловского шоссе, возникла у меня мысль, что хорошо бы, если останусь в живых, рассказать о фронтовых свиданиях с тем, что знакомо с детства. О волшебных точках, которые, появляясь на военной карте, вспыхивали, озаряя все вокруг светом таланта, благородства, подвижничества.

Встречи на дорогах войны с вечно живыми нашей великой литературы породили мысли о том, что значило оно в Отечественной войне для ее участников, какие душевные силы давало им, на какие подвиги благословляло. Раздумья эти связались с ощущением родной природы, с ощущением прекрасного, которое так обострилось в годы испытаний. Все повлекло за собой раздумья об истории, о связи времен и поколений...

Будущая книга не придумывалась, а зарождалась в душе. Медленно, естественно, необходимо. Прошли годы, занятые другими книгами, другими впечатлениями и делами. Но оказалось, что давние впечатления военных лет и связанные с ними мысли не вытеснены, не померкли, что они связываются с впечатлениями и делами сегодняшних дней. Из всего этого и возникла книга. В нее вложена большая любовь к русской литературе и большой труд. Нужно было заставить себя вспомнить забытое, дописать то, что начиналось во фронтовых блокнотах, отыскать продолжения многих историй, найти людей, встреченных на фронтовых дорогах почти три десятилетия назад.

Жанр этой книги определить труд-

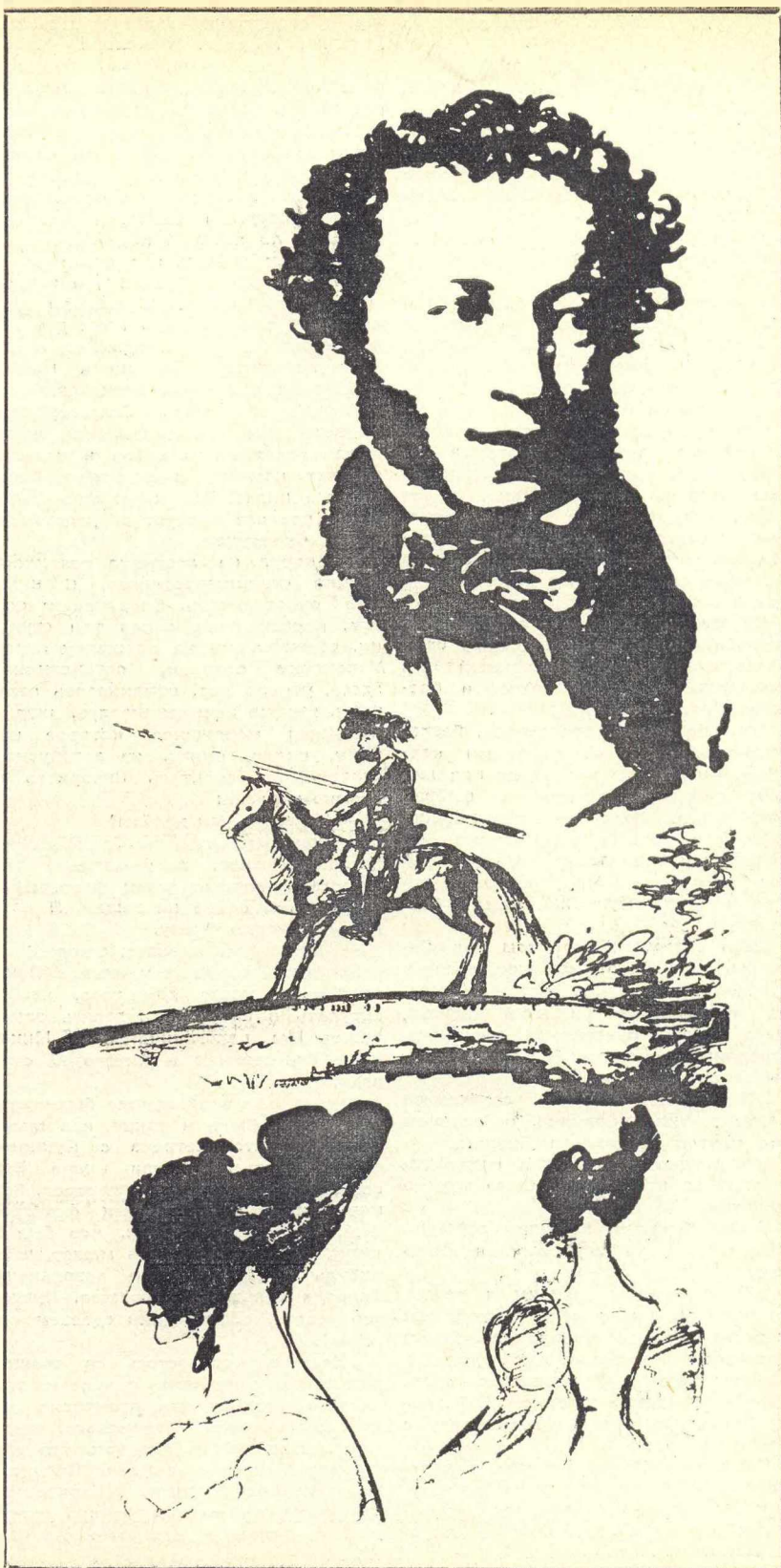

но. Так бывает часто с хорошими книгами. В ней соединены фронтовые воспоминания и путевые очерки, документальные свидетельства о судьбах литературных святых нашей родины в годы войны, рассказы о тех, кто их спасал, размышления о жизненном пути классиков русской литературы, о традициях русской литературы, о поэзии, о пейзаже, о верности, о памяти...

В книге много действующих лиц, принадлежащих разным эпохам, но связанных живыми сосудами истории: Лермонтов тарханской поры и Аня Комарова — довоенный экскурсовод по Тарханам (в книге не только ее словесный портрет, но и пленительная фотография: она воспринимается как портрет поколения); солдат Федоров, который рассказывал Лермонтову о Бородинском сражении, и Гайдар, который приехал в Москву из Действующей армии, читает в редакции гранки своего очерка и тихо напевает «Горные вершины спят во тьме ночной» в необычном маршевом ритме; хранитель Ясной Поляны Щеголев и его сестра, которая вела записки о том, что происходило в Ясной Поляне в дни оккупации (читатели моего поколения помнят номер «Комсомольской правды», где эти записки были напечатаны); в этой книге — Лев Николаевич Толстой разных лет своей жизни и офицеры Великой Отечественной войны, которые читают его «Севастопольские рассказы» и письма. Пушкин, Тютчев, Тургенев. И люди, для которых Лермонтов, Пушкин, Тютчев, Тургенев, Толстой были близки и необходимы в годы войны как воздух. И множество солдат-саперов, которые разминировали могилу Пушкина, и артиллерийских офицеров, которые отмечали на своих картах цели, по которым стрелять нельзя, потому что они связаны со славой нашей литературы. И партизаны, которые воевали там, где происходит действие «Записок охотника». И боевые друзья автора — фронтовые газетчики, которым посвящено много прекрасных страниц. История великой литературы живет в душах всех этих разных людей, показывается их глазами, преломленная через призму их личного опыта, связанная с их судьбами...

Книга Хелемского сообщает множество бесценных сведений о литературной карте России. Карта эта в ней подробна, как подробны походные двухверстии...

Все это многообразие объединено одним из важнейших единств, которые существуют в искусстве, — личностью автора, который говорит о родине, об ее истории, о ее певцах, о ее защитниках, говорит о своей любви прекрасным языком — спо-

койным и ясным, порой поднимающимся до высокого пафоса и всегда лиричным.

Вот одна только выписка:

«Мы шли в Тригорское. Дорога, пусть разбитая, пусть перегороженная траншеями, еще не везде засыпанными, а кое-где загроможденная подбитой немецкой техникой, все же не утратила своей извечной прелести. От прибрежного бора тянуло запахом перегретой хвои. На Маленце тревожно вскрикивали цапли. Я все пытался представить себе Александра Сергеевича на этом привычном для него пути, который он измерил и пешком, и поначаваясь в седле... Звучали в сознании строки... Пушкина, увековечившие дорогу, которая сейчас, как и описано в знаменитом стихотворении, поднималась в гору, к незримой границе владений дедовских... Мы провели в Тригорском всю вторую половину дня. И без конца натыкались в парке, пронизанном светом, на ровики и блиндажи, на перекопанные лужайки, на мрачные завалы и еще не зажившие срез свежих пней.

На взгорье, у подножия гигантского дуба, широко раскинувшего свои разветвления, чернел мрачный лаз, прикрытый бетонной плитой и бревенчатым настилом.

Тот, кто вырыл это логово, беспощадно обошелся с вековыми корнями. Он мог бы прятаться под любым другим деревом, но выбрал именно это. Надо полагать, хорошо знал, что удалось ему подрить не какой-нибудь рядовой дуб, а именно тот единственный, который вошел в стихи Пушкина, как в бессмертье.

...Мы долго стояли потом над Соротью, медленно извивающейся в луговой оправе. На краю обрыва, на месте онегинской скамьи, была теперь пулеметная площадна, стрельные немецкие гильзы перекатывались под ногами.

...Неподалеку чернело сожженное Савкино, тихое Савкино, в котором так мечтал поселиться Пушкин.

Неотступно и тягостно пахло гарью. И от всего этого было трудно дышать».

Таких берущих за душу страниц, печальных и прекрасных, в книге много.

...Есть причина, почему я решил написать о книге «На темной ели звонкая свирель» именно для «Семьи и школы». Несколько лет подряд я подолгу живу в Пушкинских горах. Туда и собираюсь взять с собой книгу Хелемского, когда снова поеду в любимые места.

На аллеях Михайловского, в заповедном парке Тригорского, о котором мы только что читали, на берегах Сороти и озера Кучане постоянно

встречаешь экскурсии школьников с учителями, встречаешь родителей, которые приехали — часто очень издалека — показать пушкинские места детям. Бывают встречи радостные. Видишь внимательные, вдумчивые глаза, освещенные подлинным волнением лица. Но случаются и огорчительные встречи.

Однажды я сидел на верхней площадке лестницы Святогорского монастыря, по которой поднимаются к Успенскому собору, где стоял некогда гроб с телом Пушкина, и откуда идут к его могиле... Шелестели клены. Было тихо. Те, кто приходит поклониться Пушкину, поднимаются по этой лестнице медленно и молча. А Михаил Ефимович Васильев, многолетний хранитель Святогорского монастыря, и его помощники, показывая посетителям собор и могилу, говорят немного и негромко. Да и как же иначе! Так и должно быть здесь, где все требует сосредоточенности и раздумья.

Но вдруг на лестнице появилась группа старшенкласников. С ними был руководитель. Спортивным шагом, перескакивая через три ступени, вбежали они на площадку перед Успенским собором, остановились здесь, утирая пот, обмахиваясь газетами, громко перекинулись, жадно поглощая мороженое, которое купили, видно, внизу, на автобусной стоянке. Руководитель напористо и громко спросил:

— К могиле как пройти?

И экскурсия чуть не бегом двинулась к могиле. А у могилы, едва прочитав надпись, стали фотографироваться. В собор не зашли. Я поймал деловитую фразу:

— Заповедник сделаем сегодня!

Лестница, ведущая к могиле Пушкина, — не место для того, чтобы вступать в споры или делать замечания. Мы переглянулись с Михаилом Ефимовичем и ничего не сказали.

Вероятно, в этой группе были разные люди. Были и такие, кто предпочел бы, чтоб встреча с Пушкинскими горами прошла иначе. Без спешки. Без громких разговоров. Без мороженого и групповых фотографий. Но тот взрослый, кто был с ними, — учитель, а быть может, чей-нибудь отец, — казался довольным. Впереди большая программа. Нужно все успеть. «Заповедник сделаем сегодня!»

...Если вы соберетесь со своими детьми или учениками в одно из тех мест, о которых так прекрасно написано в книге Хелемского, подумайте, пожалуйста, над тем, что для подлинной встречи с Ясной Поляной, Спасским-Лутовиновым, Тарханами, Пушкинскими горами нужна внутренняя душевная настроенность. Вы

увидите там и почувствуете лишь столько, сколько вы внутренне готовы почувствовать и увидеть. Пусть приведут вас туда не праздное любопытство, не случайный туристский маршрут, а высокая душевная потребность. Она не дается человеку готовой. Ее можно воспитать в себе, в своих детях и учениках. И в этой работе самовоспитания, которое делает потом встречу со святынями нашей литературы поистине прекрасной, вам поможет книга «На темной ели звонкая свирель». Непременно прочитайте ее. Вдумчиво и внимательно. Сами и со своими детьми и воспитанниками. Она того заслуживает.

Сергей ЛЬВОВ

В лесной стороне

Василий Белов. СЕЛЬСКИЕ ПОВЕСТИ. Послесловие Сергея Залыгина. М., «Молодая гвардия», 1971.

В сборник «Сельские повести» объединены произведения Василия Белова почти все уже известные — или по журнальным публикациям, или по предыдущим сборникам. Но перечисление Белова не скучное, а очень даже радостное занятие — верный признак весомости, незаурядности написанного. И прежде всего это относится к самой лучшей повести Белова — «Привычное дело».

«Ивану Африкановичу было тепло, он шел по лесу, как по деревенской улице. За жизнь каждое дерево известно-перевызано, каждый пенек обнурен, обтопана любая подсена. Вон маленькое, не больше пятачка, болотце: еще в детстве оноло него проколол сучком босую ногу; вон вилашки корявой сосенки: отдыхал под ней сколько раз; вон брусничный бугор: ставил силки и прыгуны на тер; тут в прошлом году вырубал вязы для дровней, там заготавливал драночные баланы, здесь тесал хвою для коровьей подстилки. Везде свое государство, куда ни ступишь».

Таков деловитый повседневный мир простого сельского труженика Ивана Африкановича Дрынова из «Привычного дела» — его любимая присказка и послужила для этой повести заголовком.

Простого... Но в том-то и дело, что за простотой этой разглядел Белов

глубину доброй и обаятельной души, глядящей на жизнь восторженно-поэтически. Приведенная цитата, казалось бы, опровергает это, свидетельствуя о потребительских устремлениях героя: вечно ему от леса что-нибудь нужно. Так нет же! Лес для него — еще и красота, и восхищение ею, и неисчерпаемый источник радости, умиротворения. Вот и сейчас он за делом в лес-то пришел — сосну срубить для будущей лодки, а между тем не упускает случая полюбоваться болотным родничком, который сам же и выкопал с весны — уж больно удобное было место; встретил следы медведицы, беззлобно вспоминает о ее прошлогоднем нашествии, чуть не кончившемся плачевно для семейной нормильцы коровы Рогули; не забывает и подарки детишкам высмотреть — как для этого не понимать лесной красоты! Ведь не то чтобы вкусные, а больше красивые вещи выбирает: «...срезал острием топора гроздь изумрудной княжицы — гостинцем будет от лисаньки для Маруси. Потом сорвал шляпку ядреного боровичка, это для Гришки, для Кати взял с дерева янтарной живицы. Все клал в сумку — радостей дома не оберешься от этих лесных гостинцев».

А ведь надо вспомнить, в какой тяжкий для себя день отправился в лес Иван Африканович. Совсем недавно — и думается ему, что только по его вине, — умерла его горячо любимая жена Катерина. Умерла, оставив его с девятью детьми мал мала меньше. (По пути попался ему сейчас забытый на кустах Катеринин платок: как упала на носовице без памяти, так и увезли домой — про платок забыли, и жадно вдыхал Иван Африканович «запах Катерининых волос, такой знакомый, давно не слышанный, горький, родимый...»).

«Привычное дело» — повесть о любви и земле, повесть о борьбе с судьбой. И она же — наверное, больше всего! — повесть о человеческой любви, любви на всю жизнь, повесть о недолгом, но подлинном семейном счастье.

Не сразу пробился Иван Африканович к своей Катерине. Первое сватовство не удалось — мать непутем вмешалась; женился Иван Африканович с горю «на молчаливой девке из дальних заозерных мест», но не было ему счастья. «У них была холодная любовь: дети не рождались». Жена скоро вернулась в родные места, вышла снова замуж и, говорят, народила от нового мужа четверых ребятишек...

А Иван Африканович вновь посватался к Катерине, и на сей раз удачно. С Катериной у него жизнь душа в душу, любовь горячая, настоящая. «Уйдет она в поле, на ферму ли, ему будто душу вынет». Да и она тоскует

не меньше без своего Ивана. Бывали у них и размолвки, бывали и ссоры — как не быть! Жизнь пройти — не поле перейти. Однажды чуть не до полного разрыва дошло: пока Катерина в больнице лежала, улестила Ивана Африкановича беспутная Дашка, которую вся деревня так и звала Путанкой; не устоял Иван Африканович, грешен! А Катерине об этом тут же и донесли. И что ж она? «...Ничего не сказала, в пустую рожу не плюнула. Только уж после сказала: «Иди куда хошь». Не ушел. «Хочешь, — говорит, — в ноги, только прости, Катерина», — все и простила...» А он на радостях побежал в избу, схватил «толстую книгу библию», которую берегли Дрыновы пуще коровы, пуще лошади, и променял ее на гармонь. «Буду, Катюха, тебя веселить, играть выучусь для тебя, только не вспоминай больше этот Петров день!» Не вспомнила, не сказала».

Это серьезный раздор вышел у Дрыновых — а ведь были и мелкие! Но не дала семья трещины — даже когда покинул родной дом Иван Африканович, поддался на уговоры разбитного Катеринино брата Митьки и пытался поехать с ним на Север, на заработки (впрочем, в такую авантюру Иван Африканович пустился ради той же семьи, ради детишек — на этом и сыграл Митька, сманивая его), — даже и тогда Катерина, в совершенно безысходном своем горе, не прокляла мужа. А ведь осталась больная, с отчаянно слабым сердцем. Но посмотрите, как она все-таки понимает своего мечущегося мужа. Качает младшенького и приговаривает тихоно: «А вот мы с Ванюшкой и пробудились, вот мы с миленьким проголодались, а где-то сейчас папка-то наш? Оставил нас наш папка, на машине уехал, нуда уехал, и сам не знает...»

Не покорность судьбе, но огромная любовь держит эту женщину на нравственной высоте. И девятеро детей Катерины — это девять ярких свидетельств ее великой любви к мужу. Со слов ее матери мы узнаем, что, оказывается, давно уже «врачиха ей говорила, что не надо больше детей рожать...» Но для такой естественной во всем и горячо любящей женщины, какой Белов нарисовал нам Катерину, любовь без детей — нечто неполноценное, оскорбительное, почти греховное. И Иван Африканович — может быть, смутно, не умея высказать, — но все же чувствует эту полноту духовного и даже физического самопожертвования и отвечает ей не меньшим чувством.

Вот он после двух бессонных ночей (посуду магазинную возил сдавать в город) приезжает домой и узнает, что Катерину увезли в боль-

ницу рожать; забыв про все неприятности и огорчения (а в городе выпил маленько, назенные самовары в дороге побил, теперь с него штраф требуют), стремглав бросается он в больницу, но, не дождавись добрых вестей, засыпает на поленьях в больничной кладовке...

«— Товарищ Дрынов, — фельдшерница тронула его за рукав, — у вас ночью сын родился, вставайте.

Иван Африканович вскопчил в ту же секунду. Он даже не успел постесняться, что залез в кладовку и уснул, фельдшерница стояла и ругала его:

— Вы бы хоть тулуп-то подстелили!

— Милая, да я... я тебе рыбы наловлю. Голубушка, я... я... Все ладно-то хоть?

— Все, все.

— Я рыбы тебе наловлю».

Посмотрите, как он прямо задохнулся от радости, в какой восторг пришел, узнав о рождении ребенка. И ведь не первенца, не второго даже, не третьего — девятого! Даже если б кроме этого мы ничего не узнали об Иване Африкановиче — мы и тогда бы, наверное, поняли, как любит он свою жену и детей! Для него «девятеро по лавкам» — не наказание, не труды тяжкие, а радость, великая, несказанная радость!

Любовь, прочно поддерживающая супругов Дрыновых наперекор всем невзгодам, исподволь передается и детям. Четырехлетняя Маруся при одном упоминании о матери «вся засветилась от радости», а когда Катерина возвращается домой после долгой болезни, дети, даже самые маленькие, бегут к ней, захлебываясь от восторга, и уже в самом ритме рассказывающих об этом фраз мы слышим этот восторг, это необъятное счастье: «...от реки с визгом бежал Гришка, за ним, не поспевая, размахивая ручонками, торопились двойники Васька с Мишкой, а из поля, с другого конца, бежала голенастая Катя, все радостные, родимые... Визжат, кричат, вон один запнулся за что-то, шлепнулся на траву — невелика беда, вспрыгнул на ноги, побежал опять, ближе, ближе, с обеих сторон. Прибежали, уткнулись в подол, охватили руками, ослабевшие ноги...»

Вероятно, любовных педагогических уроков Дрыновым-младшим и не требовалось: сама обстановка их жизни, распорядок семьи воспитывали естественно и неотразимо. Это, наверное, тот самый случай, когда пример родителей действует почти в идеальном, «химически чистом» виде.

«...Встанет-то в третьем часу, да и придет уж вечером в одиннадцатом, каждый-то божий день здан, ни выходного, ни отпуска много годов подряд...» — это о Катерине. И одноно

именно она берется — сверх того! — «обряжать» чужих телят, брошенных уже известной нам нерадивой Дашкой-Путанной. Берется потому, что отказываются все другие.

Иван Африканович вставал и того раньше. Когда жена выходила во двор, он уже пилил там дрова, зажигал фонарь, чтобы посветить было...

Мы не сказали еще, что Иван Африканович — человек поразительной скромности. Совершенно случайно узнаем мы, что во время войны он был далеко не последним бойцом: грудь в орденах, кавалер ордена Славы, герой берлинского штурма... А пришел домой — и вот он уже самый обыкновенный человек, будто и понятия не имеющий ни о каком оружии, не просто добрый, но добрый особенно. Однажды он никак не мог петуха зарезать — Катерине самой пришлось взяться за дело, и она посмеивалась добродушно: «Уж чего-то и не верится, что ты в Берлин захаживал, и за что только людям орденов навывдавали?»

Безукоризненная честность Ивана Африкановича заметна, что называется, издали. Уже на одной из первых страниц мы видим, как осаживает он своего друга Мишку, которому ничего не стоит открыть один из ящиков, на телеге лежащих, и прихватить пару пряников на закуску. «Нехорошо, парень», — пытается урезонить его Иван Африканович. Еще более примечательна сцена, когда тот же Мишка пытается схалтурить на пахоте: тут уж Иван Африканович осерчал не на шутку, чуть не прибил приятеля.

В честной трудовой семье не приходится уговаривать детей трудиться. Одна из лучших страниц повести — сцена, когда маленькая Катюшка в трудный для семьи час выходит — впервые в жизни! — на сенокос. И как ни тяжкая ситуация, сложившаяся в семье после отъезда Ивана Африкановича, мы не можем не любоваться Катюшкой, гордостью ее своим первым трудовым успехом: «Оглянувшись, радостная, усталая, и, не веря глазам, пошла обратно, разбив косяевичем нетолстый валок. Стерня была неровная, кое-где торчали бороны непрокошенной травы, но Катюшкино сердечко прыгало, как воробей. Она сильно устала, но тут же начала новый пронос. Катерина, остановившаяся, чтобы наставить носу, улыбаясь, радостно и беззвучно плача, долго глядела на дочку...»

Как бы сложно ни складывалась судьба лучших героев Белова, труд их — всегда с размахом, всегда радостен, всегда позитивен. Эта тяга к поэзии, к красоте идет у героев Белова от близости их к природе. Мы уже видели на примере Ивана Африкановича, сколько места занимает она в

жизни Дрыновых-старших, как много говорит их душе. Радость своего общения с природой они, как эстафету, каждодневно несут детям — порою чуть не буквально: вспомним «лесные гостицы», которые готовят детишкам Иван Африканович...

Но природа в произведениях Белова — это прежде всего родная природа, это часто Родины. «Везде свое государство, куда ни ступишь». Замечательно тонко выявляет писатель первоисток гражданского ощущения честного, горячо и бескорыстно любящего свою землю сельского труженика. Конечно, «государство», о котором думает Иван Африканович, шагая по лесу, — раньше всего личное, своими руками созданное; но разве не видится в нем и наше общее, «большое» государство, наша Родина, в которую будто намертво вплавлено сердце Ивана Африкановича, истинного гражданина и патриота? И когда он рассказывает земляку о радости встречи с родной станцией после недолгой разлуки («Гляжу на два фонаря, гляжу на них, и до того мне от ихнего свету тепло стало...»), мы отчетливо видим: для Ивана Африкановича эта встреча более, чем встреча с родной деревней, — это встреча с Родиной.

Повесть «Привычное дело», другие произведения В. Белова, объединенные в «Сельских повестях», глубоко, истинно народные — не потому только, что рассказывают о простых, обыкновенных людях: писатель вскрывает самые основы народной жизни, рисуя эту жизнь во всей сложности, во всем богатстве и многоцветии. В них столько живой человеческой любви, пробивающей до самого сердца, столько сочувствия и уважения к человеку!

С. СИВОКОНЬ

недавно выпущено ...

Алексеев В. П. В поисках предков. Антропология и история. М., «Сов. Россия», 1972. 304 с. с илл.; 8 л. илл. 46 000 экз. 81 к.

Базен А. Что такое кино? Сборник статей. Пер. с франц. Вступит. статья И. Вайсфельда. М., «Искусство», 1972. 383 с. с илл. 15 000 экз. 1 р. 72 к.

Болдырев А. И. Профилактика нервных расстройств. М., «Знание», 1972. 32 с. 100 000 экз. 6 к.

Будогоская Л. Повести. Повесть о рыжей девочке. — Повесть о фонаре. — Часовой. Рис. Г. Фитинго-

фа. Предисл. Л. Пантелеева. Л., «Дет. лит.», 1972. 176 с. с илл. 75 000 экз. 62 к. (Для среднего возраста).

Взсьер Р. Человек и подводный мир. Пер. с франц. Под ред. М. В. Проппа. Л., Гидрометеоздат, 1971. 251 с. с илл., 16 л. илл. 100 000 экз. 1 р.

Динке Р. Гравитация и Вселенная. Пер. с англ. Предисл. Н. В. Мицкевича. М., «Мир», 1972. 103 с. с илл. 34 к.

Канивец В. Ульяновы. Ист. роман. Авториз. пер. с укр. Б. Турганова. М., «Сов. писатель», 1972. 591 с. 1 л. илл. 100 000 экз. 1 р. 23 к.

Мак-Кормик Г., Аллен Т. и Янг В. Тени в море. Акулы и снасти. 2-е изд. Сопр. пер. с англ. Отв. ред. Л. С. Глиман. Л., Гидрометеоздат, 1971. 295 с. с илл. 150 000 экз. 83 к.

Мастера архитектуры об архитектуре. Зарубежная архитектура. Конец XIX—XX в. Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов. Сост. и ред. А. В. Иконникова. Л., «Искусство», 1972. 590 с.; 47 л. илл. 20 000 экз. 3 р. 44 к.

Милковская Л. Б. Повторим физику. Пособие для поступающих в вузы. М., «Высш. школа», 1972. 607 с. 200 000 экз. 83 к.

Минчковский А. Как папа. Рассказы про Егорку. Рис. В. Гусева. Л., «Дет. лит.», 1972. 33 с. с илл. 150 000 экз. 27 к. (Для дошкольников).

Монин А. С. Вращение Земли и климат. Л., Гидрометеоздат, 1972. 112 с. с илл. 2300 экз. 84 к.

Морева Н. Д. Когда в семье растёт ребенок. Минск, «Беларусь», 1971. 110 с. с илл. 72 000 экз. 14 к.

Мушин К. Н. Занимательная ядерная физика. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., Атомиздат, 1972. 296 с. с илл. 125 000 экз. 77 к.

Народные учителя. Статьи и очерки об учителях. Сост. Н. И. Козлов и А. С. Макаров. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1971. 232 с. с илл. 1000 экз. 37 к.

Носов Н. Повесть о моем друге Игоре. М., «Сов. Россия», 1972. 190 с. 100 000 экз. 31 к.

Полозова Т. Д. А что за словом? Восприятие худож. литературы. М., «Знание», 1972. 48 с. 133 270 экз. 9 к.

500 загадок о кино. Рис. Е. Е. Смирнова. М., «Искусство», 1971. 103 с. с илл. 100 000 экз. 38 к.

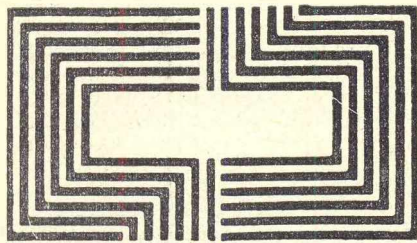
Томилин А. Занимательно о космологии. М., «Мол. гвардия», 1971. 336 с. с илл. 65 000 экз. 65 к. (Очерки и новеллы).

Трошин А. З. Приглашение в мечту. Трансплантация: поиски и свершения. М., «Знание», 1972. 77 с. с илл. 30 000 экз. 14 к.

Ходанов М. Как не надо себя вести. Предисл. Ф. Н. Петрова. М., «Мол. гвардия», 1972. 127 с. 300 000 экз. 23 к.

Черток Л. Гипноз. Проблемы теории и практики; техника. Пер. с франц. Под ред. и с предисл. Н. Н. Трауготт. М., «Медицина», 1972. 160 с. 25 000 экз. 65 к.

родословная подвига

ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ. Сценарий Б. Медового, В. Смирнова, И. Туманян. Режиссер Инесса Туманян. Киностудия имени М. Горького.

Здесь не снадут нони, не мчатся машины, и мы ни разу не видим в руках героя оружия. Хотя фильм — о войне, а прообраз героя — Саша Чекалин, школьник из города Лихвина Тульской области, Герой Советского Союза, партизан, повешенный фашистами после долгих пыток в ноябре 1941 года.

...Война врывается в тихий мир предвоенного лета, многоцветный, просторный. Есть ромашковое поле, песчаный плес, оранжевое солнце. Есть мальчик и девочка, их поэтические ощущения травы, деревьев, внезапного июньского дождя, друг друга...

Фильм лишь отталкивается от реальной судьбы, он не строго документален. Детали биографии Саши Чекалина, история партизанского отряда, где он воевал, даны очень скупно. Действие не стремительно, а как бы нарочно замедлено: авторы хотят дать возможность зрителю-подростку задуматься о глубинном смысле понятий «подвиг», «долг», «любовь и Родине». В этом медленном ритме картины нет стремления все обстоятельно объяснить, наоборот, утверждается сложность восприятий и размышлений, как неизбежная стадия взросления души, как ступень возмужания.

...Шура входит в картину «в образе» д'Артаньяна. Он рыцарски благороден по отношению к друзьям и «врагам» — отменно вежлив с девочкой Аленой и гнетет величаво-

шiem сильного своих соперников — мальчишек с соседней улицы. Он прямодушен, открыт и серьезен. Силен и честен в драке. Вот, собственно, и все, что мы знаем о герое фильма к тому моменту, когда лирическая струя картины обрывается резкой трагической нотой. Призыв «Убей фашистскую гадину!» вызывает с каждой городской стены. Отсюда начинается взрослость — как и у всех детей военной поры прежде времени. Она наступает и совсем еще малолетку Марию, войной прибитую в дом Чекалиных, точно щепка к берегу. Девочка с глазами много страдавшего существа впервые пробуждает в Шурике древнее мужское стремление защитить, уберечь, спасти.

Командир партизанского отряда приказал ему остаться в городе: «Смотри и запоминай».

Он увидит, как на городской площади, чувствуя вновь назначенного бургомистра, маршируют русские дети — питомцы не успевшего эвакуироваться детского дома. Он увидит их жалкие фигурки с цветами под проливным дождем. Услышит пронзительный, как гвоздь по стеклу, звук губной гармоник. И жуткое молчание сограждан, согнанных на праздник «нового порядка». Испуганные русские дети бросают цветы под ноги фашистских солдат. Дождь льет как из ведра. Мерно мелькают добротные уверенные сапоги, прижимая мокрые полевые цветы.

...Немецкие солдаты играют с русскими детьми. Угощают шоколадом. Фотографируются. И дети — сначала неловко, потом — свободней и свободней начинают играть в привычные игры. «Гуси-гуси!» — «Га-га-га!» — «Есть хотите?» — «Да-да-да!» ...А серый волк уже наметил жертву. Споткнулась девочка... Короткий выстрел потонул в смехе, в щелчке фотоаппаратов...

В напряженной работе мысли накапливается, концентрируется нравственная энергия, и обыкновенный советский школьник ощущает себя Народным Защитником.

Позже, когда Саша осуществит свой план мщения и выстрелит в фашиста, он прибегнет по партизанской тропе к командиру отряда, и взрослый примет на себя душевную муну мальчика.

Он потрясен противоестественностью свершившегося (ведь дети, он уверен, не должны воевать!). Сцена сложная. В ней и боль за детство, поруганное войной. В ней — и гордость за чистое Сашино сердце, безраздельно принадлежащее Родине. Уже в самом конце фильма возникнут титры, документальная точность которых подтверждена сноской:

«Перехваченные документы про-

тивника свидетельствуют, что в партизанских бандах действуют свыше 5 тысяч детей. Необходимо применять к ним те же меры, что и ко взрослым преступникам». (Из донесения начальника охранной полиции).

В фильме мало сказано о Сашиной семье. Скупно дан и партизанский отряд, где Александр Чекалин был разведчиком и подрывником. Не показаны и школьные годы героя. Кто и как учил его, мы не знаем. Но весь фильм о том, чему его научили. Без возвратов в прошлое ясно, что чистота, бескомпромиссность, идейная убежденность Саши — от нашего советского образа жизни.

Сашин выстрел во врага послан не из-за угла, не из укрытия. Он стреляет в фашиста в упор, среди бела дня, на виду. Сашин выстрел символичен. Не слышно звука, не видно оружия в Сашиной руке. Только замирает и искажается смазливое лицо молоденького офицера. То же самого, который с садистской увлеченностью гонял под губную гармошку детдомовских детей, дефилировал во главе их колонны на городской площади, а потом загонял детей в эшелон, уходящий в Германию.

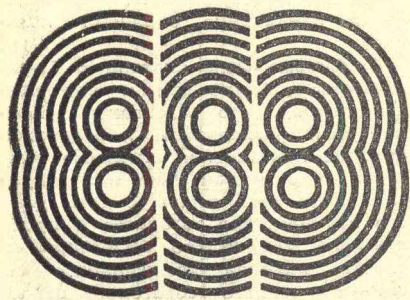
Юный фашист, получивший Сашину пулю, чуть старше нашего героя. В образной системе фильма эта подробность очень важна, так же, как и обстоятельство, что майор, допрашивающий Сашу, в прошлом учитель. Тем самым в картину втягивается еще одна нить размышлений: об учениках и учителях. Немцы заняли под комендатуру школьное здание, водрузили свой флаг со свастикой. Школы больше нет. Но год, который должен стать выпускным для Саши, ему суждено закончить здесь, в родных стенах. Только экзамен на аттестат зрелости он сдаст своему палачу — фашистскому майору, чьи любимые ученики убивали, жгли и грабили на Сашиной земле, не зная сомнений.

И на казнь его поведут из родного класса.

Черная парта в белой классной комнате. Здесь Саша учился быть человеком. Все, что он сделал, сделал правильно, — он уверен. Кадр читается как обобщенный образ поколения, которое ушло в бой за Родину прямо со школьной скамьи и показало нравственную готовность принять этот бой и выстоять. Картина и посвящена светлой памяти Саши Чекалина и всех ребят, погибших в Великой Отечественной войне.

Елена СТИШОВА

потерянная и возвращенная любовь

Г. Берлиоз. ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ. Исполняет Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения. Дирижер Г. Рождественский.

Свеча догорала, а человек все сидел за столом. Он спешил закончить воспоминания о своей жизни. О ней ходило так много легенд, в которых правда была перемешана с самыми невероятными вымыслами, что он решил написать историю жизни сам. И хоть он и был музыкантом, перо литератора было для него привычно. На жизнь себе и семье он в основном зарабатывал статьями о музыке, которые печатали парижские газеты. Сочинение музыки и концертные выступления не могли обеспечить ему мало-мальски сносного существования, хотя он и был первым композитором Франции. Он помнил, как великий скрипач Паганини целовал его руки после одного из концертов и сказал ему, что он единственный достойный преемник Бетховена, как в России Михаил Глинка назвал его первым композитором нашего века; согревало многие годы горячее отношение к его творчеству Ференца Листа и Роберта Шумана, Генриха Гейне и Теофиля Готье, многих передовых художников, его современников. Подчас и публика приветствовала его восторженно, но чаще страдал он от ее непонимания. А сколько злобного шипения слышал он у себя за

спиной, даже знаменитый Феликс Мендельсон обозвал его музыку «наринатурой». А с каким трудом удавалось ему организовать концерты из собственных произведений, да и те чаще всего приносили ему одни убытки. Но он верил в свое призвание и тогда, когда вопреки воле отца избрал себе трудную дорогу профессионального музыканта, и тогда, когда его музыку осмивали светские снобы. Он всегда верил, что ему суждено сказать в музыке свое новое слово. И сейчас, этот раньше времени постаревший человек, одни глаза которого горели так же ярко, как и в дни мятежной юности, и сейчас, уже почти старик, он верил в это.

Гектор Берлиоз вспоминал свою жизнь...

«...Бедная Генриетта, парализованная уже в течение четырех лет, неподвижная и лишенная речи, скончалась на Монмартре у меня на глазах 3 марта 1854 года... Я не в силах передать муки моего сердца, причиненные этой потерей».

Трудна была их совместная жизнь. Встреча с Генриеттой была и самым большим его счастьем и самой большой драмой его жизни. Много горестей причинили они друг другу. Но было время — он любил ее так сильно, что готов был поступиться ради ее блага самым главным — творчеством. Как тогда с этой злополучной симфонией, которая так некстати пришла ему в голову. Он должен написать и об этом.

«...Как-то ночью я услышал во сне симфонию, которую мечтал написать. Проснувшись утром, я вспомнил почти целиком ее первую часть. Я уже подошел к столу, чтобы ее записать, но тут же подумал, если я запишу этот отрывок, я увлекусь и начну сочинять дальше. Я затратчу, быть может, три или четыре месяца лишь на одну эту работу. Я более не смогу или почти не смогу писать фельетоны, и, значит, мои доходы еще убавятся... и я лишу самого необходимого мою несчастную семью». Он забыл об этой симфонии. Это было года за два до смерти Генриетты.

В тот день, когда она умерла, Берлиоз направился к священнику, который должен был совершить печальную церемонию. Ехать нужно было через весь Париж. Пролетка, в которой он сидел, проехала мимо театра «Одеон».

«Это там по окончании «Гамлета» ее вызывала на сцену избранная публика, все короли царящей тогда во Франции мысли, я видел выходящую Генриетту Смитсон, потрясенную своим огромным успехом». Это было чуть ли не тридцать лет назад — в 1827 году.

Он снова видел перед собой молодую красивую ирландку, которая так взволновала его в шекспировских спектаклях. Видел ту, ради которой не написал симфонии, о которой мечтал, ту, ради которой много лет назад написал другую симфонию, чтобы выразить свою любовь и... отомстить любимой. Эта симфония названа была им «Фантастической».

Сюжет ее — «повесть моей любви к мисс Смитсон, моих страданий и мои скорбные мечтания».

В 1827 году в Париж приехала на гастроли английская театральная труппа. Двадцатичетырехлетний студент консерватории Гектор Берлиоз не пропускает ни одного спектакля. Не меньше, чем сам Шекспир, потрясает его и исполнительница ролей Офелии и Джульетты Генриетта Смитсон. Он страдает, мучается, любит ее, пытается привлечь к себе внимание артистки. Для этого он хочет доказать, что он тоже художник. Как это сделать? Надо перед спектаклем английской труппы исполнить свои произведения. Этого очень трудно добиться. Но Берлиоз все же исполняет свои произведения. Он готов даже влезть в долги, чтобы пригласить музыкантов оркестра. И все напрасно. Та, ради которой все это сделано, даже не знает, что в зале играют музыку молодого французского композитора. Тогда Берлиоз пишет Генриетте Смитсон одно письмо, потом другое, третье... Все они остаются без ответа. Лишь однажды в зале во время репетиции она обращает внимание на молодого человека с горящими глазами. И только затем, чтобы сказать окружающим, какой странный у него взгляд.

Труппа покидает Париж. Лишь изредка до Берлиоза доходят вести об артистке. Он готов поверить глупым сплетням. В его сердце еще живет любовь, как ни пытается он ее заглушить. Вместе с нею просыпается и неприязнь — в его душе художника-романтика эти две страсти живут одновременно. Фантазия и реальность иной раз странно переплетаются в его сознании. Воображаемое он готов принять за действительное. Ему даже кажется порой, что он готов расстаться с жизнью. Было это или не было — теперь он даже не знает точно. Знает только одно. Он должен был написать музыку. Выразить в ней все, чем он жил эти мучительные годы. Фантазия Берлиоза возбуждена. До поры дремавшие творческие силы пробуждаются с необыкновенной силой. Он словно заново открывает себя и свою музыку. Ему тесно в рамках старой классической симфонии. Он готов отбросить их, чтобы создать свой симфонический роман. Он хочет писать так, как диктует ему его фантазия,

Герой воскрешает в памяти первую встречу с любимой, свои мечтания, страсти. Он вдруг вспомнил тему своего романа, который сочинил двенадцати лет, когда впервые влюбился в Эстеллу, чей образ еще у него в памяти. Эта тема открывает симфонию. Основным же мотивом первой части и всей симфонии должна быть тема возлюбленной. Здесь она появляется впервые — светлая и мечтательная.

Затем герой встречает возлюбленную на празднике. Ее тема тревожно врывается в упоительное скользящее движение вальса.

Герой хочет забыть о своих чувствах. Он мечтает обрести покой, удаляется в деревню. Все здесь дышит покоем. Звучат очаровательные наигрыши пастухов. Мысли героя

светлеют. Но ненадолго. Как навязчивая идея, снова появляется в его душе образ возлюбленной, его мучают злые предчувствия.

Дальше его фантазия обретает совсем уже странные очертания. Герою снится, что он убил свою возлюбленную и его ведут на казнь. Берлиоз даже готов поплясать, что написал музыку «Шествия на казнь» за одну ночь, в едином порыве вдохновения. Конечно, было не так. Он воспользовался отчасти уже готовой музыкой к незаконченной опере. Но разве это так уж важно. Этот злоеущий марш ему удался. Он буквально ослепит слушателей мощью и красочностью оркестровки.

В последней части симфонии герой видит себя на злоеущем шабаше среди скопища ведьм и колдунов.

Ему чудится, что сюда же прилетела и его возлюбленная, изменившаяся неузнаваемо. Теперь ее благородная мелодия звучит грубо и вызывающе. Когда он писал эту музыку, он вспоминал сцену «Вальпургиевой ночи» из незадолго до того прочитанного «Фауста» Гете.

Так в три месяца родилась симфония, которой суждено было прославить имя Берлиоза, — большая Фантастическая симфония, которой композитор дал подзаголовок «Эпизод из жизни артиста».

Впервые симфония исполнялась 5 декабря 1830 года.

«Накануне этого концерта меня посетил Лист. На концерте он обратил на себя внимание проявлением своего восторга. Три части — «Бал», «Шествие» и «Шабаш» — произвели сенсацию».

Генриетты в это время в Париже не было.

Вскоре после концерта Берлиоз уехал в Италию, там занялся и переложкой симфонии. В следующий раз она должна была исполняться в 1832 году.

Музыкант только что вернулся в Париж. Здесь он узнает, что английская театральная труппа вернулась в столицу Франции. Генриетта Смитсон — ее директор.

«Я онемел от волнения при известии об этой невероятной случайности, об этом стечении роковых обстоятельств. Я понял, что не могу больше бороться».

На этот раз английские антеры не имеют в Париже успеха, публика охладела и к Шенспиру и к знаменитой антрисе. Генриетта разорена и к тому же она сломала ногу и не сможет больше выступать в театре. Но что ему до этого. Страстное волнение заполняет его душу. Чувство, назалось бы совсем уснувшее, пробуждается с новой силой. Он должен увидеть Генриетту, сказать ей все... Он пригласит ее на свой концерт.

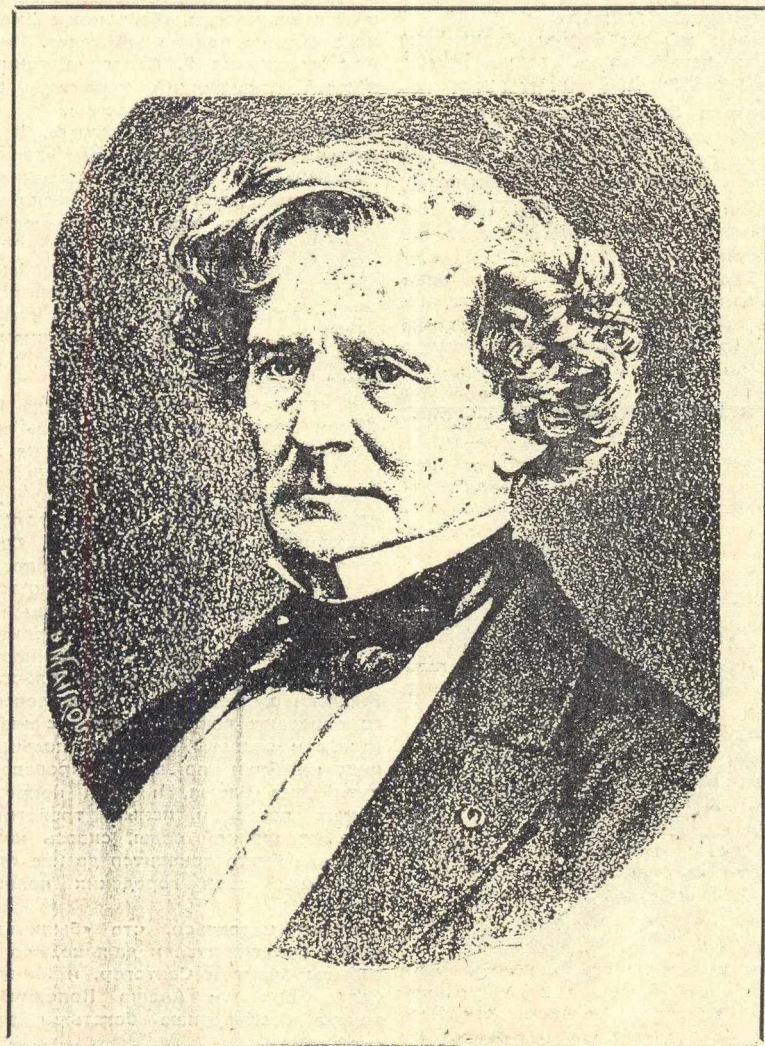
«Симфония начинается и производит ошеломляющее впечатление. Страстная выразительность произведения, его пламенные мелодии, возгласы любви, неистовые порывы, бурное звучание оркестра должны были произвести и действительно произвели столь же глубокое, сколь и неожиданное воздействие на ее нервную натуру и поэтическое воображение».

Именно так и было, он может написать об этом без ложной скромности.

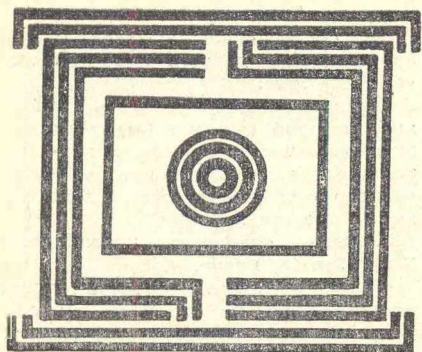
Этот концерт происходил 9 декабря 1832 года. Симфония, в которой Берлиоз прощался со своей любовью, вновь возродила ее.

Летом 1833 года Гентор Берлиоз и Генриетта Смитсон поженились.

Н. ТАНАЕВ

Выше леса стоячего

В последние годы выпущено несколько диафильмов по мотивам народных былин и сказаний.

Наши дети до обидного мало знают былины. Нередко они вообще их не читают до того, как в 6-м классе приходится знакомиться с ними по школьной программе. В нее включены всего две былины: «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Вольга и Микула». Для многих ребят этим исчерпывается знакомство с удивительным и неповторимым миром древнего фольклора.

Тем более следует пользоваться любой возможностью для того, чтобы восполнить этот существенный пробел в эстетическом воспитании детей. Вспомним, что Белинский настойчиво советовал читать детям русские былины, считая знакомство с ними очень важным как для воспитания патриотических чувств, уважения к героической истории народа, так и для формирования здорового эстетического вкуса. И не надо откладывать это до 11—12-летнего возраста. Вполне возможно делать это значительно раньше, еще до школы... Вот что писал об этом Корней Иванович Чуковский: «Я читал своим детям и их многочисленным сверстникам былины, «Одиссею», «Калевалу» и убедился на опыте, как нелепы и беспочвенны опасения взрослых, что дети не поймут этой поэзии. Нужно только исподволь приучить их к непривычному для них слогу, и они будут готовы часами слушать эти гениальные поэмы, в которых так мно-

го очаровательной детскости. Самая лексика этих поэм, поначалу лишь чуждая детям, отпугивающая их своей архаичностью, будет в конце концов восприниматься ими как близкая, живая, понятная».

Но вернемся к диафильмам. Они адресованы детям младшего школьного возраста, однако мы берем на себя смелость рекомендовать их старшим дошкольникам.

«Добрыня и Змей». Былинный текст бережно сохранен сценаристом Э. Померанцевой. Не беремся судить, всегда ли можно обойтись без пересказа, но в данном случае это удалось. И хорошо — ведь лучше народа не скажешь. Послушайте:

Матушка Добрынюшке говаривала:
«Ты не езди на гору Сорочинску,
Не топчи малых змеенышев,
Не выручай ты полону русского».

Так начинается фильм. Но не послушался Добрыня благоразумного совета матери, поехал, победил Змея «о двенадцати головах».

«Сделаем мы же заповедь великую: Тебе не летать да на святую Русь И не брать больше полону русского».

Поверил Змею простодушный богатырь, отпустил Змея, а сам «пошел ко граду он ко Киеву». В кадре рисунок художника А. Максимова: зеленый носогор, сочная трава, голубое небо, много простора, воздуха, радости.

А Змей летел над Киевом и нарушил заповедь великую, унес племянницу любимую князя Владимира Забаву Путятичну. Собирается быстро

удалой Добрыня Никитич, садится на добра коня.

Не дорожкою Добрыня ехал, не воротами, не воротами, Через ту стену поехал городовую. Через ту башню наугольну.

Как хорош рисунок и этим словам: белые стены и башни красавца Киева, Добрыня в красном плаще на белом коне!

Чуть повыше скачет леса стоячего. Чуть пониже скачет облака ходячего.

Бился Добрыня со Змеем три дня и три ночи и еще три часа, победил его и освободил пленников. Входит Добрыня в норы змеиные, выводит оттуда прекрасную Забаву Путятичну.

Рисунки А. Максимова к этой былинке ярки, лаконичны, не отвлекают обилием второстепенных деталей, очень определены по настроению.

«Садно». Былина (почему-то названная русской народной сказкой) сокращена и отредактирована в большей степени, чем «Добрыня и Змей», но это тоже подлинный текст. Рисунок художника Г. Сапегина тонкий, мягкий, отвечающий характеру былины поэтической, лирической.

«Былина об Илье Муромце». Здесь авторы сделали попытку «своими словами» (но подражая былинному слогу) рассказать сразу несколько былин, создать как бы «сводную». Нам кажется, что здесь было бы лучше сделать несколько диафильмов, держась ближе к подлиннику. Но во всяком случае скажем спасибо за то, что детей познакомили с Ильей Муромцем. Найдем былины о нем и сами прочитаем.

«Сказание о невидимом граде Китеже». Здесь тоже «свои слова» сценариста В. Маркова. Но он и не хочет выдавать свой текст за былинный. Говорит просто, современным языком. Легенда о гордом городе, скрывшемся под водой озера Светлояр, но не покорившемся врагу, не нуждается в словесных украшениях. С ребятами идет серьезный и взволнованный разговор о героизме и мужестве и о бессмысленности, обреченности всякого предательства. Рисунки художника В. Борзиловского передают всю сложность сюжета: в них и отсветы пожаров, поливающих на Руси по всему иржавому пути хана Батыя, и мрак непроходимых лесов, и ясный, трепетный свет прозрачной воды, сивозвзвоту которую как будто доносится до нас приглушенный звон городских колоколов.

Будем надеяться, что «былинный цикл» продолжится и дальше, что не забыты будут и Святогор, и Микула Селянинович, и Алеша Попович, и другие бессмертные богатыри русской земли.

С. ПЕЧУРО

«Сколько бы прирожденные задатки ни свидетельствовали об определенной направленности, не так-то легко и величайшему, многоопытнейшему сердцеведу достоверно предсказать, во что они выльются и к чему приведут ребенка...» Это утверждение принадлежит великому немецкому поэту Иоганну Вольфгангу Гёте.

Однако склонности самого создателя «Фауста» сказались очень рано. Иоганн Вольфганг испытывал редкое в детском возрасте пристрастие к учению стоиков. Он победил страх перед темнотой, сполна оплатив каждый персик из тех, что разрешалось есть доотвала в награду за ночи, когда он принуждал себя оставаться в постели и не бегать в людскую. А для дальнейшего совершенствования мужества персики уже не понадобились. «Из стойкости я сделал своего рода профессию, — вспоминал Гёте на склоне лет. — К упражнению в стоицизме, который я со всей серьезностью, возможной для мальчика, старался воспитать в себе, относилась и выработка невосприимчивости к физическим страданиям».

В чем закалялось долготерпение Иоганна? В играх с добровольными

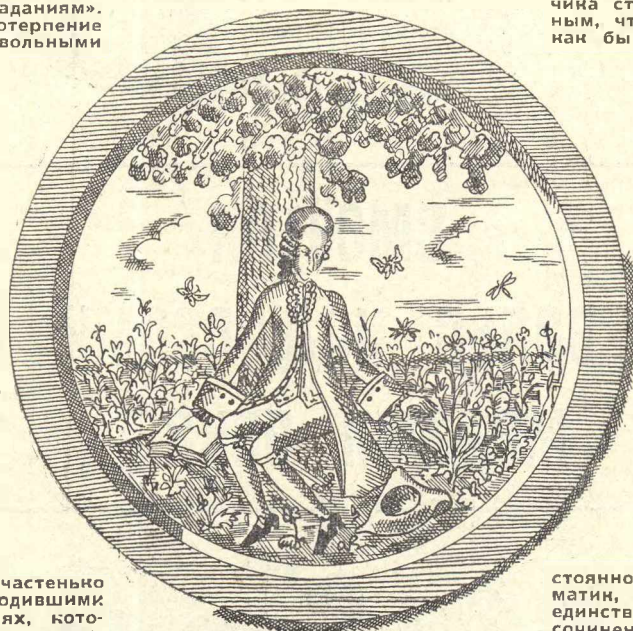
Грамматина не пришла мне по вкусу, ибо я рассматривал ее как некое произвольное установление; грамматические правила, опровергаемые бесчисленными исключениями, которые надо было заучивать отдельно, меня смешили. Если бы не рифмованный латинский учебник, не знаю, что бы со мной было, но эти стишки я охотно отбарабанивал или же читал нараспев».

В семь лет Иоганн уже понимал, «сколько забавно от риторического толкования предмета переходить к поэтическому». Тогда же его посетили и первые творческие сомнения. Юный поэт заметил, что не только ему, но и всем забавлявшимся рифмами мальчикам собственные строки представляются верхом совершенства. «Не заблуждаюсь ли я в такой же мере, не лучше ли эти стихи моих стихов и не кажутся ли я моим приятелям таким же полумумным, какими они кажутся мне? Я долго из-за этого тревожился, более того, бросил писать», — жест и в более

остановился комендант граф де Торан, страстный любитель живописи и неожиданных, остроумных решений. Мало-помалу Иоганн перевидел всех выдающихся французских полководцев и выучился начаткам чужого языка — многие слова были ему известны по занятиям латынью и итальянским, а беседы слуг, солдат, часовых и посетителей стали живым учебником разговорной речи. Остальное довершил театр, открытый в городе для основательно расположившегося гарнизона. Мальчик получил даровый билет и, несмотря на неувольствие отца, державшего сторону Фридриха II, старался не пропустить ни одного представления.

Наконец в 1762 году французы покинули Франкфурт. Отец, старавшийся до этого поменьше встречаться с графом и потому невольно отстранявшийся от домашних дел, с удвоенным рвением взялся за образование детей. Иоганн занимался рисунком, живописью, музыкой, верховой ездой, фехтованием, английским языком... Лингвистический багаж мальчика стал уже настолько значительным, что приходилось задумываться, как бы не порастерять его без по-

детство замечательных людей

гёте

В. ШАТЧЕНИН

испытателями его воли, частенько увлекавшимися и переходившими границы забавы. В занятиях, которые должны были, по мнению отца, воспитать усидчивость и прилежание — он затевал то разведение шелковичных червей (для них дети были обязаны набирать бесчисленное количество листьев, а в сырую погоду еще и обтирать их насухо), то хлопотную отбелку пожелтевших гравюр с видами Рима, то переписи библиотек. В постоянном противоборстве с обычными детскими болезнями — корью, коклюшем, ветрянкой... Самым страшным воспоминанием довольно безоблачного в остальном детства Гёте стала эпидемия оспы. Согласно предписаниям тогдашней медицины, ребенок лежал укутанный, с закрытым белой тряпкой лицом, что еще более увеличивало нестерпимый зуд. Но Иоганн переборол себя — он не расчесал ни единого волдыря, и болезнь не оставила видимых следов...

Успехи мальчика были неровны — зачастую поразительны, иногда неглубоки. «Благодаря способности быстро схватывать... я вскоре оставил позади все то, что мне могли дать отец и прочие учителя, ни в чем не приобретаю основательных знаний.

зрелом возрасте свидетельствующий о благородной придирчивости к себе, свойственной большому таланту.

Кроме прекрасной библиотеки а родительском доме было много других ценнейших собраний — коллекция географических карт, портретов, исторических указов, старинное оружие, редностное венецианское стекло, слоновая кость, бронза и сотни других вещей. Да и сам Франкфурт был неповторимым собранием средневековых стен, башен и бюргерских домов, древних обычаев и современных товаров на ежегодных ярмарках. Все это будоражило и без того яркое воображение мальчика, влетало в его мечты и сны, и которые он сочинял прямо на глазах зачарованных приятелей, которые «больше всего наслаждались, если рассказ велся от первого лица; видно, их радовало, что со мною, их сверстником, могли случаться такие чудеса».

В 1756 году началась Семилетняя война и через три года, когда Иоганну исполнилось десять лет, во Франкфурт вошли французы. В доме Гёте

стоянной прантини. Отрывки из грамматики, которые до сих пор были единственным источником тем для сочинений, успели порядком надоесть Иоганну. «И вот мне пришлось на ум разом покончить с этой канителью: я придумал роман, в котором действовали шестеро или семеро братьев и сестер, рассеянных по свету и в письмах сообщавших друг другу о своей жизни и новых впечатлениях». Один из братьев выдержанным немецким языком рассказывал о своих странствиях по германским землям; другой изучал богословие и писал по-латыни, а иногда ще голял и греческим постскриптумом; третий торговал в Гамбурге и его корреспонденция вполне приличествовала английской; еще один, помещенный автором в Марселе, писал на французском; для итальянского Иоганн изобрел музыканта, отправившегося в заграничное турне: «наконец, младший, нахальный желторотый птенец, для которого в запасе уже не было иностранного языка, изъяснялся на некоем немецко-еврейском диалекте, приводя в отчаяние адресатов своими ужасными наранулями...» Роман завершил круг жанрово-разнообразия, в котором успел испытать свои силы начинающий писатель. Ему шел тринадцатый год.

приглашение
к танцу

**смеётся
вальс над всеми
модами века ...**

В. БОВТ,
народная артистка СССР

*«Вальс устарел». —
Говорит кое-кто, смеясь.
Век усмотрел*

В нем отсталость и старость...

Действительно, есть ли сегодня человек, для которого ничего не значит, которому ничего не говорят звуки вальса? То упоительно веселые, то сладостно грустные... С ним связаны воспоминания наших родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек. «Робок, не смел наплывает мой первый вальс»...

Сколько же лет живет этот танец?

Бурной и шумной была молодость вальса. Он прошел через гонения, нападки, он выдержал долгую борьбу. Вальс появился в то время, когда бытовые танцы по характеру своему были строго регламентированы. Отношения кавалеров и дам чопорны, танцующие были похожи на марионеток. У Мопассана есть рассказ, герой которого — студент встречается в пустынных уголках Люксембургского сада старичков, которые показывают, как танцевали менуэт во время Людовика XV. «Они двигались взад и вперед, по-детски жеманясь, улыбаясь друг другу, наклонялись, кланялись, подпрыгивали, точно две старые куклы, которым дает движение какой-нибудь старый испорченный механизм, сделанный когда-то рукой искусного мастера по правилам его времени». Призраки учтивого века...

И вот когда на городские площади, в великосветские салоны, на увеселительные балы ворвался танец свободный, естественный, как сама жизнь, как то чувство, которое увлекает и кружит влюбленных, ревнители этикета, хранители морали не могли сдержать негодования. Само кружение партнера с дамой, то, что он держит даму за талию, казалось неслыханной вольностью. «Это грозит нравственным устоям общества, танец — это церемониал, он не должен отражать чувства танцующих», — говорили законодатели балов. «Танец должен иметь душу», — возражали романтики, защищавшие вальс. Этот танец был созвучен самой эпохе, в которую и наука и искусство ставили в центр внимания человека, его естественные потребности, социальные устремления, общественные связи. Тем большую ненависть вызывал он у охранителей старины. «Я вполне понимаю дам, с таким увлечением танцующих этот танец, вальс, — но как они допускают, чтобы его танцевали их дочери?» — эта фраза принадлежит одному из общественных деятелей Франции начала XIX века. В предписаниях

русской полиции при Павле I значилось запрещение употреблять пляски, именуемые «вальсеном».

Вальс пытались убить, выгнать за дверь, но он расцветал на площадях и возвращался обратно в светские салоны. Ритмы вальса задолго до официального рождения существовали в народных песенках. Среди них особую любовь получила песня «Ах, мой милый Августин», известная и нам. Под нее танцевался медленный танец дреер — прямой предшественник вальса. Вальс запрещали, а он — дитя народного искусства — мужал, набирал силу. Но вот появились композиторы — короли вальса. И тогда под звуки музыки Ланнера и великого Иоганна Штрауса затанцевала Вена, а за Веной весь мир. Вальс стал «королем танца». Вальсы танцевали и пели. Появились национальные разновидности вальса. Вальс стал классикой бытового танца.

Классика в искусстве потому и называется классикой, что она прошла испытание временем. Каждое время может черпать из этой классики свое, может заново прочитывать ее.

В сокровищнице танцевального искусства, пожалуй, нет танца более лаконичного, простого и одновременно сложного, потому что он требует благородной простоты, изящества. Нет танца более эмоционального, возвышенного и естественного, близкого природе человеческой. И нет танца более разнообразного. Вальсы бывают лирические, бравурные, искрометно веселые. Бывают и трагические — вспомните вальс Хачатуряна к драме Лермонтова «Маскарад» — предчувствие трагического исхода звучит в музыке. И пробуждение первого юношеского чувства в вальсе Наташи из оперы Прокофьева «Война и мир».

«Смеется вальс над всеми модами века...» Может быть, потому, что он многое может выразить. И не только в искусстве, просто — в быту. В разном настроении, в разном возрасте вальс будут танцевать по-разному, и о разном он будет рассказывать. Только одного не допускает вальс — расхлябанности, некорректности в отношениях партнеров. Тогда он вянет, теряет свою прелесть. Вот заметьте: когда на вечера объявляют вальс, первое движение мужчины — подтянуться, стать стройнее, поправить галстук, а потом уже подойти к даме.

Да, вальс не устаревает потому, что в нем с особой полнотой раскрываются взаимоотношения мужчины и женщины. Как бы ни менялись времена, женщина будет ценить в мужчине его силу, возмож-

ность довериться ему, найти в нем покровителя, а мужчины будут, наверное, всегда, если не говорить, то ощущать, что сила женщины — все слабости. И какой танец, как не вальс, выражает эту доверчивость женщины, которую увлекает, кружит партнер! Для того чтобы провальсировать 5—10 минут, мужчина должен проявить незаурядную силу и ловкость, а от женщины требуется легкость, грация и умение положиться на партнера. Весь танец — ответственность мужчины за женщину.

Красиво танцуют вальс те, кто умеет выразить в нем и чувство собственного достоинства и целомудренное, уважительное отношение к женщине. В известном смысле этот танец становится проверкой самого себя.

Красиво танцует вальс тот мужчина, который, увлекая партнершу в круженье, не стиснет ее, как в клещах. Красиво танцует вальс та женщина, которая свободно положит руку на плечо партнера, а не повиснет у него на шее.

Порой, когда смотришь некоторые современные танцы, то замечаешь, что движения мужчин и женщин по характеру своему не разнятся, их взаимоотношения в танце небрежны, а то и вовсе не видны. Вальс сохраняет самое прекрасное, что есть в женщине, — ее женственность. И самое достойное в мужчине — его рыцарственность, благородство.

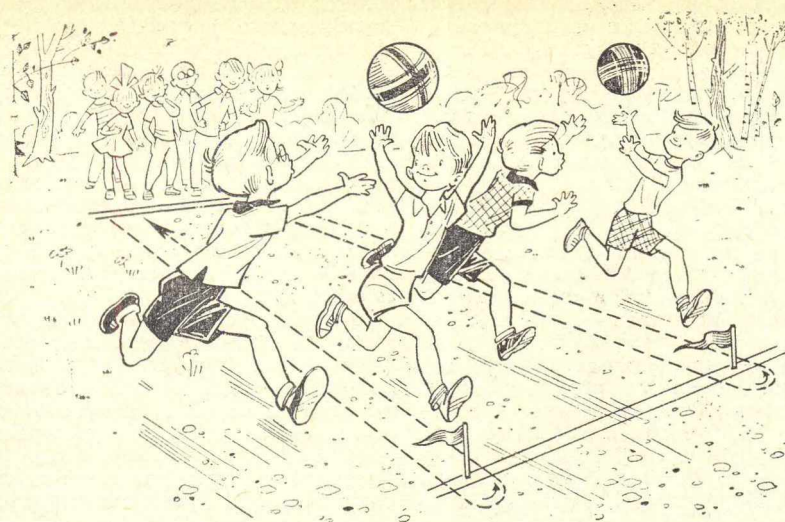
*Твист и чарльстон —
Вы заполнили шар земной.
Вальс оттеснен,
Без вины виноватый...*

Жизнь идет вперед. Рождаются новые танцы. Сегодня мы танцуем и липси, и казачок, и шейк. Вальс «оттеснен» не только модой. Он требует простора; на вечеринках в маленьких квартирах не очень-то повальсируешь, да и на танцплощадках, где набивается множество народу, тоже не развернешься. Жалко, что у нас исчез распорядитель танцев — молодой человек, следивший за соблюдением правил, часто он становился душой балов. И всегда особенно торжественно он объявлял вальс.

*Пусть проходят года,
Все равно никогда
Не состарится вальс.*

Я не считаю вальс единственным хорошим балльным танцем. Я не рекомендую танцевать только его. И в танго, и в фокстроте, и в чарльстоне есть своя прелесть. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что все, кто танцует вальс, получают истинное удовольствие.

на площадке, на лужайке

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта

Художник А. Орлов

пасбол

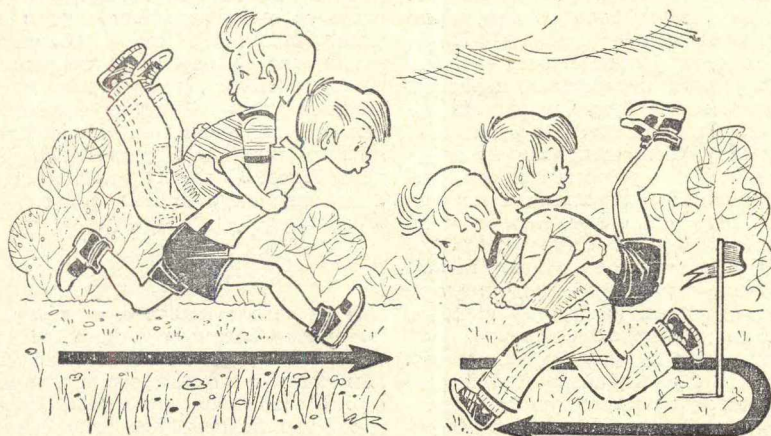
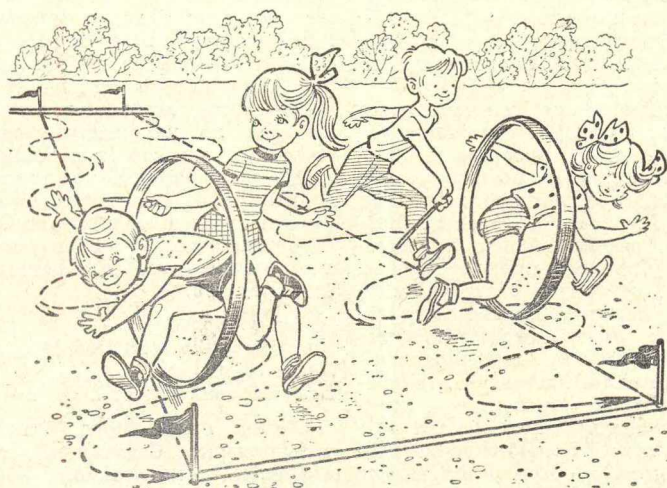
Дело нехитрое — бегать, перебрасывая друг другу мяч. Каждый пас — очко. Быстрота бега тоже имеет значение: те, кто первым пришли к финишу, в ожидании соперников могут побросать мяч друг другу (расстояние — 1 метр, как и при беге), набирая еще очки.

вьюнок

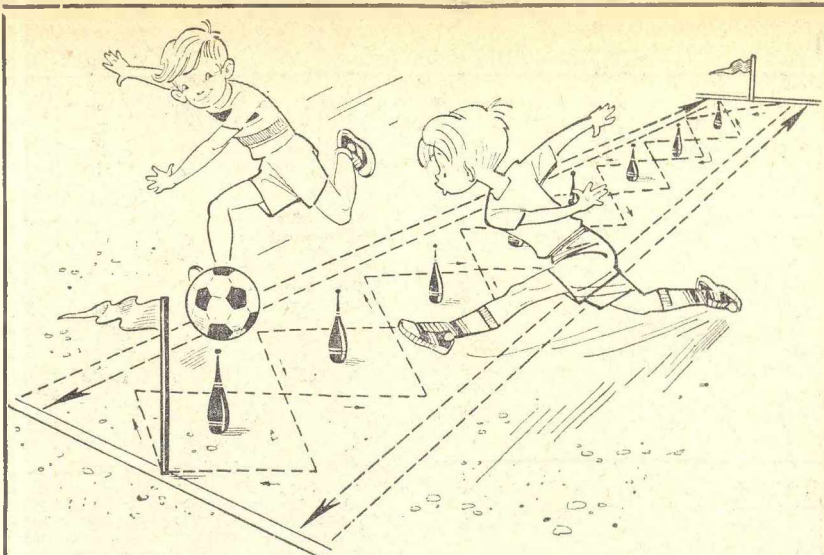
Гонять обруч легко. А вот ловко, вьюнком нырнуть в него — это уже сложнее. За каждый удачный нырок — 1 очко. А если не получилось и обруч упал — надо поднять его и продолжать игру.

закорки

Игра специально для мальчиков. Соревнуются пары — кто быстрее пройдет дистанцию до флажка и обратно. Туда я везу тебя, а обратно — ты меня!

змейка

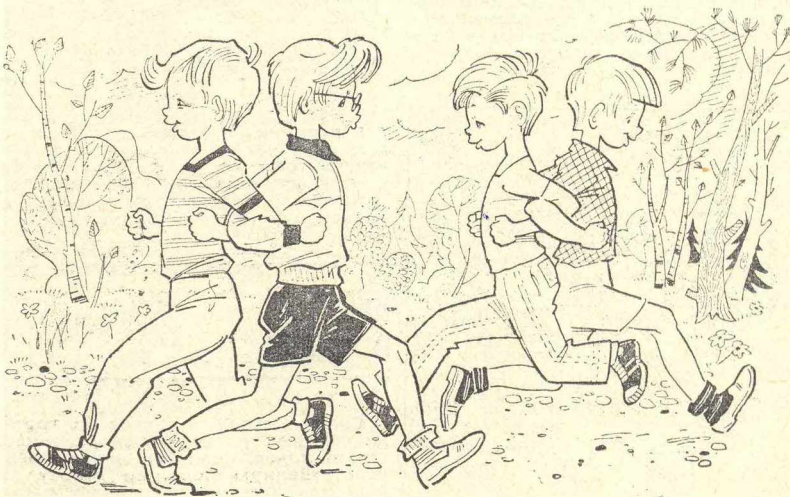
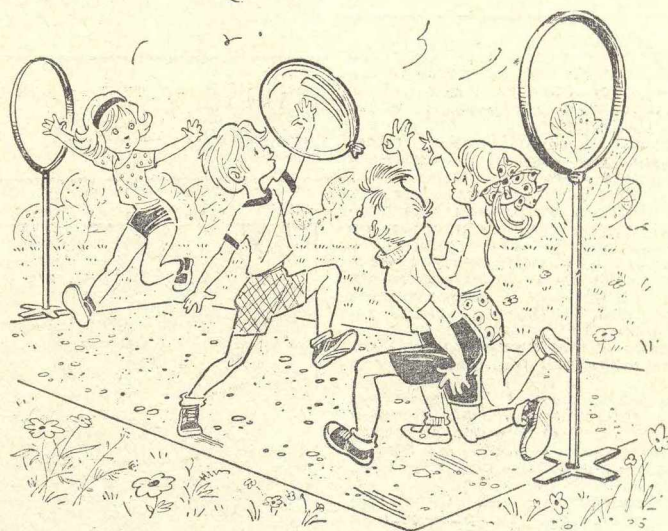
Эта игра — из арсенала тренировочных упражнений настоящих мастеров футбола. На дистанции 20—30 метров ставятся 8—10 булав (конечно, их можно заменить и другими предметами). Задача играющих — пройти дистанцию туда и обратно, перепасовывая мяч друг другу. Какая пара сделает это быстрее?

парящий шар

Если не очень сильный ветер, игра эта удастся на славу. Главное — не стараться бить по шару сильно. Достаточно легкого щелчка или простого прикосновения рукой. Кто за 5 минут сумеет большее число раз загнать шар в кольцо противника?

вперед-назад

Вперед — назад... Идет на лад? Да, это трудно вначале — бежать спиной вперед... Дистанция 15 метров. Добрались до флажка — роли меняются. Побеждает пара, прибежавшая раньше.

Вопрос — ответ

— Недавно мне попала на глаза задача, в которой под диаграммой написано — «Кооперативный мат в 2 хода». Что это означает? — спрашивает читатель С. Вигорский.

Разберем подобную задачу, представленную на первой диаграмме. Итак, задание — кооперативный мат в 2 хода. Как надо его понимать?

Как и в обычных задачах, мат требуется объявить черному королю, но слово «кооперативный» говорит о том, что здесь белым придется бороться с черными и опровергать их защиты. В этой задаче обе стороны действуют кооперативно, то есть заодно — белые помогают черным, а те — белым. Также важно знать, что в подобных задачах начинают всегда черные.

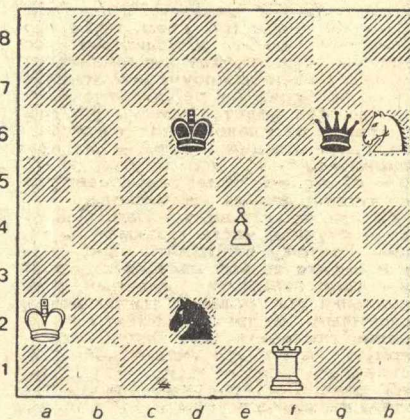
Каково же решение? Какие кооперативные действия белых и черных приведут к мату в 2 хода черному королю? Вот такие — 1.а6 — а5 Лb4 — b3+2.Кра3 — а4 Кd3 — с5X. Задание выполнено!

Эта задача (автор Б. Снявцов) интересна еще тем, что решается и в случае, если заменить пешку а6 конем, или слоном, или ладьей, или ферзем, причем решения все разные. Вот как дается кооперативный мат в 2 хода, если на а6 не пешка, а черный

конь: 1.Ка6 — с5 Кd3 — с1 2.Кс5 — а4 Лb4 — b3X.

А теперь найдите способ выполнить задание (оно остается прежним), если на а6 — черный слон; то же с черной ладьей, а также — с черным ферзем.

найдите спасение

В позиции на второй диаграмме белые явно уступают противнику в силах. К тому же их фигуры под ударом. И все-таки они могут избежать поражения. Покажите эту маленькую спасующую их комбинацию.

кое-что о слоне

Снажем сразу: в задаче на третьей диаграмме, где требуется дать мат в шесть ходов, слон выполняет весьма ответственную роль: он делает первый ход и он же совершает последний — матующий — ход. Разумеется, подумав, вы покажете, как должен он

тут действовать. Хорошо. Но известно ли вам, как вообще когда-то получилось, что слон стал слоном? Вряд ли... А было это так.

Когда уже обзавелись именами люди и названиями звери, наступила очередь шахматных фигур.

Уговорить Короля стать Королем, а Королеву — Королевой, как вы сами понимаете, было нетрудно.

Что Конь — это Конь, сомнений не возникало.

Ладья категорически заявила: «Я буду именоваться Ладьей!» Спорить с подобной тяжелой фигурой никто не захотел.

Своему названию воспротивилась Пешка, но ее быстро уговорили, разразив двойной первый ход.

Однако одна фигура еще оставалась не названной. Хитроумным ходом Коня она не владела, качеством Ладьи не обладала, была не так высока, как Король, но и не так мала, как Пешка.

— Подойди-на ближе, — сказала ей Королева. — Мы подберем тебе имя. Куда направляешься?

— Никуда... По диагоналим слоняюсь...

— А потом?

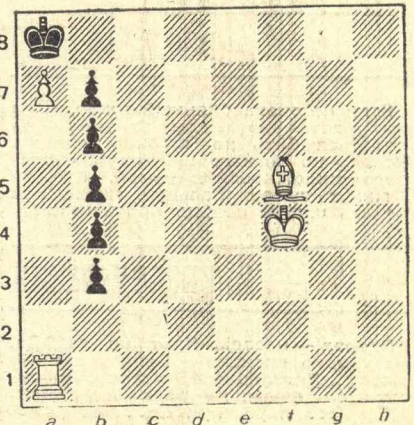
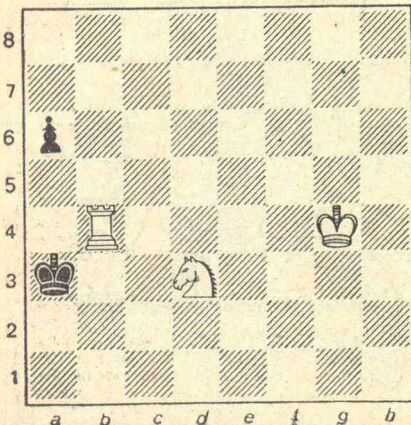
— Слоняться надоест — прислонюсь где-нибудь.

— Ну, а в игре что сумеешь?

— Короля и тебя от нападения за-слонять.

— Слон! — воскликнула тут Королева. — Пусть зовется Слоном!

Название не очень-то понравилось Слону, но что станешь делать? Если Королева утверждает, что ты — Слон,

попробуй доказать, что ты не Слон!

А теперь, когда вы все это узнали, для вас, конечно, не составит труда найти мат в шесть ходов, который объявляют белые в задаче на третьей диаграмме.

шахматы наполеона

В 1933 году в австрийском городе Аустерлице состоялась выставка вещей, связанных с именем Наполеона. Среди них были и шахматы, которые Наполеон, умирая, завещал своему сыну.

Шахматы эти очень красивы, сделаны из слоновой кости и перламутра. Но, главное, они обладали секретом, крайне важным для Наполеона, о котором, однако, тот ничего не знал, и так и умер в неведении. Оказывается, друзья полководца, разработав план побега с острова Святой Елены, чтобы ознакомить его с ним, поместили его внутри некоторых фигур. А весь этот подарочный комплект шахмат должен был вручить Наполеону один из посвященных в тайну офицеров. Однако во время путешествия через океан офицер этот скоропостижно скончался, и шахматы были переданы человеком, не знавшим о тайне. Ничего не подозревая о секрете, Наполеон играл в эти шахматы до конца своих дней.

когда учить? как учить?

«Я хочу научить сына играть в шахматы. Ему три годика. Он умеет правильно расставлять фигуры, но играет ими как простыми игрушками — стучит по доске, имитируя ходы, а то и вовсе начнет сшибать их, чтобы они падали на пол. Станешь объяснять ходы, а он говорит: «Папа, давай играть!»

Прошу посоветовать — с какого возраста начинать обучение и как. А. Харитонов, г. Ульяновск».

Судя по описанию, мальчик сейчас играет в шахматы именно так, как и положено играть в его возрасте: фигуры для него — обычные деревянные солдатики. И раскрывать перед ним глубину шахматной игры, объяс-

няя ходы и их взаимосвязь, показывать, что это борьба, в которой он — полководец, не только принимающий почести при успехе, но и ответственный за неудачи, — пока не нужно. Этого не следует делать, пока мальчику не минет по меньшей мере 6 лет. Почему? Да потому, что для таких малышей в шахматной игре результат сражения заслоняет все остальное и оказывает слишком сильное эмоциональное воздействие. Выиграл у сына отец — для него это очень большое огорчение, обида, часто — слезы. А умышленное поражение тоже не приведет к хорошему.

Но уже в 6—7 лет ребенка можно обучать шахматам. Возможно, некоторые родители подумают: «А стоит ли? Ведь на самом пороге школы — дел учебных и без того хватит!» Да, шахматы являются дополнительной нагрузкой, но такой, которая поможет ему лучше справиться со «школьной ношей». Ведь если маленький шахматист не умеет сосредоточить внимание, если он рассеян, неусидчив, то он будет всякий раз проигрывать именно из-за этих причин. Он сам будет стараться избавиться от таких своих недостатков и, поверьте, избавится! Выработанные качества мало-помалу укрепятся в нем настолько, что сделаются нормой не только за шахматной доской, но и за школьной партией или за домашним письменным столом.

Помимо того, шахматы воспитывают выдержку, стойкость, способность сохранять хладнокровие при опасности, умение логически размышлять. «Посредством шахмат я воспитал свой характер, — пишет гениальный русский шахматист Александр Алехин. — Шахматы прежде всего учат быть объективным. В шахматах можно сделать большим мастером, лишь осознав свои ошибки и недостатки, совершенно так же, как и в жизни».

С чего начинать обучение? Конечно, с правил игры: на первом уроке покажите, как ходят пешки и фигуры; во втором расскажите, что такое шах, мат, пат и что цель в игре — дать мат неприятельскому королю; на третьем — объясните рокировку, превращение пешки, взятие на проходе.

Учите, что правила — наиболее сухая и скучная часть «шахматной науки». Поэтому оживляйте свою беседу и ведите ее как своеобразную игру — сопровождайте легкими, положительными для малыша вопросами и заданиями. Например, объясняя ход пешки, поставьте себе белую, ему — черную. «А ну, кто скорее дойдет до последнего ряда?» Или: «Тут стоит мой слон. Поставь свою пешку так, чтобы ты мог его побить». Объяснили

шах... «Вот мой король. А у тебя — тут ладья, здесь — слон, там — конь. Какой фигурой можешь ты объявить шах и мат?» Думаем, подобные несложные задания маленький ученик будет выполнять с интересом и удовольствием.

На четвертом уроке покажите, как дают мат одиночному королю король с ферзем и король с ладьей. На пятом — начинайте играть.

В игре, особенно в первое время, подчеркивайте, что каждый ход должен делаться с какой-нибудь целью и что хвататься за первую попавшуюся на глаза фигуру, передвигать ее, а затем лишь посмотреть — что получится, плохо и ведет к проигрышу. Чаще напоминайте, что нужно сперва подумать — чем, куда и для чего пойти, а только потом делать ход. У маленьких ребят поначалу следует искусственно замедлять темп игры и, разумеется, ни в коем случае не торопить их. После нескольких партий можно предложить легкие задачи и решать их совместно, помогая намеками, но так, чтобы сыну казалось, будто решил он вполне самостоятельно: на первых порах хорошо, чтобы он поверил в свою «шахматную силу».

Кроме того, стоит проследить, чтобы победы в игре доставались не только старшему, чтобы маленький партнер не чувствовал себя в этой борьбе обреченным. Но не проигрывайте умышленно, а лучше давайте фору (то есть снимайте у себя перед началом партии ферзя, а то и больше). Доведите фору до такой, когда сами увидите, что чаша весов в игре колеблется. И так играйте, пока ваш ученик не начнет одерживать больше побед, чем вы. А тогда чуть уменьшите фору.

Не смейтесь при поражении малыша, не поддразнивайте его, не растравляйте болезненную рану... Наоборот! Убеждайте его, что проигрывать не так страшно, и каждый раз вскрывайте причину ошибки: «Вот тут ты поспешил...», «Если бы ты здесь подумал...» и т. п.

К сожалению, хотя шахматных книг много, достать хорошее пособие для занятий с детьми трудно. Все же думаю, что в библиотеке можно что-нибудь подобрать. Рекомендую в первую очередь такие книги: И. Майзелис. «Шахматы»; А. Кобленц. «Школа шахматной игры»; В. Панов. «Шахматы — интересная игра»; В. Панов. «Король против короля»; М. Юдович. «Занимательные шахматы», а также шахматные отделы в журналах «Пионер», «Костер» и в нашем журнале.

Ю. БАРСКИЙ

Главный редактор
Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия:
М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДАВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ, О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ, Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИПОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера
Юрия Колюшева
Художественно-технический
редактор Т. Мухина

Издательство «Педагогика»
Академии
педагогических наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

Адрес редакции:
129278, Москва, И-278
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-85-16, 283-82-21, 283-82-18

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.
Литературных консультаций
редакция не дает.

Подписано к печати
11 апреля 1972 г. А07186. Тираж
1 300 000 (550 001—1 300 000) экземпляров.
Заказ 134. Бумага 84×108 1/16.
Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42).
Уч.-изд. л. 10,78.

Главполиграфпром Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Отпеча-
тано в ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградской типографии № 2
им. Евг. Соколовой, Измайловский про-
спект, 29, с матриц ордена Трудового
Красного Знамени Ленинградской ти-
пографии № 1 «Печатный Двор»
им. А. М. Горького, Гатчинская ул., 26.
Обложка и вкладка отпечатаны в Ле-
нинградской типографии № 3 имени
Ивана Федорова, Звенигородская ул., 11.

сумрак и огонь

Действие картины «Концерт на флейте» замечательного немецкого художника А. Менцеля (1815—1905) (ее вы видите на вкладке) происходит во дворце Сансуси. Он построен в середине XVIII в. близ Потсдама прусским королем Фридрихом II. Друг Вольтера, Фридрих построил Сансуси в стиле рококо, вывезенном из Франции. Дворец производит впечатление легкости и изящества, ослепляет роскошью.

Жизнь в Сансуси — это праздники, балы, фейерверки. Фридрих делал все, чтобы не прерывался однажды заданный ритм веселости и сам старался соответствовать этому ритму. Он стремился создать впечатление, что так же легко, как танцует на балу, он выигрывает войны, пишет стихи и политические трактаты и крепко держит в руках военно-экономическую машину прусской монархии. Видимость легкости входила в кодекс чести «короля-философа». Этому были глубокие причины: на самом деле Фридрих был деспотичным и вероломным человеком, всю жизнь вымещающим на других обиды, полученные в юности от отца, жестоко наказавшего сына за попытку бегства из отечественной казармы в Англию.

Фридриху Менцель посвятил несколько лет своего творчества. Он создал 11 больших картин («Фридрих-ана»); около 2000 литографий посвящены различным эпизодам жизни короля, приметам быта и деталям нравов его времени. Менцель быстро распознал, насколько далек от действительности был созданный королем образ самого себя. Сивозь бальный блеск и французский лоск он попытался заглянуть в глубь, в самую суть Фридриха.

В «Концерте на флейте» декорации действия сохранены в неприкосновенности. Все верно стили рококо: хрустальные люстры и ажурные рамы зеркал, криолины и пудренные парики. Мы видим Фридриха, играю-

щего на флейте, и оркестрантов, ожидающих, когда он кончит сольную партию, чтобы вступить. Всё как и бывало в Сансуси.

И все же Сансуси преображен Менцелем. Взгляд художника подобен рентгеновскому аппарату: он высвечивает в изображаемом скрытую реальность, второй план. Солнечный характер «легенды Сансуси» Менцель разоблачил как иллюзорный. Эмоциональную игру солнечного освещения — света и тени — он заменил драматическим противостоянием огня и сумрака. Фарфоровая хрупкость Сансуси только местами на холсте выхватывается огнем свечей, а там, куда огонь не достигает, все растворяется в золотисто-коричневатом сумраке. Дворец Без — Тревог (так переводится «Сансуси») изображается Менцелем именно как дворец Тревоги. Персонажи напряжены и к чему-то прислушиваются. Они слушают, как играет на флейте король, но слышат, как шумит время. Золотистый сумрак, как едкая кислота, растворяет границы концертного зала, размывает очертания форм, и концертный зал оказывается открытым таинственной бесконечности, начинающейся там, где должны были быть стены.

Сансуси Менцеля заставляет забыть об изысканной отточенности форм Версаля (бывшего прообразом исторического Сансуси), о насыщенном солнцем фарфоре, о музыке рококо и хрупкой грации жеманниц, вообще о том, с чем привычно связывается понятие «восемнадцатый век». Менцель смешивает времена: на память приходят устрашающе пустынные залы в замках древнегерманских рыцарей, где горели не свечи, а дымные факелы, где не зеркала висели на стенах, а страшные набавы головы, где не флейты тешили слух, а хриплые военные трубы...

Возможности, открытые Менцелем, были поняты его современниками. Это были возможности социального критицизма. В. В. Стасов писал: «Что нам за дело до «Концерта на флейте» с прелестным огненным освещением и правдивостью придворной галантейной обстановки рококо, когда и старинная-то музыка была плоха у короля, и сам-то он играл прескверно, и ничего-то нельзя тут ему поставить в заслугу, потому что он был страшно сух и прозаичен и ничего общего не имел ни с искусством, ни с поэзией... По счастью, для своего таланта, — добавлял Стасов, — Менцель провел только шестнадцать-семнадцать лет в своем фридриховском чаду».

«Счастье» Стасов видел в том, что с возрастом Менцель все чаще обращался к современной жизни, к ее блеску и нищете, к ее скоропреходящим радостям и разительным контра-

стам. Огонь и сумрак создают необычное драматическое освещение сцен у Менцеля. Мотивами огня и сумрака пронизана и вторая воспроизводимая здесь картина. Это «Железопрокатный завод», первое в мировой живописи полотно, рисующее большое промышленное предприятие, «не только шедевр, но и подвиг Менцеля» (Стасов). Даже синтаксис замечательного описания Стасова передает впечатление хаоса, лабиринта, едва ли не современных джунглей: «У него тут на сцене словно какой-то лес: висящие от светящегося сверху стелняного потолка вниз по полу ремни, приводы, цепи, упирающиеся вверх тонкие чугунные столбы и столбики, зубчатые колеса, тут и там, повсюду, крючья и веревки образуют словно дремучую чащу лесную, сквозь которую еле могут пробираться рабочие в длинных кожаных фартуках, черные, как арапы, и двигающие огромными железными кочергами, клещами и ухватками в раскаленных горнах, дышащих огнем, точно красный ад среди мрака... Сотни людей виднеются вдали в просветах пламени... Это настоящая кузница циклопов, но нынешних, правдивых, не выдуманных и не идеализированных».

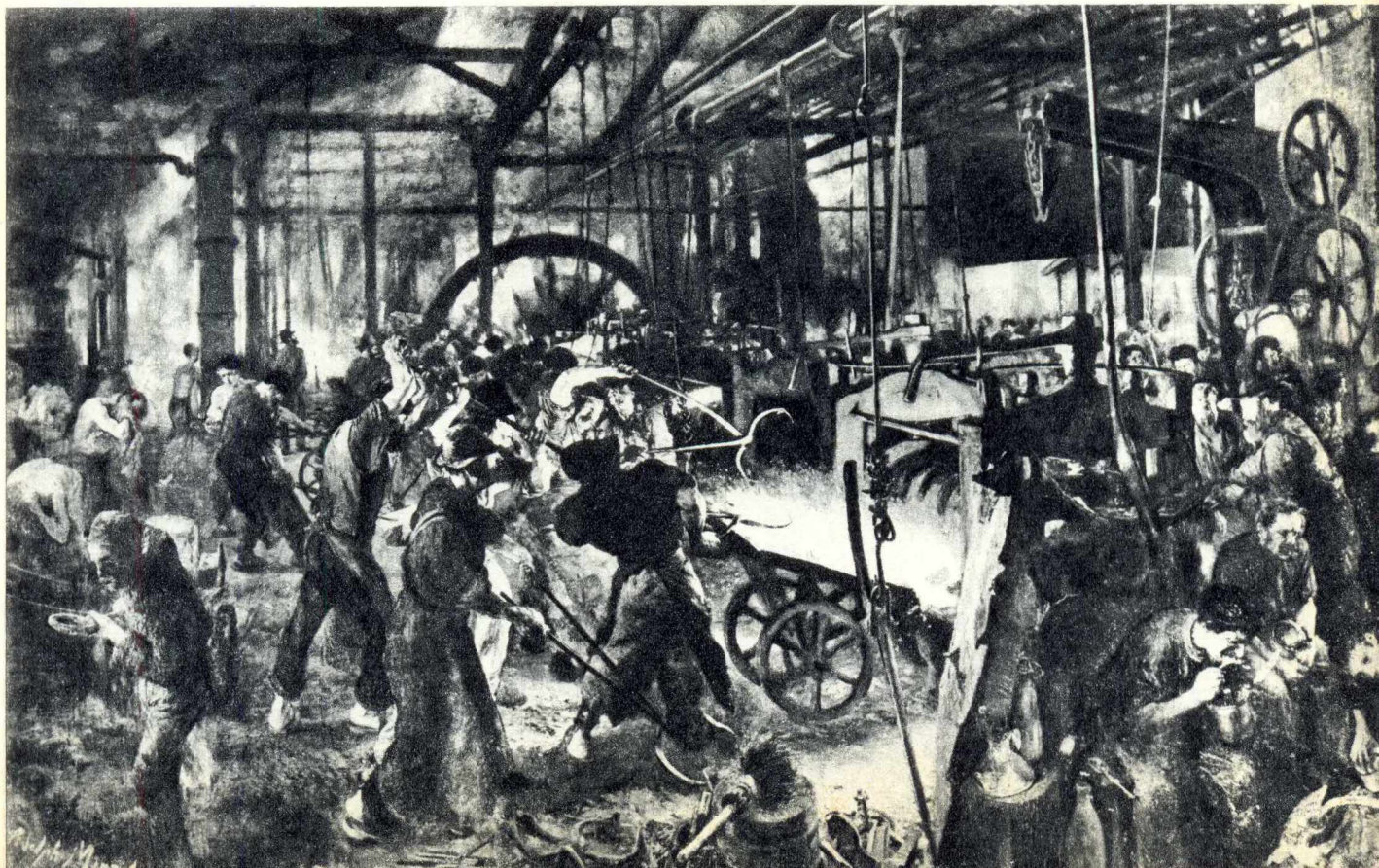
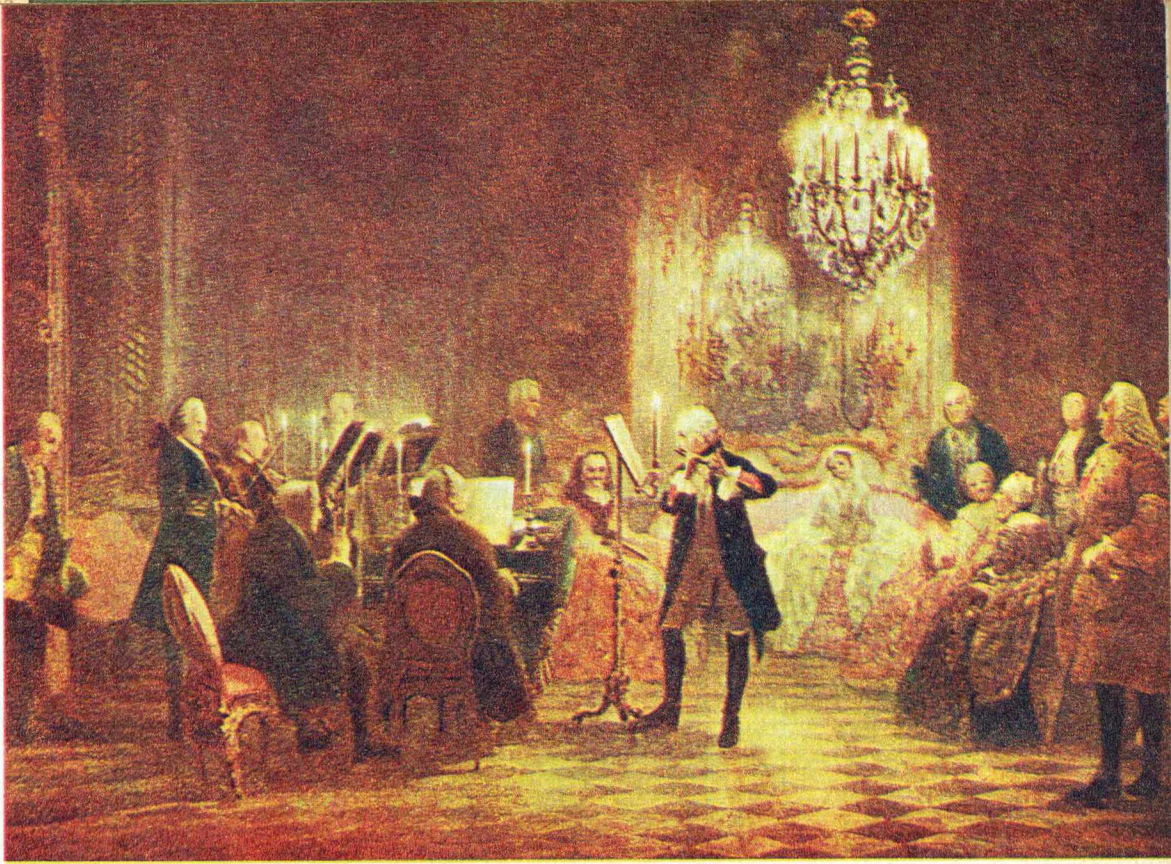
О «циклопах современной техники» говорил и сам Менцель. Это, конечно, не случайное совпадение. Менцель досконально изучал натуру («Я находился в постоянной опасности быть прокатанным вместе с металлом. Неделями... стоял я там между гудящими маховыми колесами и ремнями и пылающими блонами и делал зарисовки»), но не фотографировал ее.

Работающих и отдыхающих людей Менцель изображает по-разному. Отдыхающие рабочие, отирающие пот или пьющие ледяную воду, — вызывают непосредственное сочувствие Менцеля. Это плач над красотой человеческого тела, поруганной бесчеловечным Молохом. Иное чувство вызывает у него фигуры работающих людей: атлетические позы, напряженные мускулы, руки, словно бы сросшиеся с тачками. Кружение во мраке вокруг огня...

Тревогой, как-то связанной с огнем, насыщено это полотно. Однако теперь эта тревога значительно конкретнее, чем в цикле о Фридрихе. Мешая, как и там, настоящее и прошлое, Менцель открывает здесь для себя еще одно измерение: будущее. «Железопрокатный завод» — картина-свидетельство, но не только. Это картина о тяжелой жизни и великой силе народа. По глубине и актуальности решения темы Менцель в этой картине превзошел себя. Вероятно, поэтому она остается лучшим его произведением.

В. АЛЕКСЕЕВ

*„я дружу
с мальчишем-
кибальчишем...“*

На „Книжкиной выставке“

Фото А. Становова

